

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ
ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ

ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ
ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Сборник научных трудов

Часть 2

Алматы
2021

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз.)
Э 91

*Рекомендовано к печати Ученым Советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК*

Посвящается 30-летию Независимости Республики Казахстан

Ответственный редактор
Шайкемелев М.С.-А. – доктор философских наук,
ассоциированный профессор

Редакционная коллегия:
Дунаев В.Ю. – доктор философских наук, профессор
Курганская В.Д. – доктор философских наук, профессор
Булуқтаев Ю.О. – доктор политических наук

«Этносоциальные процессы в Республике Казахстан». Сборник научных трудов. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. Часть 2. – 268 с.

ISBN – 978-601-304-120-9

В сборник трудов вошли статьи ведущих казахстанских и зарубежных политологов, социологов, философов и историков, исследующих этнополитические процессы в контексте казахстанского и мирового общественно-политического дискурса. Предметом исследования авторов стали проблемы интеграции этносов в казахстанское общество, этносоциальные процессы в социодискурсе постмодерна, примордиальный этнонационализм в контексте прав человека, типология национализма, проблемы национального строительства, национального суверенитета, мультикультурного образования и др.

Сборник предназначен для казахстанских ученых, преподавателей, студентов и магистрантов, журналистов, а также адресован широкой общественности, интересующейся проблемами этнополитики, межэтнических отношений и национального строительства.

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз.)

ISBN – 978-601-304-120-9

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Республика Казахстан на практике доказывает, что проводит рациональную межэтническую политику, при которой достигается взаимное уважение и взаимопонимание различных этнических групп, составляющих единую социально-политическую и гражданскую общность – казахстанский народ. С достижением Казахстаном независимости приобретён значительный опыт политического регулирования процессов взаимодействия многочисленных этносов страны; выработана особая, казахстанская модель общежития различных этнических общин, учитывающая особенности их культурно-исторического развития, органично соединяющая в себе универсальные принципы международного права и исторически сложившиеся особенности взаимоотношений этнических групп в Казахстане.

Выработка эффективной государственной политики в сфере межэтнических отношений является задачей всего казахстанского общества. По своему содержанию сфера межэтнических отношений есть отношения интересов этнических групп и реализация этих интересов в процессе государственного строительства, формирования культурного и духовного пространства Казахстана, выстраивания его внешней политики и поддержания национальной безопасности страны. Имеются непреложные цели и стратегические приоритеты развития межэтнических отношений. Это – сохранение имеющегося уровня межэтнического согласия в обществе и его совер-

шенствование, углубление консолидации казахстанского общества, его стабильности и способности к развитию, готовность отвечать на усложняющиеся условия внешнего мира, на возрастание вызовов и угроз современности.

Казахстан как полиэтническое государство остро нуждается в интегрированной парадигме понимания этнокультурного многообразия для организации и институционализации этнокультурной среды развития общества, в том числе и политическими средствами. Представления о природе и особенностях феноменов нации, этноса, этничности, национальной и этнической идентичности и т.д., редуцированные к тем или иным односторонним взглядам, воплощаются в соответствующие односторонние, а потому дисфункциональные политико-управленческие программы. Решение задач нахождения оптимальных форм политического управления процессами взаимодействия этнических общностей должно происходить на основе конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами, а разработка эффективных политических и социальных технологий по повышению интеграционного потенциала субъектов межэтнического взаимодействия должна проводиться при участии ученых. На решение этих задач направлен грантовый проект Комитета науки МОН РК «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан» (2021-2023 гг.), промежуточные результаты которого представлены в данном сборнике трудов научными статьями членов исследовательского коллектива.

В соответствии с календарным планом НИП в режиме мониторинга были проведены исследования этносо-

циальных процессов в местах компактного и смешанного проживания этнических групп с упором на юг Казахстана – регион, в этноареалах которого чаще всего происходили межэтнические и социальные конфликты и столкновения между коренным этносом и представителями других этнических групп (турками, таджиками, курдами, узбеками, уйгурами, чеченцами, дунганями). Высокий уровень безработицы, наличие большого количества внутренних и внешних мигрантов при высокой плотности населения, представленного в большинстве своем автохтонным казахским этносом являются дополнительными факторами межэтнической напряженности в южном регионе.

Проведение мониторинговых исследований с помощью различных методов в селах Алматинской, Жамбылской и Туркестанской областей¹, а также в северных и восточных областях позволило прояснить состояние межэтнических отношений, определить уровень межэтнической напряженности и разработать для органов управления практические рекомендации по оптимизации этнополитического менеджмента.

Мониторинг показал, что межэтнические процессы в стране протекают в достаточно конструктивном русле, толерантные отношения между основными этническими группами сохраняются. Ценности толерантности, межкультурного и межэтнического диалога, взаимоважения, поиска компромиссов, единства и согласия и далее утверждаются в качестве мировоззренческих идеалов и норм повседневной жизни казахстанского обще-

---

¹ Исследование проводилось в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

ства. Но, как показали исследования, отвергнув прежние ценности государственного атеизма, коллективизма, пролетарского интернационализма и других принципов коммунистической идеологии, общество пока не обрело иммунитет против радикальных форм отчуждения личности и самоизоляции отдельных групп общества, которые проявляются время от времени в казахстанском социуме. Сфера общественного сознания модернизирующегося общества в условиях нарастания глобальных и региональных вызовов и угроз требует реализации упреждающей стратегии своего формирования.

Необходима переоценка прежних ценностей с упором на новые подходы в изучении историко-культурных, социально-политических и экономических явлений. Научно-аналитические разработки должны быть направлены на выработку методологии конструирования и внедрения ключевых идеологических концептов, обеспечивающих переход от общества, разделяемого этническими, религиозными и социально-экономическими границами к Нации единого будущего, объединенной общими идеалами и ценностями.

И здесь государству не обойтись без потенциала и помощи гражданского общества, представляемого Ассамблеей народа Казахстана, партиями и движениями, некоммерческими организациями и НПО. Методология разработки и технология внедрения новейших концептов и механизмов формирования нации конкурентоспособных и ответственных граждан должны основываться не только на идеальных схемах, заимствованных у развитых стран. Следует, прежде всего, отталкиваться от казахстанской специфики развития

социально-политической, экономической, культурной сферы общественного целого, от степени готовности населения к восприятию задач духовной модернизации. Вопросы внедрения отечественных разработок идеологических концептов, адаптированных к местным традициям, выстраивание ориентиров и приоритетов в соответствии с задачами сохранения и развития национальной культуры и ее генетического кода должны стать полем приложения совместных усилий государственных и гражданских структур.

Эту цель преследует наш проект, направленный на создание действенного механизма решения общественных проблем. Только при работающем механизме обратной связи населения со «слышащим» государством разовьется способность адаптации как этнических групп, так и власти к новым вызовам и угрозам. Например, Ассамблее народа Казахстана следует в своей работе выполнять не только культурно-просветительские задачи, но и разработать кейс действенных превентивных механизмов предупреждения конфликтов, взаимодействуя в этой работе с национал-патриотически настроенной интеллигенцией.

Замеры уровня межэтнической напряжённости по социально-территориальному расселению этнических групп проводились по особой шкале индикаторов, адаптированной к каждому этноареалу. Если в Алматинской области сотрудники НИП сами выезжали на полевые исследования, то для проведения полевых работ в Туркестанской и Жамбылской областях в проект были приглашены профессиональные социологи, проживающие в этих областях, знающие их специфику и имеющие большой опыт исследовательской работы. В их функции входило

постоянное отслеживание этносоциальных процессов в различных локациях Туркестанской и Жамбылской областей (тип исследования – экспресс-интервью, контент-анализ СМИ, документальный метод, методы визуальной социологии, биографические методы). Собранная социальная информация была проанализирована и положена в основу аналитической записки для органов управления, ряда научных статей, была использована при разработке практических рекомендаций по оптимизации работы органов управления /самоуправления.

В сборнике представлен широкий спектр статей научно-теоретической и научно-практической направленности как казахстанских, так и зарубежных исследователей этнополитических процессов из Грузии, Польши, России и Франции. Предметом исследования авторов сборника научных трудов стали проблемы интеграции этносов в казахстанское общество, миграционная политика и этнодемографические процессы, роль художественно-эстетической культуры в формировании духовного единства народа Казахстана, интроспективные аспекты субэтнического взаимодействия, этносоциальные процессы в социодискурсе постмодерна, примордиальный этнонационализм в контексте прав человека, механизмы формирования наднациональных идентичностей, типология национализма, проблемы национальных меньшинств, национального строительства и национального суверенитета, мультикультурного образования и др.

Шайкемелев М.С.-А., Курганская В.Д.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СФЕРА: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Сейдуманов Серик Турарович

Вопрос межэтнического согласия в любом государстве – это глубокий, тонкий и чувствительный вопрос, и в случае, если в этой сфере остаются нерешенные проблемы, он всегда воспринимается очень остро. В сфере межэтнических взаимоотношений традиционно сохраняется множество нюансов, неписанных законов, ограничений, самоограничений и табу. Как показывает 30-летний опыт Казахстана в области межэтнического взаимодействия важно не только знать ситуацию, анализировать ее и предлагать меры по устранению потенциальных конфликтов. Главное, чтобы организаторы в государственных органах чувствовали, интуитивно понимали ситуацию и соответственно, предлагали взвешенные, неконъюнктурные, честные управленческие решения, умели их реализовывать в целях достижения позитивных результатов для государства и общества.

Остановимся на трех вопросах межэтнической сферы национального строительства. Первый важнейший вопрос – об историческом опыте регулирования межэтнических отношений на начальном этапе независимости Казахстана. Второй вопрос – об актуальных индикаторах напряженности, которые измеряют социологи и их влиянии на ситуацию в межэтнических взаимодействиях. И

третий вопрос, о некоторых мерах по преодолению существующих проблемных тенденций межэтнической сферы.

1. Первые пять лет независимости с 1992 по январь 1997 года автор данной статьи занимался вопросами межнациональных отношений в Администрации Президента Республики Казахстан (на начальном этапе он назывался Аппарат Президента и Кабинета Министров), затем в 1992-1993 годах, более полутора лет был старшим референтом – единственным сотрудником в Аппарате Президента и Кабинета Министров РК, ответственным за межэтнические вопросы. Далее, в 1995-1996 годах был первым заведующим Исполнительным секретарем Ассамблеи народа Казахстана. По поручению руководства Казахстана автор статьи выступал с докладами на специальных конференциях ОБСЕ в Таллине (Эстония), Локарно (Швейцария) и ряде других представительных мировых форумов, посвященных вопросам межэтнических отношений в Евросоюзе и мире. Особо отметим, что в те годы на таких международных конференциях существовала практика содокладов действующих официальных политиков из данного государства и оппонировавшей ему независимой организации из той же страны. Например, в Таллине официальному казахстанскому докладу оппонировала А. Докучаева – один из лидеров казахстанского славянского движения «Лад». Казахстанские доклады всегда получали одобрение, а зачастую и восторженные отзывы международных экспертов, сотрудников специального офиса ОБСЕ, и самого Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макса ван дер Стула.

Это был самый сложный период государственного строительства в Казахстане – масштабная негативная энергия распада Советского Союза, и спровоцированное ею межэтническое напряжение чувствовались везде и повсюду, они были почти физически ощутимы. Тогда уже начинались кровопролитные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве и в бывшей Югославии.

Первым Президентом – Елбасы Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым были найдены и реализованы самые правильные и своевременные политические решения, сумевшие предотвратить подобные катаклизмы в нашей стране. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Стул, отмечая роль Президента Н.А. Назарбаева в гармоничном развитии этносов в Казахстане, сказал на международном научно-практическом семинаре «Мониторинг межэтнических отношений в Казахстане: опыт, эффективность и перспективы», прошедшем 23-24 мая 2001 г. в Доме дружбы г. Алматы: «Одним из важнейших принципов гармоничного развития всех этнических групп в любой стране является принцип равенства. Именно он должен строго уважаться и соблюдаться. И в этом отношении хочу особо подчеркнуть, что Президент Н.А. Назарбаев постоянно и неуклонно проводит этот принцип, как основополагающий в своей политике на протяжении всего времени» [1, с. 8].

В Казахстане в первое время мы действовали как в чрезвычайной ситуации, решали многие вопросы в пожарном порядке, но постепенно, буквально на ходу, выработали эффективную тактику и стратегию действий в решении межэтнических вопросов. Несомненно, что

только политика и воля Первого Президента, а также, что, очень немаловажно, доступ к Главе государства с этими важными вопросами позволили выработать концептуальные основы решения неотложных и перспективных проблем межэтнических отношений в стране. Тот бесценный институализированный опыт впоследствии назовут особым казахстанским путем и казахстанской моделью общественного согласия и общенационального единства Н.А. Назарбаева [2].

Мы шли путем поиска и внедрения новых форм и форматов работы органов государственного управления. Были созданы должности советника по межнациональным вопросам, а затем и Государственный комитет по национальной политике. Создание Ассамблеи народа Казахстана (АНК) в марте 1995 года, которое было эффективно реализовано только в нашей стране, позволило решить острые проблемы первого этапа независимого развития и заложить основы многолетних успехов, реального мира и согласия в казахстанском обществе.

Отметим, что незадолго до нас были созданы подобные Ассамблеи в Кыргызстане, а позднее и в России. Но они работали не так успешно, как в Казахстане. Только в Казахстане была применена наиболее эффективная управленческая формула – синергическое соединение деятельности этнокультурных объединений и управленческих возможностей отдела Администрации Президента (АП) с созданием в АП специального Секретариата Ассамблеи народа Казахстана. Макс ван дер Стул очень высоко оценивал работу АНК, назвав ее деятельность на том же международном семинаре важнейшим инстру-

ментом согласования межэтнических отношений и создания баланса в этой сфере в Казахстане [1, с. 9].

В силу высокой эффективности работы Ассамблеи народа Казахстана необходимость в Госкомнаце и специальном советнике Президента отпала, и они были упразднены. Ряд западных экспертов ставит под сомнение роль Ассамблеи как инструмента эффективной и взвешенной политики в области межэтнических отношений. Например, К. Рис и Н. Вильямс пишут: «...институциональная структура Ассамблеи может быть истолкована как способ поверхностно продемонстрировать соответствие режима международно признанным нормативным идеалам мультикультурализма и межэтнического единства» [3]. Однако объективный анализ свидетельствует, что АНК, как важнейший государственно-общественный институт регулирования межэтнических отношений, делами доказала свою эффективность.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие все усилия АНК были направлены лишь на организационное расширение в виде создания РГУ «Қоғамдық келісім» и других организационных структур, ресурсы которых были сосредоточены в основном на масштабных культурных мероприятиях, Ассамблея продолжала служить эффективным стержнем проведения национальной политики в стране. К сожалению, реальный анализ, тем более принятие необходимых мер по нейтрализации потенциальных очагов и факторов межэтнической напряженности постепенно стали недостаточными. Но сама управленческая вертикаль – сочетание структуры Администрации Президента в виде Секретариата АНК

и действий ЭКО (этнокультурных объединений), на деле показала, что является организационно-административным ноу-хау Казахстана, и доказала свою эффективность на протяжении четверти века, начиная с 1997 года.

2. Мониторинг межэтнической сферы казахстанского общества текущего 2021 года свидетельствует, что развитие межэтнических отношений в Республике Казахстан осуществляется в конструктивном русле, и между этническими группами страны сохраняются отношения доверия и сотрудничества. И это, в первую очередь, заслуга политики Первого Президента – Елбасы Н.А. Назарбаева и его преемника Президента Казахстана К.К. Токаева. Однако, до сих пор существует целый ряд факторов, измеряемых социологическими индикаторами напряженности и способных отрицательно повлиять на стабильность в казахстанском обществе.

Анализ позволяет выделить ряд актуальных индикаторов сферы межэтнического взаимодействия. Выделим три важнейших, ключевых индикатора межэтнической сферы. Первым, основным индикатором, свидетельствующим о внутренних проблемах, могущих повлиять на стабильность и согласие в обществе, является весьма непростое социально-экономическое положение населения на общем кризисном фоне мировой пандемии COVID -19. Это общепринятый постулат, но не надо забывать и то, что и при экономическом росте также могут возникать конфликты, если не решать возникающие или уже имеющиеся вопросы в межэтнических отношениях. Дональд Горовиц отмечает: «Если мы сконцентрируем внимание на поведении этнических групп..., то

окажется, что очень сложно увязать конфликт с экономическими интересами. Напротив, со всей очевидностью обнаруживается готовность этнических групп пожертвовать экономическими интересами ради иных выгод» [4, р. 131].

Следующим, вторым в рейтинге индикатором напряженности, являются языковые и образовательные проблемы этнических групп страны. Отметим, что актуальность языковой проблемы в образовании, в основном выделяют представители самых крупных этносов страны после казахов и русских, имеющие школы со своим национальным языком преподавания, то есть представители узбекского и уйгурского этносов. Но образование этносов страны в целом пока не является острой проблемой, способной стать триггером напряженности в казахстанском социуме. Надо при этом учесть, что в стране существует поддержка представителями этнических групп системы поликультурного (би- и три-лингвального) образования.

Следующим, третьим по значимости индикатором напряженности в межэтнических отношениях является проблема общественной интеграции казахских этнических репатриантов – кандасов и внутренних мигрантов. Межкультурные и языковые суб- и межэтнические границы между местным принимающим сообществом и мигрантами/иммигрантами принимают порой парадоксальный характер.

Выступая на одной из конференций в год 10-летия независимости, автор статьи отмечал, что «беспокойство казахов за состояние культуры и языка несет в себе не только определенный конфликтный потенциал

в виде сопротивления иноязычному и инокультурному влиянию путем его неприятия или отгораживания, архаизации своих культурных и языковых символов, но и порождает противоречия внутри казахского этноса с ассимилировавшимися соотечественниками-казахами» [1, с. 90]. В этом году Казахстан отмечает 30-летие независимости. Тренды, обозначенные автором данной статьи ранее, только усиливаются. С полным основанием можно отнести беспокойство за состояние проблемы культуры и языка и к кандасам, которые являются яркими выразителями традиционной культуры.

В казахстанской научно-публицистической литературе и ранее присутствовала проблематика социальной адаптации и интеграции кандасов (оралманов) в казахстанский социум. Несмотря на это, попытки исследования личностных, языковых, культурологических проблем привлекали внимание, в основном, только зарубежных исследователей [5]. По-видимому, пришло время более глубокого и детального изучения этой проблематики.

3. Таким образом, вышеуказанные факторы свидетельствуют, что ситуация в межэтнической сфере остается достаточно сложной, несмотря на все усилия Ассамблеи народа Казахстана, Министерства информации и общественного развития, Министерства образования и науки, и других государственных органов и общественных организаций. Причинами не решенности до конца указанными уполномоченными государственными органами возникших некоторых проблем в межэтнической сфере являются как объективные ограничения в функциях и полномочиях данных государственных органов, так

и несформатированность процессов в общественном сознании и государственном управлении.

Решение современных проблем межэтнической сферы, на наш взгляд, может быть обеспечено только специальной координацией действий всех государственных органов, в том числе, правоохранительных, судебных и других центральных органов, а также структурных подразделений акиматов, отвечающих за состояние межнациональной сферы и целенаправленное формирование необходимых установок и норм массового сознания.

Для этого считаем необходимым создание специальной управленческой структуры – Координационной группы по межэтническим вопросам в Администрации Президента, объединяющей возможности ряда государственных органов для решения возникающих межведомственных проблем в межэтнической сфере.

Суть этого предложения заключается в ответственном подходе к решению проблем межэтнической сферы Казахстана, означающего: во-первых, особое внимание руководства страны к данному вопросу; во-вторых, создание управленческой структуры в виде Координационной группы, имеющей высокий статус и возможности; в-третьих, привлечение к данной работе всех необходимых организаторов и специалистов в этом вопросе. В целях единой и слаженной работы всего государственного управления крайне важно подготовить новые идеологемы-тезисы, направленные в адрес государственных органов и целевых групп населения, позволяющие специалистам государственной службы действовать эффективно и скоординировано. Эффективная координирующая управленческая

структура по межэтническим вопросам в современных условиях в силу ее необыкновенной сложности и многогранности, возможна только в рамках Администрации Президента Республики Казахстан.

Кроме того, на наш взгляд, государственным органам в настоящее время следует учесть ряд научно-практических рекомендаций по преодолению негативных тенденций межэтнической сферы, укреплению и развитию межэтнического взаимодействия этносов Казахстана:

1. Необходимо провести глубокий и всесторонний анализ вопросов сохраняющегося экономического и социального неравенства между кандасами и местными сообществами, оказывающего существенное влияние на характер межгрупповых взаимоотношений. Самые насущные экономические проблемы – обеспечения населения землей, питьевой и поливной водой, достойным образованием и здравоохранением и т.д., приобретающие хронически нерешаемый характер способствуют росту социальной, а вместе с ней и межэтнической напряженности;

2. Языковая проблема остается и в длительной перспективе будет оставаться одним из наиболее острых вопросов в деятельности государственных и общественных организаций по регулированию межэтнических отношений. Одним из решений проблемы видится продуманное и постепенное внедрение системы поликультурного и полиязычного образования;

3. Одной из наиболее острых и активно обсуждаемых проблем остается недостаточная представленность этнических групп во власти, формирующая миграционные

настроения и перекаладывающая всю ответственность за кризисы на коренной этнос. В этой связи представляется целесообразным внести предложения о праве этнических групп в местах как компактного, так и смешанного проживания на квотное представительство в полиции, местных органах управления. Подобное представительство могло бы способствовать большей интеграции местной элиты в общую административно-управленческую систему;

4. Деятельность Ассамблеи народа Казахстана необходимо скорректировать от представительской, просвещенческой функции к действенно-практическим функциям в казахстанском обществе. Необходима продуманная и целенаправленная реформа АНК по восстановлению, приданию ей определенных полномочий в сфере регулирования и предупреждения межэтнических конфликтов. Конечно, эти вопросы направления и механизмов реформы АНК должны решаться на самом высоком политическом уровне.

Цели государства, общества и всех этнических групп совпадают – это мир и согласие в обществе. Дело теперь за государственным управлением – находить и реализовывать самые эффективные пути решения имеющихся вопросов и проблем в межэтнических отношениях.

Список использованных источников:

1 Мониторинг межэтнических отношений в Казахстане: опыт, эффективность и перспективы / Материалы международного научно-практического семинара. Алматы, 23-24 мая 2001 г. Астана, 2001. – 188 с.

2 Н.А. Назарбаев – основоположник казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. / Сост.: А.Н. Нысанбаев, А.Г. Косиченко. – Алматы: 2010. – 365 с.

3 Rees, K.M. and Williams, N.W. Explaining Kazakhstani Identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. – URL: https://www.academia.edu/28507832/Explaining_Kazakhstani_Identity_Supraethnic_identity_ethnicity_language_and_citizenship.

4 Horowitz, Donald. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California press, 1985.

5 См. напр.: Игорь Савин. 27 июля 2012. «Оралманы – этнически свои, но социально чужие» - [https:// russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oralmany-etnicheski-svoi-no-sotsialno-chuzhie/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oralmany-etnicheski-svoi-no-sotsialno-chuzhie/)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАНИЦЫ КАЗАХСКОЙ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1919-1920 гг.

Аллез Гзавье

Цель данной презентации – обсуждение вопроса о делимитации территории казахской автономии в 1919-1920 гг. Она будет сосредоточена на дискуссиях, имевших место в советских органах, и опирается на данные архивных фондов в Москве (ГАРФ и РГАСПИ) и фондов *киргизского* [казахского]¹ революционного комитета (Кирревкома). Основное внимание уделяется созданию Кирревкома в 1919 году и его работе до провозглашения Казахской Советской Автономной Республики в 1920 году. Более точно изучены также два особых момента территориального строительства: выбор столицы для новой республики и переговоры вокруг Тургайской области и Оренбургской губернии. Эти моменты иллюстрируют два важнейших аспекта процесса наделения национальной автономией, а именно: отношения между местным русским населением и органами казахской власти и структура связи между городскими центрами и сельскими районами в степях.

Первая неудачная попытка провозгласить казахскую автономию состоялась в конце 1917 года под эгидой Алаш Орды. Очерченная территория на Всеказахском съезде соответствует, в основном, нынешним границам

---

¹ Выделенный курсивом термин «киргизский» в источниках соответствует названию «казахский».

Казахстана. Военно-политические события начала 1918 года не позволили осуществить проект провозглашения автономии, тем более что казахский съезд Сырдарьинской области в январе 1918 года отклонил предложение объединиться с казахской автономией, что означало бы отделиться от Туркестана. Советская власть позже вновь вернулась к проекту автономии, причем без четких рамок и конкретных идей по ее реализации. Принцип состоял в том, чтобы созвать Всеказахский съезд советов, который единственный мог на законных основаниях провозгласить создание казахской республики. Все попытки провалились в 1918 году из-за гражданской войны.

Весной 1919 года были начаты переговоры между Алаш Ордой и Советами после отказа русского правительства адмирала Колчака от какой-либо национальной автономии. Однако мгновенное победоносное наступление белых в мае 1919 года прервало эти переговоры¹. Напряженная военно-политическая обстановка заставила советских лидеров задуматься над новой стратегией. Переговоры велись в период с конца мая по июль 1919 года в Комиссариате по делам национальностей. По просьбе Сталина Алиби Джангильдин остался в Москве, чтобы определить новую политическую стратегию. Поскольку созыв Всеказахского съезда стал весьма проблематичен из-за военного положения и разрыва с Алаш Ордой, единственным выходом было создать революционный комитет, который имел бы власть над казахскими степями. Ему было поручено создать приемлемые условия для созыва Всеказахского съезда.

---

¹ Подробнее о положении Алаш Орды в 1919 году см. Аманжолова, 1994, с. 125-157.

Создание *Киргизского* революционного комитета (Кирревкома) вызывало множество вопросов, которые в течение двух месяцев обсуждались на собраниях и в комиссиях. Двумя основными проблемами были – сфера компетенции этого комитета в регионах, где существовало сильное русское меньшинство, и территориальные границы его власти, определение которых повлияло бы на будущую казахскую автономию. 12 июня Совет Народных Комиссаров впервые рассматривал этот вопрос, требуя безотлагательно вернуть ему проект постановления революционного комитета¹. Подготовленный *киргизским* бюро Проект был изучен смешанной комиссией 25 июня 1919 года, в состав которой вошли представители комиссариата по делам национальностей, *киргизского* бюро (Джангильдин, Тунгачин, Байтурсунов, Каралдин и Бекентаев), Комиссариата внутренних дел и представители других советских и туркестанских администраций². Проект был одобрен с некоторыми изменениями в отношении границ³. Первоначальный проект предусматривал включение Сырдарьи и Семиречья в сферу компетенции революционного комитета; окончательное постановление временно исключало эти области из проекта. 28 июня 1919 года состоялось очередное совещание казахских, туркестанских, бухарских и афганских представителей, на котором вновь обсуждались основные моменты, которые должны были определять отношения

---

¹ Ленин, 1982, с. 291.

² Протокол заседания Смешанной комиссии по разработке положения для *киргизского* региона, 25.06.1919 (Москва), ГАРФ: фонд 1318/1/427, с. 83.

³ Проект положения для *киргизского* региона, ГАРФ: фонд 1318/1/427, с. 104-106.

между будущей казахской автономией и Туркестаном¹. Никаких конкретных решений там не принималось, оставляя статус-кво в силе.

Проект постановления для *Киргизского* революционного комитета, утвержденного 25 июня Комиссариатом по делам национальностей, был принят 10 июля Советом Народных Комиссаров, когда Ленин подписал указ «О революционном комитете по управлению *Киргизским* краем»². В результате был образован комитет, назначенный Москвой, который получил право привлекать новых членов. Полномочия этого комитета были достаточно широкими. Он имел право вносить поправки в любые решения местных советов, ему была дана власть над Тургайской, Уральской, Семипалатинской, Акмолинской областями и казахскими территориями Астраханской губернии. Первый состав комитета состоял из 7 членов и секретаря: Пестковский (председатель), Тунгачин, Джангильдин, Лукашев, Байтурсунов, Каратаев, Мендешев и Каральдин (секретарь)³. Байтурсунов, единственный видный деятель Алаш Орды, присоединившись к Советам, был включен в состав нового революционного комитета Лениным, хотя в апреле-мае Тунгачин и Джангильдин отстранили его от дискуссий. Его присутствие казалось большевистским лидерам обязательным для успеха советизации степей.

---

¹ Протокол совещания казахских, туркестанских, бухарских и афганских представителей, 28.06.1919 (Москва), ГАРФ: фонд 1318/1/56, с. 198.

² «Временное положение о революционном комитете по управлению *киргизским* краем» Совета Народных Комиссаров, 10.07.1918 (Москва), Протоколы Революционного комитета по управлению казахским краем (1919-1920), *op. cit.*, с.14-18.

³ Ленин, 1982, с. 295.

Работа революционного комитета началась в начале августа 1919 года после приезда его членов в Оренбург – город, в котором фактически должен был располагаться комитет. Деятельность Кирревкома на протяжении чуть более года своего существования велась по трем основным направлениям: создание территориального образования, интеграция казахской интеллигенции, советское становление в степях. Данная статья посвящена первому пункту.

Создание территориального образования, будущая казахская автономная республика

Одной из первых трудностей, с которыми столкнулся *Киргизский* революционный комитет, было укрепление своей власти на территории, которая еще в июле 1919 года была расколота между многочисленными административными и политическими центрами, значительная часть которых все еще находилась под контролем белых. *Киргизский* революционный комитет четко позиционировал свою деятельность в предстоящем создании Автономной Республики, указывая на области, в которых он имел полномочия¹. В целях подтверждения своей легитимности они были названы казахами «*киргизскими* областями». Тем не менее, такая передача сферы компетенции требовала настойчивости Джангильдина, который дважды, в начале апреля и в начале мая 1919 года, требовал упоминания областей и губерний, находящихся

---

¹ §3, *ibid.*, с. 14.

в подчинении центрального казахского органа¹. В конце концов политическая легитимность Кирревкома, предоставленная Москвой, вполне укладывалась в территориальные рамки.

Однако границы будущей республики не были окончательно очерчены. В редакцию соответствующей статьи добавлялась формула «до разграничения *киргизской* территории по согласованию с Туркестанской республикой, *киргизским* съездом и центральной советской властью»². Это замечание хорошо показывало неопределенность Москвы в отношении казахской территории и политической формы автономии. Формулировка статьи позволяла рассмотреть вопрос о дальнейшем присоединении к казахской республике Семиречья, Сырдарьи и Мангышлакского уезда, которые не были включены в сферу компетенции Кирревкома вследствие отказа туркестанских представителей в июле 1919 г. Советские казахские лидеры действительно получили такой же отказ, как и Алаш Орда в начале 1918 года.

Наиболее сильной оппозицией, с которой столкнулся *Киргизский* революционный комитет при установлении своей власти, были советские администрации и местные коммунистические организации, состоящие в большинстве своем из русских. В постановлении говорилось о подчинении советов казахских областей революционному комитету, но указывалось, что в смешанных уездах советы должны былиделиться на две секции:

---

¹ Жанкелдин, «Республиканың революциялық-әскери советіне» // Жанкелдин, 1975, с. 132-134.

² Статья 3 временного постановления Совнаркома О Кирревкоме (10 июля 1919 г.), *Протоколы...*, 1993, с. 14.

русскую и казахскую¹. С другой стороны, не упоминалось ни о русском населении, ни об участии российских региональных советов в разграничении территории Казахстана. Отсутствие четкого указания, к которому добавлялось постоянство напряженных отношений между русскими и казахами, вызывало большие и длительные споры о легитимности Кирревкома. Интеграция русских в казахскую территориальную автономию уже стала поводом для полемики на втором Всеказахском съезде в 1917 году, эта проблема также поднималась и в 1919-1920 годах.

Местным Советам с русским большинством было трудно понять, почему власть Кирревкома должна распространяться на них. Его деятельность, по их мнению, должна была касаться только казахского населения. Слабое представительство казахов в советах и в партии большевиков не могло не укрепить эту идею. Признание политической власти Кирревкома русскими советами заняло достаточно долгое время. Отсутствие казахского органа Компартии также ставило вопрос о политическом руководстве, которое должно было быть обеспечено Коммунистической партией. На местном уровне областные исполнительные комитеты в 1919 году де-факто контролировались областными комитетами партии. Существовало раздвоение власти между областными комитетами, подчиненными ЦК в Москве, и исполкомами, формально зависимыми от Кирревкома.

Эту ситуацию вкратце объяснил Ермаков на учредительном съезде Автономной Республики в 1920 г. «Есте-

---

¹ Статья 8 временного постановления Совнаркома О Кирревкоме (10 июля 1919 г.), *op. cit.*, 15.

ственно, всю работу Кирревкома пришлось сосредоточить прежде всего на объединении различных частей *Киргизии*, так как у него не было даже территории, на которой можно было бы выполнять свою работу. Для достижения этого объединения членам Кирревкома пришлось оставить работу в Оренбурге, чтобы перебраться в области. Власть в этих краях игнорировала правовые требования Кирревкома, отказываясь от сотрудничества и даже препятствуя образованию *Киргизской Республики*»¹.

Когда летом 1919 года Кирревком начал работать, центральному *киргизскому* бюро уже удалось создать местные отделения в Уральской и Тургайской областях и в Букеевской Орде, но все они зависели от местных советов и занимались только вопросами, касающимися казахов. Ситуацию должен был переломить Кирревком, и, несмотря на обстановку, которая была далеко не простой, ему удастся постепенно установить свою власть над вверенными ему территориями. При обсуждении территориальных полномочий соответствующих администраций он мог опереться на Москву, которая была твердо намерена предоставить казахам автономию.

После года существования Кирревкома Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК) созвал 9-10 августа в Москве конференцию для определения границ будущей Казахской Республики. Кирревком готовил доклад для защиты своих позиций. Само существование Республики было оправдано особым географическим и экономическим положением по сравнению с другими регионами РСФСР. Также было замечено ме-

---

¹ *Учредительный...*, 1936, с. 27.

стонахождение политических и промышленных центров казахской территории на окраинах: Астрахань, Уральск, Оренбург, Кустанай, Омск, Семипалатинск и Ташкент. В связи с этим утверждается, что «при определении границ и решении вопроса о спорных уездах необходимо исходить из принципа сохранения существующих связей между этими уездами и степью, поскольку ее северная часть является опорой для всего кочевого и полукочевого населения засушливых и бесплодных южных земель»¹.

Конференция² прошла с участием крупной казахской делегации³. Никаких представителей Туркестана, кроме Г. Сафарова из Туркестанской комиссии ВЦИК, не было. Вероятно, это связано с тем, что судьба Туркестана уже была решена в мае-июне 1920 г. На московских совещаниях создание казахской территории было в центре дискуссий, но окончательного согласия не было достигнуто. Хотя существовал консенсус относительно объединения всех «казахских» областей в одну республику⁴, обоснованность немедленного объединения вызывала споры. Байтурсунов заявил: «Если *киргизская* территория не мо-

---

¹ ГАРФ: фонд 1318/1/643, с. 197.

² ГАРФ: фонд 1318/1/4, с. 61-86.

³ В состав казахской делегации входили: Пестковский, Джангильдин, Кулаков, Мурзагалиев, Алибеков, Байтурсунов, Петровский, Милютин, Темиралиев, Итбаев, Уразаев и Ермаков. В книге Зиманова С., Даулетовой С., Исмагулова М. «*Казахский революционный комитет*», (ор. cit., стр. 189), ни Байтурсунов, ни Ермаков, оба бывшие члены Алаш Орды, не упоминаются, в то время как второй представил доклад о будущей казахской республике, а первый активно участвовал в дискуссиях.

⁴ Соколов, представитель Сибирского революционного комитета, выступавший против присоединения Семипалатинской и Акмолинской областей к Казахстану, заявил, что «принцип объединения всех казахских областей не вызывает сомнений». ГАРФ: фонд 1318/1/4, с. 67-68.

жет быть автономной, это значит, что республика еще не созрела и еще нет условий для ее образования. Так что не будем об этом говорить. Если же мы считаем, что ее создание необходимо, то нужно предоставить возможность для ее осуществления»¹. Резолюция, принятая 10 августа, поддержала провозглашение Казахской республики, но призвала оставить в своем нынешнем статусе «казахские» области Туркестана, и Семипалатинскую и Акмолинскую области, управляемые Сибирском революционном комитетом, до укрепления власти *Киргизского* революционного комитета.

Декрет «о создании *Киргизской Советской Социалистической Автономной Республики*» от 26 августа 1920 года отличался от резолюции 10 августа присоединением Семипалатинской и Акмолинской областей к новой республике². Когда 12 октября 1920 года была официально провозглашена *Киргизская* автономная республика, в нее де-юре вошли пять губерний: Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская, Букеевская губернии и один уезд Адай. За исключением двух областей (Семиречье и Сырдарья) территориальные претензии Казахстана были положительно восприняты Москвой.

Столица будущего Казахстана

При создании казахского края первая полемика касалась выбора административно-политического центра,

---

¹ ГАРФ: фонд 1318/1/4, с. 71.

² Постановление ВЦИК и СНК «О создании *Киргизской Советской Социалистической Автономной Республики*» от 26.08.1919, *Казахстан...*, 1997, с. 238-241.

где должен был находиться революционный комитет. Временно утвердился город Оренбург, хотя он и не был включен в сферу компетенции Кирревкома. Главной причиной такого выбора Москвы было существование влиятельных партийных комитетов большевиков и исполкомов советов, которые могли поддержать создание новой казахской администрации. Кирревкому остро не хватало подготовленных казахских кадров, и на протяжении всего его существования приходилось полагаться на русских работников, главным образом из советских администраций и коммунистических организаций Оренбурга. Окружной комитет партии и Военно-Революционный совет Туркестанского фронта, базировавшийся в Оренбурге, должны были также следить за деятельностью *Киргизского* революционного комитета, чтобы он соблюдал политическую линию партии. Как заявлял Пестковский в сентябре 1919 года, «задача Оренбурга – быть центром, отстаивающим советское и партийное строительство»¹.

Однако и казахи, и русские выступили против назначения этого города административно-политическим центром. В связи с этим в начале сентября было созвано партийное заседание Оренбургского губкома партии, Кирревкома и Революционного Военного Совета Туркестанского фронта. Коростелев и Мартынов, члены губернского комитета, отстаивали там идею мононационального государства. Они потребовали присоединения русских частей Уральской губернии и Актюбинского уезда к Оренбургской губернии, отослав «*киргизское прави-*

---

¹ Тимофеев, 1935, с. 74.

тельство в глубь *Киргизии*»¹. Байтурсунов также отрицал выбор Оренбурга, так как это, по его мнению, означало лишение казахов их автономии. Он оправдывал этот отказ недостаточностью экономических связей между Оренбургом и казахской территорией, но его противодействие в действительности было обусловлено преобладанием в этом городе советской и коммунистической власти. Он не принимал участия в голосовании, считая, что это партийное собрание не является легитимным для определения будущих границ Казахстана. Однако линия Москвы, которую отстаивали Пестковский и Акулов, председатель Оренбургского губернского комитета, перевесила.

В этих дискуссиях вокруг Оренбурга обсуждалось переосмысление административной структуры всего региона, в который должны были войти новые национальные образования. Решение о башкирской автономии было принято в марте 1919 года – была выделена территория, состоящая из бывшей Уфимской губернии и части Оренбургской, Пермской и Самарской губерний. Расположение башкирской «столицы» было важным политическим вопросом, в котором участвовали казахи. Временно обосновавшись в Стерлитамаке, башкирский революционный комитет во второй половине 1919 года попытался перебраться в Оренбург². На совещании в Оренбурге 19-21 сентября по решению проблем, связанных с Восточным фронтом, Валидов отстаивал эту идею, однако безрезультатно. Но по его возвращении в Оренбург в ок-

---

¹ *ibid.*, с. 75.

² Валиди, 1997, с. 215-216.

тябре 1919 года, для решения этого вопроса его вызывал М. Фрунзе, локализация киргизского и башкирского революционных комитетов в Оренбурге было одобрена.

Этот проект, защищаемый, в частности, Валидовым и Байтурсуновым, имел целью создание башкиро-казахской республики, центром которой будет Оренбург¹. Ленин, беседовавший с Валидовым во время VIII Всероссийского съезда Советов, созвал на конец декабря конференцию по этому вопросу. Но на заседании Политбюро 18 декабря Ленин недвусмысленно объявил позицию Москвы по этому вопросу: «На этой конференции вопрос о слиянии башкирской и *киргизской* республик должен быть решен отрицательно»². Резолюция добавляла, что оба революционных комитета должны проводить политику, продиктованную Москвой. Суть этих дискуссий заключалась как раз в степени предоставленной автономии. Объединив башкир и казахов, Валидов и Байтурсунов надеялись создать достаточно сильное образование, чтобы диктовать центру свою «национальную» политику. Москва и областные комитеты партии были категорически против этого решения.

Еще один проект был задуман туркестанскими казахами, который заключался в союзе двух казахских областей Туркестана с казахской территорией с административным центром в Ташкенте – столице нового территориального ансамбля³. Это предложение было

---

¹ *ibid.*, с. 224-227.

² Протокол заседания Политбюро от 18.12.1919 г. (Москва), РГАСПИ: фонд 17/3/48.

³ Рыскулов Турар, «К открытию *всекиргизского* съезда», Известия ТуркЦИК, Ташкент, 25.12.1919 г.

впервые представлено на Актюбинской конференции в январе 1920 года, которая приняла резолюцию, поддерживающую эту идею. Однако было высказано мнение о том, что изменения пока не должны быть внесены в повестку дня. Когда весной 1920 года был возобновлен процесс подготовки к Всеказахскому съезду, возобновились дебаты о выборе столицы для будущей Казахской автономной республики. Рассматривалось множество вариантов, но выбор был тем более трудным, что в степи не существовало ни одного важного города. Идея перенести столицу в Ташкент вновь была положительно воспринята Кирревкомом в начале марта, хотя никаких конкретных мер не предусматривалось¹. Тогда в конце марта председатель Центрального Исполнительного комитета Туркестана Турар Рыскулов направил письмо в Кирревком с предложением о возможности сближения Казахской республики и Туркестана через общую столицу – Ташкент². Вынося окончательное решение будущему Всероссийскому съезду, Кирревком ответил, что «может переехать в Ташкент, если первый вопрос [о союзе двух казахских областей Туркестана] будет решен положительно с целью ускорения союза двух республик, но в нынешних условиях переезд невозможен»³. Ни в коем случае нельзя было допустить изоляцию столицы от областей, которые должны были от нее зависеть.

---

¹ Протокол № 10, 5 марта 1920 года, §5, *Протоколы...*, 1993, с. 66.

² Телеграмма Рыскулова *Киргизскому революционному комитету*, АП РК: Фонд 140/1/52, с. 28

³ Протокол № 18, 29 марта 1920 года, §5, *Протоколы...*, 1993, 76; данный проект не имел продолжения, в том числе из-за отъезда из Туркестана Рыскулова - его инициатора - в конце марта 1920 г.

Параллельно этот и более широкий вопрос о границах казахской территории обсуждались в Москве во ВЦИК в марте 1920 года. Тогда Габдулхаки́м Букейханов, выходец из Уральской области и представитель Кирревкома в Москве, предложил перенести центр в Уральск. Поступали предложения о переносе в Семипалатинск и Актюбинск, но никаких решений не принималось. Административные центры казахских степей всегда располагались на окраинах, как и центральноазиатские города. Таким образом, будущая автономная республика оказалась лишенной «естественной» столицы. Кочевой образ жизни и сама структура казахской власти не способствовали возникновению политического центра. Город Туркестан, место власти и захоронения казахских ханов, был очень скромным, и Кирревком мог предположить возрождение традиций, связанных с «феодализмом».

На следующем совещании в Москве в августе 1920 года вновь обсуждался выбор столицы, но также, как и на предыдущих совещаниях, никакого согласия достичь не удалось. Сафаров, представляющий Туркестанскую комиссию ВЦИК, заявил, что ни Оренбург, ни Ташкент не подходят для контроля над огромной казахской территорией, и пришел к выводу, что невозможность найти реальный центр для Казахской Республики свидетельствует о необходимости длительного процесса для решения этого вопроса¹. Таким образом, оптимального решения не было найдено. Так, декрет от 26 августа 1920 года, провозгласивший Казахскую Автономную Республику,

---

¹ Протокол совещания ответственных работников по вопросу о *Киргизии*, 9 августа 1920 года, ГАРФ: фонд Р. 1318/1/4, с. 72.

наметил границы этого нового образования, не упоминая о его столице¹. Оренбург был включен лишь через месяц в дополнение к указу² и сохранил свой статус по двум причинам: создание в июне 1920 года объединенной Тургайской и Оренбургской губерний и отсрочка союза с «казахскими» областями Туркестана. История Казахстана, отмеченная тремя перемещениями столицы за 80 лет существования, хорошо показывает крайнюю чувствительность этого вопроса: Кзыл-Орда с 1925 по 1929 год, Алма-Ата с 1929 по 1998 год и Нур-Султан (Астана/Акмола) с 1998 года.

Оренбургско-Тургайская губерния

Оренбургская губерния оказалась в центре этого вопроса в 1919-1920 гг. Она претерпела большие территориальные изменения: северная часть была присоединена в марте 1919 года к Башкирии, а северо-восточная часть была разделена, чтобы создать в сентябре 1919 года Челябинскую губернию³. Официально в июльском указе 1919 года Оренбургская губерния не была включена в состав казахской территории, но расположение казахского центра в Оренбурге и значительная территориальная реформа ставили вопрос о будущем губернии. Если в начале некоторые оренбургские коммунисты отстаива-

---

¹ Декрет ВЦИК и СНК «О создании *Киргизской* Советской Социалистической Автономной Республики» от 26 августа 1920 года, *Казахстан*, 1997, с. 238-241.

² Дополнение к §1 Постановления от 26 августа 1919 года о создании *Киргизской* автономной республики, *Известия ВЦИК*, 22.09.1920 г.

³ Челябинская губерния была создана на основе Челябинского, Троицкого, Кустанайского и Курганского (Оренбургская губерния) уездов.

ли идею объединения вокруг Оренбурга тех областей казахской территории, которые они считали русскими, то решительная критика этой идеи на сентябрьских собраниях 1919 года вынудила их отказаться от своего проекта.

Несмотря на это, как Оренбургский Губернский комитет партии, так и губернский исполнительный комитет Советов отказывались подчиняться *Киргизскому* революционному комитету до июня 1920 года, имея дело непосредственно с центральными советскими администрациями. Если в августе 1919 года реальность казахской автономии казалась далекой, то постепенное создание *Киргизским* Революционным Комитетом административной системы в период с 1919 по 1920 год дало возможность будущего у автономного образования. Весной 1920 года провозглашение Казахской республики также казалось более близким, с тех пор как была составлена инструкция Москвой о созыве Всеказахского съезда Советов. Такое развитие событий в сочетании с неопределенностью относительно судьбы Оренбургской губернии способствовало сближению российских региональных органов с казахским Комитетом. Первые находились в неудобном положении, опасаясь распада своей губернии между различными соседними административными единицами. В свою очередь, Кирревком хотел найти общий язык с губернным комитетом Советов, чтобы укрепить свои позиции в переговорах о границах будущего Казахстана. К тому же, он был сильно с ним связан, так как значительная часть его сотрудников была переведена из администрации Оренбургской губернии. Кирревком не смог бы функционировать без этой помощи извне.

Этот особый контекст благоприятствовал интеграции губернии в сферу компетенции Кирревкома. Логически предполагаемым решением было объединение Оренбургской губернии и Тургайской области, центром которой стал бы, конечно, Оренбург. В марте 1920 года Кирревком приступил к обсуждению условий такого слияния с оренбургскими организациями¹. После нескольких месяцев обсуждений исполком Советов Оренбургской губернии и Кирревком официально провозгласили слияние в июле 1920 г. и была образована Оренбургско-Тургайская губерния, входившая в состав казахского края². В резолюции *Киргизского* Революционного Комитета указывалось, что «главное управление деятельностью Оренбургско-Тургайского губисполкома принадлежало *Киргизскому* Революционному Комитету с добавлением двух мест из числа оренбургских работников»³.

Тем не менее это слияние оставалось проблематичным, о чем свидетельствует тот факт, что в первоначальный указ о создании Казахстана Оренбургская губерния не была включена. Это было сделано лишь дополнением к указу, изданному в сентябре 1920 года, как мы видели ранее для самого города Оренбурга. Тогда шесть южных районов⁴ губернии были присоединены к Тургайской об-

---

¹ Протокол № 19, 31 марта 1920 года, §1, *Протоколы...*, 1993, с. 80-81.

² Новая губерния включала в себя: Тургайскую область (Тургайский, Иргизский, Актюбинский уезды и Адамовский район Кустанайского уезда); Темирский уезд Уральской области и Оренбургскую губернию (Оренбургско-Покровский, Краснохолмский, Илецкий, Шарлыкский, Исаевский и Петровский районы).

³ Постановление № 50 *Киргизского* революционного комитета (1.07.1920), ЦГА РК: Фонд 14/1 / 52а, с. 3.

⁴ Шесть округов, о которых идет речь, связаны с июльским слиянием 1920 года.

ласти, тем самым сохраняя предыдущее слияние. Но уже в 1921 году Оренбургская губерния была вновь образована, а в 1925 году передана в состав РСФСР. После присоединения Сырдарьи и Семиречья к казахской республике столица была передана Кзыл-Орде, и центральная власть больше не считала нужным оставлять город Оренбург под казахской властью.

Список использованных источников:

1. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. – Москва: Россия молодая, 1994.
2. Жанкелдин Э. Документер мен материалдар. – Алма-Ата: Казахстан, 1975.
3. Казахстан этапы государственности. – Алматы: Жеті жарғы, 1997.
4. Ленин В.И. О Казахстане. – Алма-Ата: Казахстан, 1982.
5. Протоколы Революционного комитета по управлению казахским краем (1919-1920). – Алматы: Ғылым, 1993.
6. Рыскулов Турар, «К открытию всекиргизского съезда», Известия ТуркЦИК. – Ташкент, 25.12.1919 г.
7. Тимофеев Н. «Борьба казахской партийной организации на два фронта с уклонами в национальном вопросе», Большевик Казахстана, 1935. 9-10, 72-95.
8. Тоган Заки Валиди. Воспоминания. – Москва, 1997.
9. Учредительный съезд советов Киргизской (Казахской) АССР. – Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1936.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА НАРОДА КАЗАХСТАНА

Ананьева Светлана Викторовна

Художественно-эстетическая культура современного Казахстана выполняет особую роль в сохранении межнационального согласия и гармонизации межэтнических отношений. Общими для литератур и искусства Казахстана являются гуманизм, углубление творческого интереса к национальной культуре, воспитание чувства патриотизма. Художественная литература выступает фактором, объединяющим все народы страны. Для национальных литератур открываются новые возможности в познании друг друга. Литература и искусство помогают находить нам ответы на важнейшие вопросы современности и вызовы глобализации.

Своеобразие литературного процесса Казахстана заключается в глубинных взаимопресечениях и взаимосвязях казахской литературы с литературами этносов страны, развиваются они в контексте поликультурного пространства с единой духовной основой. Вбирая в себя опыт мифологии, религии, философии, гуманитарных и естественных наук, литература становится отдельной формой мировосприятия и мировоззрения. Велика роль художественной литературы в формировании национального самосознания, национального мышления, этничности, этностереотипа, этнокультурной идентич-

ности, трансграничности. Поэты и писатели в своем, личном ключе решают вопрос о смысле человеческой жизни, выстраивая в тексте особые пространственно-временные отношения.

Новейшие исследования в области мирового сравнительного литературоведения сосредоточены на проблемах выявления идентичности, сопоставления *своего* и *чужого*, что может стать основой новых научных парадигм компаративистики. «Границы, отделяющие *свое* от *чужого*, подвижны и относительны. Культурно-цивилизационные процессы современности определяют предрасположенность к переходу границы и активизируют ее соединительную функцию» [1, с. 16].

Постмодернистский дискурс, эволюция от модернизма к постмодернизму, преобладание реалистических традиций, эксперименты с формой художественного произведения, языком и текстом, усложнение его сюжетно-композиционной структуры, сюрреалистические и фантастические мотивы, метафорический стиль – характерные черты литературы Казахстана на современном этапе ее развития. Современное развитие компаративистики обусловлено процессом глобализации и смелой интеллектуально-философской антропологической проблематики, деколонизацией гуманитарного знания. Востребованы и актуальны вечные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества, солидарности, художественно воплощаемые в произведениях казахстанских прозаиков и поэтов.

Культурное единство Казахстана имеет в своей основе исторические традиции взаимовлияния культур и лите-

ратур. Мы выстраиваем в новейшее время результативный диалог, который способствует динамичному развитию нашего общества. Именно в этой неповторимой и уникальной для нашей страны атмосфере воспитывается у подрастающего поколения патриотизм, уважение к казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия.

В Казахстане 2021 год объявлен Годом детского чтения. Книга входит в жизнь каждого, воспитывая, образовывая, обучая. Книга – лучший друг и лучший источник информации. В преодолении вызовов судьбы, в воспитании новой личности непреходящее значение, ценность и важность имеет художественная литература.

Глубоки, философски насыщены эссе-раздумья Мурата Ауэзова, Бахыта Каирбекова, Дидара Амантая. Важны размышления о притяжении – отталкивании двух культурных миров, о философии возвращения человека к человеческому себе – поверх обособления и настороженного отношения к Другому. «Стародавняя традиция отождествлять судьбу и жизнь народа с образом степи, – пишет М.М. Ауэзов, – вошла в современную литературу. Но изменилось пространственное размещение созерцателя. Если прежде (во всей средневековой литературе) он находился внутри кольца, то теперь он смотрит на события в жизни степи как бы со стороны, глазами внешнего мира. Сходное перемещение происходит и во временной ориентации. Подобно Асану, ощутившему вдруг жесткие грани мира, современный казах увидел иным время – плавно, не спеша закруглявшееся некогда, оно осознается теперь в виде потока, устремленного в будущее, пре-

вращающего день сегодняшней в день вчерашней. Обретенная способность видеть степь глазами *иного* (курсив наш. – С.А.) – торжествующего, победоносного бытия в сочетании с обостренным чувством времени придает современной казахской литературе характер оснащенных историческим материалом и согретых живым сочувствием ответов на вопросы, скоординированные по азимуту “прошлое – будущее”» [2, с. 48-49].

Разные типы диалогических отношений между национальными литературами – это формы современного межлитературного процесса. Они отличаются от контактных связей и типологических схождений, что позволяет осуществить систематизацию на основе различий рассматриваемых феноменов, признавая самобытность, уникальность и неповторимость казахской и национальных литератур, с которыми она вступает в диалог.

Межкультурный диалог помогает понять *другого, иного*. Различия *своего* и *чужого* существенны для постижения национальной идентичности вступающих в диалог современных национально-художественных систем. На понимание другого, непохожего, различного в литературе и культуре, раскрытие семантических полей своего и чужого в художественно-эстетическом опыте и универсализацию свойств национального художественного дискурса и направлена компаративная эпистемология.

Память о прошлом живет в народе, передаваясь из поколения в поколение. Экспериментируя с формой (роман-сказка, роман-эссе, роман-фэнтези) и усложняя сюжетно-композиционную структуру текстов, авторы активно разрабатывают сюрреалистические и фантасти-

ческие мотивы, мифологическую образность, метафорический стиль, поэтику.

Казахстанские сказки воспитывают любовь к родине, к своей стране с ее уникальной и неповторимой природой, пишет Юрий Серебрянский. «Добрые глаза» – это озеро Тенгиз, зеленая капля посреди степи. «Балхаш» – о брошенных людьми городах Бал и Хаш. Все люди занимались ловлей жемчуга. Вскоре они выловили последнюю жемчужину... Стены городов разрушил ветер. А озеро так и поплескивает – наполовину соленое, наполовину пресное» [3, с. 320].

«Все моря на земле – братья. Они держат друг друга за руки, а вернее сказать, за реки, или обнимаются с отцом – океаном», – так начинается сказка Ю. Серебрянского «Куда ушло Аральское море»? Два брата-моря забрели так далеко на сушу, что заблудились. И тогда старший брат – Каспий предложил младшему – Аралу: «Отправился бы ты, брат, на поиски нашего отца – океана, а я здесь побуду, подожду, когда вернешься или руку мне протянешь» [4, с. 320].

Памяти Х.К. Андерсена посвятила «Коньрказ» Айгуль Кемельбаева. Юную красавицу с лебязьими крыльями, Царевну-Лебедь рисует школьный учитель зоологии после того, как великолепные белые лебеди унесли за горы девочку, смуглолицую царевну-лебедь. «Озера – твоя родная стихия, но ты выросла в отчуждении, в человеческой колыбели, не впитав с пеленок благоухания водяных струй, оттого ли озера отторгли тебя, Коньрказ? Иль дух твой высокий не принял чуждой ему земли, и навеки исчезла ты, Коньрказ? ... В тот памятный день

чабан Акылбай пас овец в степи и видел на горизонте лебединую стаю, которая несла нечто странное, он толком не разглядел из-за слабого зрения» [5, с. 161], – звучит внутренний монолог автора-повествователя.

В современном литературном процессе важна роль художественного перевода. Представители транснациональной теории в литературоведении уделяют особое внимание вопросам перевода (не столько с языка на язык, сколько межкультурному, межсемиотическому переводу), категории переводимости как таковой. Родившийся в Новгороде и тридцать лет проживший в России, Андрей Макин первые два романа во Франции представлял как «перевод с русского», издательства не верили, что романы написаны по-французски, пришлось представить оригиналы. Французский писатель русского происхождения ждет своего переводчика на русский (у которого, по его образному выражению, одна часть мозга принадлежит одному языку, другая – другому).

Новые переводные тексты расширяют читательскую аудиторию, обогащают ту национальную литературу, на язык которой переводятся. Прозу А. Кемельбаева пишет на казахском, сама переводит на русский. Эссе и статьи – чаще на русском. «Когда я пишу рассказы на исторические темы, – говорит А. Кемельбаева в одном из интервью, – я обычно долго работаю над текстом, ищу архаизмы – ведь триста лет назад казахи говорили не так скучно, как сейчас. Наш язык был куда богаче, еще кристально чистым. Работа писателя похожа на работу золотоискателя, вернее, рудокопа, надо постоянно искать и искать» [6, с. 50].

Только в художественном произведении, по мнению современного российского писателя Максима Шевченко, озвученном им в выступлении на VII Международном симпозиуме литераторов «Писатель и время», состоявшемся в Минске 19 февраля 2021 года, и есть исповедальная возможность ответить на вызовы времени. Отвечая на вызовы времени, писатель остается один на один с самим собой.

Одной из тенденций современного литературоведения остается «выявление и определение культурных различий в национальных литературах в том числе и по отношению друг к другу» [7, с. 13]. Особым явлением становится литература писателей-иммигрантов в странах Европы, в Финляндии и США. Так, в США успешно представлены латиноамериканская и англосаксонская литература, творчество писателей афроамериканского происхождения, выходцев из стран Карибского бассейна, гавайская литература как литература коренного населения страны – индейцев.

Отмечается, что наиболее интересные произведения на английском языке создаются за пределами США и Великобритании в постколониальных странах Индии и Африки. Повышенное внимание к художественным текстам американцев корейского, японского, китайского, латиноамериканского (например, мексиканского) происхождения – одна из тенденций развития мирового литературного процесса.

Современные литературоведы Хоми Бхабха, Джонатан Витч, Харша Рам и другие привлекают в своих исследованиях внимание к творчеству поликультурных и по-

лиязыковых авторов, раскрывая состояние *вне-домности*. Интерес в сравнительном плане с литературой и культурой Казахстана представляет современное искусство Финляндии, создаваемое на финском, шведском и саамском (лопари) языках. Полиязычность и мультикультурализм современной Финляндии позволяют говорить о мозаичности ее литературного процесса. Метафорой глобализации является аэропорт в романе Хану Райттила «Терминал», где поток пассажиров противопоставляется случайным встречам отдельных людей.

Лауреатом премии имени Рунеберга за лучшее произведение на финском или шведском языках 2005 года за роман «В ожидании землетрясения» стала финская писательница русского происхождения З. Линден (г. Турку). Дебютный роман Александры Салмела «27, или Смерть создает художника» интересен взглядом автора, родом из Словакии, на современное финское общество.

Схожесть литературной ситуации в Казахстане, США и Финляндии заключается в том, что представители многих этносов (а в США и этнических меньшинств) нашли в них свой дом. Современный мир в романе Анны-Леены Хяркёнен «Аквариумная любовь», экранизированном в Финляндии и переведенном на многие европейские языки, «мобилен и непредсказуем. Сара, путешествующая по миру с молодым другом, понимает, что аэропорты нравились ей всегда» [8, с. 292]. Важен именно женский взгляд (главной героини и автора произведения) на взаимоотношения: «Мы разные и никогда не сможем понять друг друга...». Но свою жизнь без литературного творчества Анна-Леена Хяркёнен не представляет: «Не могу

жить без того, чтобы не писать. Без театра, возможно, прожила бы, хотя только там, на сцене, среди людей я чувствую себя по-настоящему счастливой, ведь пишешь всегда в одиночестве» [9].

Художественный текст в современном литературном процессе сближается с медиатекстом и эволюционирует в сторону гипертекста. Разрушается жесткая структура повествования, прерываются основные сюжетные линии. Диалог автора и читателя превращается в бесконечное поле для игры. Сетевой принцип организации текстов и дискурсов, отстаиваемый постмодернистами, автономия авторских поэтик дают шанс возобновить диалог в любой момент. Переход «к плюрализму постмодернизма – вееру разнообразных стилей жизни и разнородных игровых кодов» [10, с. 44] все отчетливее проявляет себя в мировом литературном процессе. Философия игры из приема становится стратегией, это прежде всего игра с чужим словом, эссеизация и бессюжетность.

Новейшая поэзия Казахстана говорит многими поэтическими голосами, громко звучат голоса молодых. Лирический герой стихотворений Романа Жукова и рад бы «все кругом поменять – Степь на горы, равнину – на равность...». Но родная степь не отпускает далеко, возвращая и даря поэтическое вдохновение. Владимир Шемшученко и Елена Зейферт родились в Караганде. Живут в Санкт-Петербурге и Москве. Вечер в стихах В. Шемшученко сыплет крупу антрацитовый пыли как память о Родине. Казахские реалии: невиданный размах и «соль восточных глаз» родной Караганды, «снег с крупичами угля», Аргатак – конь-гора, конь-долина, конь-ветер...»,

златоподковый скакун органичны ритмике и словесному ряду стиха Е. Зейферт. Образное восприятие страны, воплощенное на страницах художественных произведений, способствует пониманию художественной реальности и национального характера.

Поэтизация Родной земли, героизация истории, осмысление судьбы этносов выступают в современной литературе доминирующими, консолидируя общество и укрепляя идейно-политическое единство полиэтничного и поликонфессионального народа Казахстана. Каспий снится Заре Бадоевой, осетинской поэтессе, живущей ныне в Москве. В Казахстане «пространство предельно откровенно», а «доброе понятие «отчий дом» с понятием «счастье» вместе слито».

Своеобразием стиля поэтессы член Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, председатель общественного этнокультурного объединения «Осетинский культурный просветительский центр «Ирныхас» Казбек Мамсуров считает недосказанность, аллегоричность: «Поэзия Зары Бадоевой глубоко личностна и отражает жизненную позицию автора. Стихи о природе интересны философскими мотивами. Творчество З. Бадоевой разножанрово, наполнено духовностью, интересно глубокими размышлениями о сегодняшнем и вечном, согрывает своей теплотой» [11, с. 34].

Национальные культуры и литературы страны обладают, на наш взгляд, большим воспитательным и образовательным потенциалом, который необходимо использовать максимально. Депозитарий Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы в Национальной библиотеке

Республики Казахстан является постоянно действующей в открытом доступе выставкой научной и популярной литературы по проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений, презентационной площадкой новых научных монографий и учебников членов НЭГ АНК г. Алматы. Успешно презентованы и вызвали большой интерес научной и культурной общественности города, председателей этнокультурных центров южной столицы, представителей СМИ новые научные издания М. Шайкемелева, Г. Кана, Н. Ем и автора данных строк.

Девятнадцатого марта 2021 года Республиканской еврейской общинной библиотекой имени Мориса Симашко, О.Ю.Л. Ассоциацией «Мицва», Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Научно-экспертной группой Ассамблеи народа Казахстана города Алматы успешно проведены Первые Международные литературные чтения в онлайн формате, посвященные творчеству народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, вице-президента Международного Казахского ПЕН-клуба, номинанта на Нобелевскую премию в области литературы и искусства за роман «Семирамида» Мориса Симашко.

Этноперекрестки и трансграничье, контакты и взаимодействие культур имеют особый смысл в картинах мира Евразии. Казахстан – страна, вобравшая в себя народы, лишенные своего дома. Такой образ создает М. Симашко: «Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой чело-

веку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом всегда считалось воспитать сироту из другого народа».

Как отметил в своей статье «Образ комиссара Джангильдина в романе Мориса Симашко: уроки исторической памяти» М. Шайкемелев, «память о замечательном романе Мориса Давидовича Симашко «Комиссар Джангильдин» связывает историческое наследие, оставленное своему народу знаковым казахским революционером, и его современное прочтение в контексте конструирования нового переосмысления казахстанской истории... <...>... Через идентификацию образа главного героя романа Симашко пытается вместе со своим читателем разобраться в характере эпохи трагических трансформаций, кровавого террора гражданской войны, не предлагая готовых рецептов оценки героев того времени. Жизнь показывает, что и на новом витке истории в глобализирующемся мире происходят не менее трагичные трансформации идентичности, свидетельствующие о том, что именно борьба за идентичность определяет содержание социального, геополитического, культурного и межэтнического взаимодействия» [12, с. 147-148].

Литература народа Казахстана входит в мировой культурный контекст в качестве субъекта литературно-художественного диалога. Художественно-эстетическая культура как основа духовного единства народа Казахстана играет большую роль и в выстраивании гуманитарного сотрудничества, и в высшей школе.

Лекционные курсы по национальной литературе Казахстана в мировом литературном процессе, русской литературе Казахстана в школе и вузе, русской прозе

Казахстана читаются в бакалавриате и магистратуре Казахского национального университета имени аль-Фараби и Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Русскоязычная литература и русская литература страны преподаются в Восточно-Казахстанском университете имени С. Аманжолова, Казахстанском филиале Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. По русской и русскоязычной литературе Казахстана защищаются диссертации в диссертационных советах КазНУ имени аль-Фараби и ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. На факультете востоковедения КазНУ имени аль-Фараби успешно защищаются диссертации по корейской классической литературе, современным СМИ и корейской литературе Казахстана и стран СНГ, что свидетельствует о расширении историко-географических и социально-культурных границ литературы и всех видов искусства. Приоритетом остаются гармонизация межнациональных отношений, раскрытие духовного родства этносов и культур, их межэтнического взаимодействия.

Список использованных источников:

1. Аминова В.Р. Сопоставительное изучение русской и татарской литератур. – Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. – 264 с.
2. Ауэзов М. Степь и горы // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы. Проза. Том II. – Алматы: Print Express, 2020. – С. 48-53.
3. Серебрянский Ю. Балхаш // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы. Проза. Том II. – Алматы: Print Express, 2020. – С. 320-321.

4. Серебрянский Ю. Куда ушло Аральское море? // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы. Проза. Том II. – Алматы: Print Express, 2020. – С. 321.
5. Кемельбаева А. Коньрказ // Казахстан в моей судьбе. Хрестоматия современной литературы. Проза. Том II. – Алматы: Print Express, 2020. – С. 149-162.
6. Серебрянский Ю. Книга о вкусной и здоровой казахстанской литературе. – Алматы, 2020. – 256 с.
7. Шайтанов И. «Мировая литература» как проблема и вызов // Вопросы литературы. – 2018. – №6. – С. 13-33.
8. Ананьева С. Литература Финляндии // Мировой литературный процесс XXI века. – Алматы: Әдебиет әлемі, 2016. – С. 265-306.
9. Сидорова А. Ну что, мы уже в России? // Stop in Finland. 3.03.2008.
10. Моль А. Социодинамика культуры. – Москва, 2008.
11. Мамсуров К. Поэзия души // Керуен. – 2013. – №5. – С. 32-39.
12. Шайкемелев М.С.-А. Образ комиссара Джангильдина в романе Мориса Симашко: уроки исторической памяти // "Морис Шамис (Симашко), Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана". – Алматы, 2021. – С. 147-153.

ҚАЗАҚСТАНДА ЭТНОСАРАЛЫҚ ӨЗАРА ИНТЕГРАЦИЯҒА ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ФАКТОРДЫҢ ЫҚПАЛЫ¹

Айтымбетов Нуркен Ысқақұлы

Әлеуметтік-экономикалық үрдістер қоғам өмірінің маңызды бір саласы болып табылады. Бұл үрдіс өз кезегінде қоғам мүшелері саналатын түрлі этностар мен басқа да әртүрлі топ өкілдерінің өзара топтасуына жағымды әсірен тигізеді. Қоғамда жүріп жататын жағымды әлеуметтік өзгерістер дамудың тиімді жолын таңдауға, өзінің көпшілік мүшелері арасындағы мүдделердің бір арнаға тоғысуына және топтасуға мүмкіндік береді. Әлеуметтік үрдістердің орын алуына көп жағдайда адамдардың өздері тікелей қатысып отырады. Өйткені қоғамдағы қандай да болмасын өзгерістер, ол мейлі пайдасы жоғары жағымды болсын, тіпті кері әсер ететін жағымсыз болсын, әрбір адамның жеке және қоғамдық өміріне тікелей ықпалы етеді. Оның болашақта әлеуметтік және материалдық жағдайының басқа арнаға ауысуы осы уақытта өтіп жатқан түрлі өзгерістердің нәтижесі болып табылады. Сондықтан егер мемлекеттің әлеуметтік-экономикалық дамуы іс жүзінде іске асса, ол міндетті қоғамдағы этносаралық интеграцияның жүруіне итермелейді.

---

¹ Бұл мақала ҚР БҒМ ҒК-нің қаржыландыру аясында әзірленді (Грант №АР09259790 «Мониторинг Қазақстан Республикасындағы этноәлеуметтік үрдістердің динамикасын зерттеу мен болжаудың әдісі ретінде»).

Соңғы жылдары Қазақстанның экономика саласында жеткен жетістіктері мемлекеттік әлеуметтік ретінде толықтай атауға мүмкіндік беретіні сөзсіз. Оның себебі мемлекет әрқашан өзінің азаматтарының әлеуметтік қажеттіліктерін қанағаттандыру мен проблемаларын шешуге белсене атсалысып отырады. Бұл өз кезегінде қоғамда өмір сүретін әртүрлі әлеуметтік және этностық топтардың араларында тиімді байланыстың орнығуына, қоғамның саяси және әлеуметтік-экономикалық өзара әрекет мен бірлігіне, жеке тұлғалардың қоғамға сіңісуіне және әлеуметтенуіне жол ашады. Әлеуметтік мемлекеттің қызметі бәрінен бұрын жеке тұлғаның материалдық, әлеуметтік, рухани қажеттіліктерін қанағаттандырумен байланысты екенін айтуға болады. Олардың қажеттілігін қанағаттандыру адамның барлық құқы мен еркіндігін іске асыруды білдіреді. Осындай тәсілдерге қарап ғана Қазақстан Республикасын толыққанды әлеуметтік мемлекет ретінде сипаттау мүмкіндік береді [1].

2018 жылы 5 наурызда Президент Н. Назарбаев кезекті өзінің Қазақстан халқына Жолдауында елдің экономикасын дамытуға бағытталған қазақстандық қоғам үшін тағы бір өте маңызды «Бес әлеуметтік бастама» атты бағдарламаны ұсынды. Бірінші бастама елде өмір сүретін әрбір отбасын тұрғын үймен қамтамыз ету, «Жеті – Жиырма – Жиырма бес» бағдарламасы арқылы жылдық мөлшерлемесі 7 % пайыздан аспайтын ипотекалық несиеге қолжетімділік айтылған. Екінші бастамада жалақысы төмен жұмысшылардың жалақысын арттыру үшін салық жүктемесін төмендету, салыстырмалы түрде төмен жалақы алатын қазақстандықтарды

қолдау үшін 2019 жылдың 1 қаңтарынан бастап олардың салық жүктемесін 10 есеге азайтып, 1 процент қана салық салу ұсынылды. Үшінші бастама жоғарғы білім сапасы мен оны алуға қолжетімділікті арттыру, студенттік жастардың жатаханада тұру жағдайын жақсартуға бағытталған. Төртінші бастама болса шағын кредиттеуді кеңейту нәтижесінде тұрғындардың өзін өзі жұмыспен қамтыған және жұмыссыздар бөлігі арасында жалпы кәсіпкерлікті дамыту бойынша шағын кредиттер беру жүйесі қарастырылған. Соңғы бесінші бастамада елді одан әрі газбен қамту жұмысын жалғастыруға шақырады. Республиканың орталық және солтүстік бөліктері газбен толық қамтамасыз етілмеген, осы бастама төңірегінде аталған бөліктерге газ жеткізу жолдары жоспарланған [2].

Заңдық күші бар осы құжатта алған орындауға қойылған бес әлеуметтік бастаманың нәтижесін елдің әрбір азаматы сезінетіндігі айтылған. Аталмыш әлеуметтік бастамалар этностық ерекшелігіне қарамастан елдегі барлық этнос өкілдерінің болашағын Қазақстанмен байланыстыру, осында қалып тамырын терең жаюы, өсіп-өнім елдің болашағына аянбай еңбек етуі үшін жасалынып отырған шаралар. Әсіресе, ең бастысы қазіргі жаһандану заманында әлемдегі экономикалық дағдарыстың күшеюіне орай ұлттық татулық пен бірлікті дамытуға нақты бағытталған әрекет ретінде бағалауға әбден болады. Қазақстанның осы салада салып отырған болашаққа бағдары мен жолы әлеуметтік мемлекет пен ұлттық игілікті құрудағы қазақстандық моделі екені ешкім жоққа шығармайды.

Әрине, осы аталған мемлекеттің әлеуметтік саясатының басты бағыттары көпэтносты қазақстандық қоғамды топтастыруда маңызды рөл атқаратын болады. Қоғамда әлеуметтік саясатты үздіксіз жүргізе отырып, мемлекет барлық этностық топтардың бірегейлігін өзі өмір сүріп отырған мемлекетпен анықтауға итермелейді. Сол арқылы келешекте мемлекет біртұтас ұлтты құруға қазіргі кезден бастап-ақ қамданып отырғанының куәсі болып отырмыз. Бұл мемлекеттің тиімді әлеуметтік саясатының нәтижесінде әлеуметтік-экономкалық жағдайын түзеген кез-келген этнос өкілдері мемлекеттік институттарды белсенді түрде қолдауы арқылы бір мемлекет төңірегінде ұлттық топтасу үрдістері іске асатын болады. Ол үшін елде экономикалық тұрақты өсім мен ішкі жалпы өнімнің әрдайым артып отыруы өте маңызды.

Статистикалық мәліметтерге сүйенетін болсақ Қазақстанда түркі тектес тайпаларға жататын азиаттық этностар санының күрт өсуін көрсетіп отыр. Қазақтар, өзбектер, ұйғырлар саны соңғы жиырма жылда (1989-2009 жж.) 1,5 есеге артып, мемлекетте тұратын тұрғындар санының жалпы 67,4% пайызын құрап отыр, ал бұл көрсеткіш он жыл бұрын – 42,9% пайызын құраған. Еуропалық этностық топтар: орыстар, украиндықтар, немістер осы уақыт аралығында 1,9% пайызға қысқарған, оның үлес салмағы 51,0% пайыздан 2009 жылы 28,3% пайызға дейін азайғанын көруге болады. Этностық құрамның мөлшерлік өзгерісі жаңа деңгейге көтеріліп отыр. Мемлекетте демографиялық жағдай қазақ этностары өкілдеріні басымдығымен және өскелеңдігімен анықталады.

Посткеңестік кезеңнің демографиялық ерекшелігі Қазақстан қалаларында балалардың туылуы мен халықтың табиғи өсімі ауылдарға қарағанда жоғары екенін көрсетіп отыр. Қазақтардың ауылдан қалаға ағылуы ауылдағы демографиялық өзгерістердің қалаға ойысуына алып келді. Біріншіден, тұрғындардың жас мөлшері бойынша құрылымы әр түрлі. 2009 жылы қазақ этностық топтарында жас мөлшері бойынша топтар 0-15 жас аралығы 28,3% пайызға теңесті, 16–62 жас мөлшер аралығы 67,2% пайызға және 63 жас және одан жоғары 4,5% пайызды көрсетті. Осы көрсеткіштерге сәйкес қазақтардың жас мөлшеріне сәйкес құрылымын «жас» ұлт ретінде сипаттауға келеді. Қазақтардан басқа республикада жас тұрғындар қатарына өзбектер, ұйғырлар, әзірбайжандар мен түріктер жатады. Еуропалық этностардың тұрғындар құрылымында үлес салмағы 0-15 жас мөлшері аралығы 14,9%, 16–62 жас аралығы 68,5% және 63 жас пен одан үлкен жас мөлшері 16,6% пайызды құрап отыр. Аталған этностар құрылымы «кәрілер» ретінде жіктеліп сипатталады [3, б. 73].

Кесте 1 – 2009 жылғы Халық санағы статистикалық мәліметтеріне сәйкес Қазақстан тұрғындарының этностық құрамы

Тұрғындар	1999		2009		1999 2009	2015		2015 2009	2015 1999
	мың адам	%	мың адам	%		мың адам	%		
Барлық тұрғындар	14953.1	100	16004.8	100	107.0	17417.5	100	108.8	100
Қазақтар	7985.0	53.4	10098.6	63.1	126.5	11497.3	66.01	113.9	144.0
Орыстар	4479.6	29.9	3797.0	23.7	84.8	3666.1	21.05	96.5	81.8

Өзбектер	370.1	2.4	457.2	2.9	123.5	535.0	3.07	117.0	144.6
Украиндықтар	547.1	3.7	333.2	2.1	60.9	295.4	1.7	88.7	54.0
Ұйғырлар	210.4	1.4	223.1	1.4	106.0	251.5	1.44	112.7	120.0
Татарлар	249.0	1.7	203.3	1.3	81.6	203.0	1.17	99.9	81.5
Немістер	353.4	2.4	178.2	1.1	50.4	182.0	1.04	102.1	51.5
Басқалар	758.5	5.1	714.2	4.4	97.1	787.2	4.5	110.2	103.8

Дерек көз: 2009 жылғы Қазақстан халқы санағының мәліметтері бойынша дереккөз. Население Казахстана. Этнический состав Казахстана по данным текущей статистики (на 1.01.2009) и по предварительным данным переписи <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Халық санағының статистикалық мәліметтеріне көз жүгіртер болсақ, расында, түркі тектес халықтарды санының жыл санап артып келе жатқанын көрімізге болады. Ал керісінше орыстар мен украиндықтар ішкі және сыртқы факторлардың себебінен жалпы санының азаю үрдісі байқалады. Бұл үрдіс егер осылай қарқында жалғасын тауып отыратын болса, елде қазақтандыру үрдісінің артатынын білдіреді. Яғни, қазақ тілінде сөйлеушілер саны оны күнделікті өмірінде тұрақты түрде қолданатындармен бірге көбейетіндігі заңды құбылыс саналады.

ҚР Ұлттық экономика министрлігі жанындағы Экономикалық зерттеулер институты АҚ әлеуметтік-экономикалық даму орталығының директоры Батжан Ақмолда жүргізген «Халық табысының этностық құрылымы» саласында әлеуметтанулық зерттеулерінің нәтижелері интернетте жарияланған. Осы аталған зерттеулерге сәйкес табыс көзі жағдайы: 58,2 % пайыз респондент жалақы алады, оның 17,8 % әлеуметтік төлемдер түріндегі мемлекеттік көмектер (зейнетақы, көмекақы, шәкіртақы және тағы басқалар), 13,3 % пайыз кәсіпкерлік қызметпен айналысудан түскен табыс, 4 % пайыз жеке

қызметтен түскен пайда (дайындық курстары, жеке тасымаладумен айналысу), 3,9 % пайыз жеке қосалқы шаруашылық, 1,9 % пайыз жобаларды іске асыруден түскен қаламақы және 0,9 % пайыз жеке тұрғын үйлерін жалдауға беру арқылы табыспен айналысатындар.

Автордың айтуы бойынша сауалнамаға Қазақстанның 16 өңірінен 6368 адам қатысқан, оның 93 % пайыздан аздап көбірек немесе 5979 адам өзінің табысы туралы сұрақтарға жауап беруге келісімін берген. Ал зерттеуге 17 этнос өкілі қатысқан. Жалпы санан 15 % пайыз респондент өзінің материалдық жағдайын сипаттауға келісімін бергенмен, жалақы мүлдем алмайтындығы туралы айтқан. Сұралғандар негізінен басым бөлігі еңбекке қабілетті тұрғындар, жастары 16 шамасында, сондықтан олардың арасында жұмысқа орналаспаған студенттер мен оқушылар қатысқанын ескеру қажет.

Табыс көлемі бойынша сұралған қазақстандықтар негізінен жалпы ел деңгейінде 28,2 мыңнан 60 мыңға дейінгі аралықта көрсеткен. Алайда кебір этностар зерттеу көрсеткендей кең танымал табыс көзі ретінде 60 мыңнан 80 мың аралығында белгілеген. Сауалнамаға қатысқан ең көп таралған этностарды үш топқа бөліп қарастырған – азиаттар, еуропалықтар мен кавказдық халықтар түрінде. Бұл сауалнамада да азиаттық этностар көпсанды екендігін көрсеткен, соған сәйкес отбасында балалар санының көптігіне байланысты 20-30 пайызға жуығы жалақы алмайтындығын айтқан. Жалпы сұралғандар арасында үй шаруашылығымен айналысатын тәжік, дұнған отбасыларында балалар болғандығы көп айтылды. Осы топта 30 пайызға жуық адам саны 28

мыңнан 60 мың аралығында табыс кіретіндігі белгілі болды. Керісінше, еуропалық этностар ішінде, зерттеушінің сөзі бойынша, жалақы алмайтындар саны өте аз [4].

Жалпы алғанда Экономикалық зерттеулер институты АҚ әлеуметтік-экономикалық даму орталығының директоры Батжан Ақмолданың жүргізген зерттеу жұмысының нәтижесі қазақстандықтардың басым көпшілігінің экономикалық жағдайы сын көтермейтін деңгейде екенін көрсетіп отыр. Респонденттердің бесінші бөлігіне жуығының сату алу қабілетінің барлығы (18,4%) тамаққа (5,2%), болмаса киімге (13,2%) ақшаның жетпейтіндігін көрсетеді. Тұрғындардың 44% жуығы жалақысының тамаққа және ең керек киімге ғана жететіндігін, бірақ қымбат заттар ала алмайтындығын білдірген.

Жоғарыда Экономикалық зерттеулер институты АҚ әлеуметтік-экономикалық даму орталығының жүргізген әлеуметтанулық зерттеулері елде тұатын халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайының көңіл толтырарлық жағдайда емес екендігін айқын көрсетіп отыр. Бұл жағдайды көбіне әлемдік экономикалық дағдарыстың жылсайын тереңдеп келе жатқанымен тығыз байланыста қарастырады. Оған қоса қазіргі уақытта сыртқы геосаясатта орын алып отырған тұрақсыздық пен сауда саласында алпауыт елдер саналатын елдер арасындағы сауда байланыстарының ушыға түсуімен түсіндіреді. Сонымен бірге Қазақстанның ішкі зат өнідісі саласындағы табысы тек шикі мұнайды шетелге экспортқа шығаруға бағытталған. Осыған сәйкес әлемдік мұнай бағасының тұрақсыздығы Қазақстан экономикасына тікелей ықпал етеді.

Қазақстан экономикасы осы уақытқа дейін тәуелсіздік тарихта әртүрлі ішкі және сыртқа факторлардың салдарынан үш мәрте теңгенің ірі көлемде құнсыздануын бастан өткерді. Оның салдары сырттан елдің ішіне кіретін тауарлардың қымбаттауы мен теңгенің әлсіреуіне алып келді. Бұл өз кезегінде халықтың әл-ауқаты мен материалдық жағдайына кері әсер еткендігі белгілі. Дегенмен мемлекеттік билік органдары дағдарыстың шағын және орта бизнеске, халықтың тұрмыстың жағдайын кері әсерінің салдарларымен күресіп, әртүрлі іс-шаралар жасап жатыр. Атап айтқанда экономиканың тұрақты өсімін сақтап, құнсызданудың төменгі деңгейде ұстап тұру, жұмыспен қамту деңгейін арттыру және қазақстандықтардың әл-ауқатын жақсартуға тікелей бағытталған әрекеттер мен мемлекет тарапынан қолдаулар іске асуда.

Алайда, мемлекеттің табысты дамуын кешеуілдететін экономика саласындағы дағдарыстар халықтың өзара топтасуына және олардың күнделікті өміріне терең із қалдыратыны анық. Қазіргі таңда кейбір елдердің әлеуметтік-экономикалық дамуының артта қалуы, экономикалық дағдарыс әсерінен ірі және шағын бизнес салаларының дамымауы, сондай-ақ, ауылды жерлерде халықтың жұмыссыздығы мәселесінің күшеюі мен қалаға жұмыс іздеп халықтың ағылуы нәтижесінде урбанизация үрдісінің артуы мемлекеттің дамуына теріс ықпал етеді. Қазақстан сияқты ел үшін экономикалық ресурстарының бастапқы бөлігін құрайтын табиғи-шикізат, ауылшаруашылығы өнімдері, еңбек және тағы басқа да табыс көздері әлеуметтік-экономикалық дамудың негізін құрайды.

Алайда, бүгінгі күні әлемдік дамыған мемлекеттердің тәжірибесі көрсетіп отырғандай, табиғи-шикізат ресурстары уақыт өте келе таусылатын болады. Сондықтан Қазақстан шикізат пен табиғи ресурстарға бай болғанмен ол шексіз бітпейтін байлық емес. Уақыт өте келе еліміздің экономикалық жағдайын тұрақты қалыпта ұстап отырған және дамудың негізгі көзіне айналып кеткен мұнай сияқты ірі шикізат-көздері таусылады, қазірдің өзінде кейбір қазба орындарында шикізат қорларының көлемінің санаулы уақыт ғана жететін мөлшері қалғаны айтылып жүр. Сондықтан да болар еліміз үшін экономикалық ресурстарды тиімді пайдалану мен басқа да табыс пен пайданың көздерін табу қажет.

Әлемде шарықтап дамыған инновациялық алға жылжу ең алдымен қоғамның интеллектуалды дамуын талап етеді. Оған әлеуметтік ресурстарды байыта түсетін шығармашылық белсенділік, этностық әлеует, өнер тапқыштық пен түрлі салаларда жаңалық ашушылық жатады. Әлеуметтік ресурстардың өзі қоғамда алға жылжуы мен дамуының басты бағыттарының бірі болып табылады. Ол үшін әрбір жеке тұлға қоғамның дамуына өзінің үлесін аянбай қосып отыруы тиіс. Әлеуметтік қорлар ретінде экономикалық өсімге қолайлы жағдай туындататын еңбек, интеллектуалды және тағы да басқа сол сияқты артықшылықтарды атауға болады.

Сонымен этностардың топтасуы мен оның бірлігіне ықпал ететін негізгі фактор болып әлеуметтік-экономикалық фактор екендігі осы жұмыстың шеңберінде кең талқыланып, жан-жақты терең зерттелінді. Атап айтқанда халықтың әл-ауқатының деңгейі, әлеуметтік

стратификация, ұлттық құрамы, көші-қон сипаты, урбанизация үрдісі этностық интеграцияның көрсеткіші болып табылатындығына көз жеткіздік. Яғни, Қазақстан экономикасында этностық фактор үлкен рөл атқарады. Қоғамда этносаралық қарым-қатынас саласында шиеленістің туындауына түрткі болатын себептің бірден бірі өңірлік деңгейде халықтың әл-ауқатының жағдайының қиындығы екені ақиқат.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Кубеев Е.К. Современные тенденции развития Республики Казахстан как социального государства в свете новой Концепции правовой политики // Вестник КарГУ. – 2011. – №1. <https://articlekz.com/article/6117>

2. Обращение Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева к народу «Пять социальных инициатив Президента». 5 марта 2018 г. http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/obrashchenie-prezidenta

3. Ешпанова Д., Биекенова Н. Трансформация этносоциальной структуры казахстанского общества. Әл-Фараби журналы. – № 1 (53) 2016. – С. 71-81.

4. Какие этносы в Казахстане живут лучше и хуже. 17 октября 2018 г. <https://inbusiness.kz/ru/news/kakie-etnosy-v-kazahstane-zhivut-luchshe-i-huzhe>

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК¹

Болдин Владимир Алексеевич

В истории многих государств и народов с определенной степенью цикличности, вслед за экономическими успехами, общим культурным и духовным подъемом, ростом демографических ресурсов, всегда актуализировались и вопросы политической интеграции. Поиск идеологических обоснований, позволявших утвердить свое первенство среди других акторов политики, или выражаясь в терминах американского политолога Дж. Модельски, рассматривающего циклы мировой истории как противодействие глобальных игроков, перейти из группы «челленджеров» в статус мировой державы², предопределили появление наднациональных интеграционных идеологий, получивших в истории социально-политической мысли название «панидеологии».

Термин «панидеология» происходит от древнегреческого слова «Πάν», что буквально означает «весь», «всё», «каждый». Наднациональные идеологии не являлись

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-1526.2020.6 «Славянская идея: от национального самоопределения к европейской интеграции (историко-политологический анализ)»).

² Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62-82; Он же. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 124-142.

чем-то уникальным, а были достаточно распространенным явлением в истории социально-политической мысли¹. Тем не менее, термин «панидеология» не является устоявшимся в науке. Существуют различные трактовки и подходы к определению сущности панидеологических концептов². Исходя из этого в настоящем исследовании термины «панидеологии», «наднациональные идеологии» и «панидеи» будут использованы как синонимы.

Одним из первых в политической науке к теме возникновения панидей обратился классик немецкой школы геополитики Карл Хаусхофер (1869–1946), посвятивший ей статью «Панидеи в геополитике» (*Geopolitik der Pan-Ideen*), вышедшую в 1931 году. Хаусхофер писал, что «убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы, широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве...»³.

---

¹ Так, А.А. Григорьева замечает, что «возникновение и развитие панидеологий связано с актуализацией национальных проблем, конфессионально-культурной самоидентификацией народов и государств, стремлением последних к геополитическому росту. Целью панидеологий является, с одной стороны, создание наднационального государственного организма на общей этнической или религиозной основе, с другой, — решение исключительно внутренних, национальных задач». Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 9.

² См.: Родригес А.М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2011. С. 137; Халудоров Т.В. Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 39; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005. С. 262; Snyder L. Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984. P. 17-65; Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. N.Y., 1990. P. 209; Полянников Т.Л. Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 24; Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 167.

³ Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. 2016. № 2. С. 85.

По его мысли, на протяжении всей истории «человечество нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе...»¹. Отмечая тот факт, что однажды появившиеся панидеи, вопреки господствующему мнению, являются крайне жизнеспособными, Хаусхоффер, однако, подчеркивает, что панидеями следует признавать только те идеи, которые «возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, – выступали носителями культурных миссий (Kultursendungen) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою»².

Тем не менее, по распространенному сегодня в науке мнению, первой наднациональной идеологией (панидеологией) становится панэллинизм³. Именно в трудах греческих мыслителей и ораторов происходит понастоящему концептуальное оформление идеологии, положившей в свою основу идею всеобщего объединения всех греческих полисов и конструирование общей национальной идентичности⁴.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 86.

³ Подробнее см.: Болдин В.А. Панэллинизм как первая наднациональная интеграционная идеология в истории социально-политической мысли // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 121–131.

⁴ Термин «идентичность» берет свое начало в психологии личности и социальной психологии, где под ним понимается некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индиви-

Следующий значительный всплеск интереса к наднациональным интеграционным идеологиям приходится на эпоху Просвещения, богатую новыми философскими и политическими идеями¹. Кардинальный перелом, произошедший в социально-политическом и экономическом укладе жизни Европы на рубеже XVIII–XIX вв., заставил переосмыслить многие идеологические постулаты времени. Именно в этот период начинают все громче звучать призывы, утверждающие принципиальную возможность создания единого интеграционного пространства в Европе в силу единства культурных, экономических и политических связей европейских стран и народов. Квинтэссенцию они находят в концепциях «вечного мира», в основе которых лежала мысль о необходимости достижения единства для сохранения мира и прекращения войн в Старом свете².

дами. Особое внимание этой проблеме уделено в работах американского психолога Э. Эриксона. См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. Национальная идентичность в данном исследовании понимается как сформированное на основе устоявшихся особенностей национальной культуры, этнических характеристик, обычаев, верований, мифов, нравственных императивов видение народов себя в ряду других народов. Подробнее об этом, см.: Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. М., 2011. Также см.: Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16; Smith Anthony D. National Identity. Penguin Books, 1991.

¹ «Просвещение, гуманизм, революции, а позже и наполеоновские войны способствовали национально-освободительному пробуждению народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, что привело, в свою очередь, к реанимации некоторых идей панэллинизма с его характерным противопоставлением «свои» — «чужие» и формированию на его основе новых объединительных теорий». Григорьева А. А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 10-11.

² См.: Французова О.А. Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 33-36; См. также: Джонг Хи Сок. Идея славянской интеграции в Российской обществен-

Действительно, если попытаться реконструировать идейно-политические концепты этого периода, говорившие о создании общих наднациональных политических институтов, то, прежде всего, необходимо упомянуть о работе немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) «К вечному миру», впервые опубликованной в 1795 г. В этом трактате, ставшим реакцией философа на только что завершившуюся войну между Францией и Пруссией¹, Кант проводит мысль о том, что войнам в Европе следует положить конец путем заключения полномасштабного мирного договора, иначе продолжение военных конфликтов, охвативших мир, приведет лишь к появлению «гигантского кладбища человечества»². Как пишет исследователь творчества Канта А.А. Зоткин, всеобщий мир представляется Канту вполне достижимым делом ближайшего времени. Тем не менее, как замечает Зоткин, «стремительно меняющаяся политическая картина Европы заставляет его в скором времени отказаться от этой точки зрения. В вышедшей двумя годами позже «Метафизике нравов» (1797) он признает, что «вечный мир (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея»³. Кроме того, имен-

---

но-политической мысли XIX в: дис. ... докт. полит. наук. М., 1990. С. 36.

¹ В 1795 году между Францией и Пруссией был заключен так называемый Базельский мир, который формально хотя и положил конец войне, но оставлял множество противоречий нерешенными, переводя конфликт в тлеющую фазу. Условия мира не могли удовлетворить ни ту, ни другую сторону, что не могло укрыться от взгляда И. Канта. Его трактат «К вечному миру» становится реакцией на политические процессы эпохи. — В.Б. Подробнее см.: Потемкин В.П. История дипломатии. Т. 1. С древнейших времен до нового времени. М., 2015. С. 375; Гулыга А.В. Кант. 3-е изд. М., 1994. С. 236-237.

² Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 209.

³ Зоткин А.А. Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля //

но Канту приписывается первенство идеи о создании некой международной наднациональной организации, которая смогла бы обеспечить урегулирование всех спорных отношений между государствами мирным путем. В связи с этим идеи Канта оказали огромное воздействие на дальнейшую разработку интеграционных теорий, в том числе и создания крупных панидеологических комплексов.

Большое влияние на мыслителей, общественных деятелей и политиков той эпохи имели воззрения другого немецкого философа, писателя Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Именно его идеи о братстве между народами, рассуждения о национальном, культурном и духовном единстве народа сыграли ключевую роль при формировании таких интеграционных идеологий, как пангерманизм, панславизм, иллиризм. Об огромном влиянии Гердера и всей немецкой «идеалистической философии» на становление панидеологий говорит венгерский исследователь Костя Шандор¹. Влияние Гердера отмечают и отечественные специалисты: «Теория Гердера о культурно-национальной индивидуальности и ее правах, его высокая оценка славянских народных традиций и обычаев глубоко повлияли на националистическую мысль в странах Центральной и Восточной Европы и явились мощным стимулятором пробуждающегося национального сознания молодой славянской интеллигенции

Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. С. 2. — <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/784> (март, 2021).

¹ *Sandor Kostya*. Pan-Slavism. Edited by Anne Fay Atzel. Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981. P. 5-7.

начала XIX века»¹. Схожей точки зрения придерживается и О.А. Французова². Среди зарубежных авторов о влиянии Гердера на «пробуждение наций» пишет профессор университета Айовы А. Плаканс³.

Во многом влияние Гердера отразилось в появлении собственных интеграционных концепций у южных славян, самой ранней из которых стала идеология иллиризма. После наполеоновских войн в Австрийской империи назрел австро-венгерский конфликт, в котором Хорватия стала «разменной монетой». Имперские власти, вынужденные делать уступки то венграм, то хорватам, старались найти в последних противовес венгерскому национальному движению, представлявшему серьезную опасность дому Габсбургов. На этом фоне возник национальный подъем хорватского народа. Основными идеологами национального Возрождения хорватских земель стали хорватский поэт Людевит Гай (1809–1872), хорватский общественный деятель, писатель Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889), хорватский политик граф Янко Драшкович (1770–1856), словенский поэт Станко Враз (1810–1851), которые исходили из факта этнического родства всех южных славян и идеала их национального единства. Считая, что южные славяне являются потомками древних иллирийцев, деятели хорватского Возрождения

---

¹ Шириняц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 14.

² См.: Французова О.А. Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. 5 (4). С. 81.

³ Плаканс *Андрейс*. Краткая история стран Балтии. М., 2016. С. 159-160.

называли их иллирийским народом. В связи с этим хорватское национальное Возрождение получило название иллирийского движения, иллиризма¹. Важным пунктом программы иллирийского движения было культурное и духовное единение всех южных славян. Именно для этой цели предполагалось создание единого литературного языка как основы объединения будущей нации.

Воззрения Гердера оказали огромное влияние на зарождение панидеологий не только на Балканах, но и в самой Германии. Особенностью пангерманизма, в отличие от рассмотренных выше идейных комплексов, стало то, что пангерманисты видели своей целью построение национального моноэтнического государства, прежде всего в этнокультурном плане. Сторонники пангерманизма были убеждены, что все немцы должны жить в одном государстве, а территории, где преобладает смешанное население, должны быть включены в это государство при условии онемечивания других этносов. Говоря о генезисе пангерманизма, известный русский славист Антон Семенович Будилович (1846–1908) отмечал, что пангерманизм зародился примерно в то же время, что и панславизм – в эпоху правления австрийского императора Иосифа II (1741–1790). Именно его германизаторские стремления, по мнению Будиловича, заложили основу для формирования будущей идеологии пангерманизма. В дальнейшем, подкрепленные литературной пропагандой, идеи пангерманизма прочно утверждаются в общественном

---

¹ Подробнее об исторических предпосылках появления иллиризма см.: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970.

мнении уже во времена Бисмарка¹ и находят свое политическое воплощение во внешнеполитическом курсе Пруссии и создании под ее крылом сначала Северогерманского союза (1866–1871), а затем и единой Германской империи (1871–1918)².

Действительно, можно утверждать, что зарождение идеологии пангерманизма происходит именно в Австрии. После проигранной войны с Пруссией 1866 г. австрийское общество, «отказавшееся признать неизменным отделение ее от остальной Германии и предпочитающее жить в этнически гомогенном немецком государстве»³, в качестве ответной реакции порождает политический пангерманизм.

Основоположником идеологии пангерманизма в Габсбургской монархии становится известный австрийский политик Георг Риттер фон Шенерер (1842–1941), приложивший руку к созданию первых политических программ пангерманизма. Особую роль в распространении и утверждении этой идеи должна была стать организация образования на немецком языке, в том числе и в славянских землях дунайской монархии, что обеспечивало бы социализацию славян в духе немецкой культуры.

Однако после поражения Австрии в австро-прусской войне 1870–1871 гг. она окончательно теряет лидерство в немецком мире, а в 1879 г. венский кабинет и вовсе заключает соглашение с кайзеровской Германией, где Вене

---

¹ Подр. см.: *Стейнберг Дж.* Бисмарк. Биография. М., 2014. С. 735.

² См.: *Будилович А.С.* Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 132-133.

³ *Ширинянц А.А., Мыркова А.В.* Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного руссееведения. М., 2007. С. 244.

явно отводилась роль «младшего брата», после этого духовным центром пангерманизма становится Пруссия, а позже и единая Германская империя. Этому способствовал ряд немаловажных факторов.

Как отмечают С.И. Дудник и Ю.Н. Солонин, именно в этот период немецкая научная техническая мысль делает впечатляющий рывок вперед, а Германия становится страной ученых и изобретателей. Вслед за развитием промышленности происходят и кардинальные трансформации в традиционном укладе жизни немецкого общества. Более того, в немецком обществе все более утверждается культ армии, которая играла роль одного из главных факторов сплочения нации, а «военно-бюрократическая система становится эталоном организации не только всей государственной, но и общественной жизни»¹. Милитаризм все более укоренялся в сознании немецких обывателей, и «настало время, когда пангерманизм бросил вызов самой владычице морей и владельнице колоссального колониального мира – Англии»². Как видно из приведенной цитаты, своего апогея идеология пангерманизма достигает именно в период становления Германии как великой державы, а данная идеология становится прочной базой, подкрепляющей все более растущие внешнеполитические устремления немецкого правительства.

Главным центром распространения и пропаганды идеологии пангерманизма становится созданный в Бер-

---

¹ Дудник С.И., Солонин Ю.Н. Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. СПб., 2001. С. 45.

² Там же.

лине 1891 г. Пангерманский союз¹. Участниками этой по сути политической организации были политики и общественные деятели, профессора университетов, военные и чиновники, промышленники и коммерсанты, придерживающиеся националистических взглядов. «Союз требовал создания обширной германской империи, призывал к захвату владений Великобритании и Франции в Африке, рассматривал как вполне реальную перспективу распределение между европейскими державами исторической территории России, ратовал за превращение в своих «вассалов» народов Балканского полуострова»².

О явном воинственном тоне идеологов пангерманизма говорит и К.Н. Цимбаев, подчеркивая, что из «романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства», на рубеже веков пангерманизм превратился в «мощное политическое движение»³. Агрессивные помыслы пангерманистов уже не удовлетворяла и политика Вильгельма II, члены Пангерманского союза все чаще выступали с критикой действующего курса правительства. Помимо Пангерманского союза основными духовными центрами объединения пангерманистов становятся массовые организации: Немецкий флотский союз, Немецкий оборонительный союз, Немецкое колониальное общество. А «яркие пангерманские публицисты – Теодор Райсманин-Гро-

---

¹ До 1894 г. союз существовал под названием «Всеобщий немецкий союз». — В.Б.

² Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). Иркутск, 2013. С. 26.

³ Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века: геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. 1 (17). С. 42-43.

не, Эрнст Хассе и особенно председатель Пангерманского союза с 1908 г. Генрих Класс – настойчиво внушали населению и политикам свою главную идею: миру предстоит германизация, и если понадобится – насильственная»¹.

Так или иначе, идеология пангерманизма оказала огромное влияние на оправдание двух мировых войн, так как политики, общественные деятели и журналисты в обоих случаях оперировали терминами, использовавшимися еще задолго до них идеологами пангерманизма. В этой связи интересна позиция известного исследователя тоталитаризма Ханны Арендт, делавшей хоть не бесспорный, но все же оригинальный вывод, что «нацизм и большевизм обязаны пангерманизму и панславизму (соответственно) больше, чем любой другой идеологии или политическому движению»². Арендт пишет, что пангерманизм, начавшийся в Австрии как студенческое движение, однако все же сосредоточился на ее разрушении, видя Дунайскую монархию как преграду на пути объединения немецкого народа. По мнению Арендт, пангерманизм, основанный Георгом фон Шенерером, изначально включал в себя ряд элементов (например, антисемитизм), которые в дальнейшем послужили основой для идеологического оправдания политики Третьего Рейха³.

Как бы то ни было, несмотря на свою специфику, пангерманизм как проект не наднациональный, все же обладал все теми же концептуальными чертами, что и ранее рассмотренные панидеологии. В основе все так же лежал

---

¹ Там же.

² Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 307.

³ Там же. С. 310-314.

принцип выявления «врага» (славян, Англии и т.п.¹) как объединяющего и консолидирующего элемента. Особое значение придавалось распространению общего литературного языка и немецкой культуры, а также пропаганде идей пангерманизма через литературу. Культурная интеграция, по мысли идеологов пангерманизма, в дальнейшем неизбежно должна была привести к интеграции и политической (в этой связи особенно показательна деятельность «Всеобщего немецкого школьного союза» и тому подобных организаций). Кроме того, в литературе, науке, философии вполне четко культивируется «миф»² об уникальности немецкой культуры, который также ложится в основу пангерманизма.

В целом же зарождение идеологии пангерманизма, подобно панэллинизму, также было вызвано объективными историческими факторами, а социально-политические и экономические процессы в немецком обществе предопределили особую популярность пангерманизма. Таким образом, можно проследить всю ту же модель

---

¹ О неизбежности военного столкновения со славянами писали немецкий дипломат барон Христиан фон Бунзен (1791–1860), немецкий историк Ганс Дельбрюк (1848–1929), геополитик и член Пангерманского союза Фридрих Ратцель (1844–1904), отмечавший неестественность границ современной Германии и т.п. Подробнее см.: *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 41-51; Также см.: *Иванов А. А., Репников А.В.* «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // *Родина*. 2014. № 8. С. 15-18.

² Как пишет исследователь пангерманизма Н.Д. Ратнер, идеологи пангерманизма искали идеологическое обоснование своим концепциям в славном прошлом Германии, и тут как нельзя кстати приходились «исторические традиции, как традиция Священной Римской империи германской нации, имперского универсализма». См.: *Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970. С. 15.

формирования идентичности, что впервые проявилась еще в античные времена у идеологов панэллинизма.

Стоит сказать, что помимо рассмотренных нами панидеологических комплексов, были и другие попытки создания крупных наднациональных проектов: это и идеология панисламизма, панскандинавизма, и паневропейские тенденции (воплотившиеся в создании Европейского союза), идеология панафриканизма, панамериканские теории. Однако в рамках данного исследования рассмотрение данных концепций сознательно опускается, так как путем логического обобщения можно утверждать, что, несмотря на их кажущуюся разнородность, по сути, во всех панидеологиях были использованы те же механизмы и инструменты формирования общей идентичности, что и в рассмотренных нами.

Подводя итог анализу феномена панидеологий в истории политики и мысли, необходимо еще раз сделать акценты на нескольких моментах. Во-первых, зарождение всех панидеологий невозможно рассматривать в отрыве от исторического контекста эпохи, тех социально-политических, экономических, демографических и культурных процессов, которые протекали в то время. Ведь зачастую рождение панидеологий становилось либо идеологическим ответом на те кризисные ситуации (панэллинизм), которые раскалывали общество, либо той идеологической базой, которая должна была подкрепить и обосновать претензии на новое геополитическое положение того или иного государства (пангерманизм). Идеологи пандвижений видели своей задачей поиск путей преодоления сложившихся ситуаций, выработку

новых направлений развития и модернизации обществ, культурной интеграции и мобилизации. А главным шагом на этом пути должно было быть создание единого государства (союза). Во-вторых, ключевым для понимания путей построения панидеологий вне зависимости от того, носили они многонациональный характер (империализм), моноэтнический (пангерманизм), конфессиональный (панисламизм) или любой другой, стал момент самоидентификации нации¹ или нескольких народов в политической системе координат. В частности, это формирование в общественном сознании дихотомии «друг» – «враг», «свой» – «чужой», позволяющей идентифицировать собственную группу в противопоставлении другой. Как было показано выше, негативная репрезентация обладает гораздо более высоким консолидирующим потенциалом и гораздо легче утверждается в массовом сознании. Формирование образа «врага» стало ведущим, цементирующим моментом во всех рассмотренных идеологиях. В-третьих, немаловажную роль в конструировании наднациональных идентичностей играло выстраивание общей системы политических мифов, позволяющей утвердить с помощью определенных стереотипов и установок чувство превосходства над «врагом», добить-

---

¹ Американский историк А. Плаканс считает, что «пробуждению» чувства национальной идентичности способствуют следующие механизмы: создание образа героического прошлого народа, документирование существования государственности в прошлом, подчеркивание «цивилизаторской» деятельности по отношению к другим народам, поиск в прошлом институтов, присущих только этой нации, а также формирование представления о «великом достоянии» народа. Эту роль чаще всего берет на себя интеллигенция. Не удивительно, что все указанные «механизмы» проявились и при формировании панидеологий. См.: *Плаканс Андрейс*. Краткая история стран Балтии. М., 2016. С. 234.

ся осознания правильности выбранного пути развития, поднятия чувства национальной гордости и единения. В-четвертых, от античности и до наших дней сторонники панидей твердо стояли на позициях признания того, что создание единой и консолидированной общности невозможно без утверждения общего литературного языка. Именно единый язык, и как следствие общая литература, должны были обеспечить быстрое распространение и популяризацию интеграционных идей, а также политических мифов и стереотипов. Утверждение общего языка во многом связывалось с развитием системы образования и, прежде всего, начальных школ, которые и должны были обеспечить нужный эффект политической социализации. Таким образом, можно утверждать, что культурное единение рассматривалось как первый этап единения политического.

В связи с полученными выводами, полностью подтверждается предположение о том, что формирование всех панидеологий происходило по вполне схожей траектории и было вызвано объективными изменениями в социально-экономическом и политическом контексте эпохи. Кроме того, в основе всех панидеологий лежали идентичные методы, механизмы и алгоритмы формирования идентичности, а распространение общей культуры и языка виделось первым необходимым шагом на пути выстраивания политических проектов интеграции.

Список использованных источников:

1. Арендт Ханна. Истоки тоталитаризма. – М., 1996.
2. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. – М., 2004.
3. Болдин В.А. Панэллинизм как первая наднациональная интеграционная идеология в истории социально-политической мысли // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. – М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 121–131.
4. Будилович А.С. Славянское единство. – М., 2014.
5. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: Контуры нового миропорядка. – М., 2011.
6. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3-16.
7. Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). – Иркутск, 2013.
8. Гулыга А.В. Кант. 3-е изд. – М., 1994.
9. Джонг Хи Сок. Идея славянской интеграции в Российской общественно-политической мысли XIX в: дис. ... докт. полит. наук. – М., 1990.
10. Дудник С.И., Солонин Ю.Н. Парадигмы исторического мышления XX века. Очерки по современной философии культуры. – СПб., 2001.
11. Зоткин А.А. Проблема войны и мира в творчестве Канта, Фихте и Гегеля // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2016. – № 4. – С. 2. – <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/784> (март, 2021).
12. Иванов А.А., Репников А.В. «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина, 2014. – № 8. – С. 15-18.
13. Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. – СПб., 2003.

14. Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. – М., 2017.

15. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. – М., 2005.

16. Модельски Дж. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 62-82; Он же. Эволюция глобальной политики (II) // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 4. – С. 124-142.

17. Плаканс Андрейс. Краткая история стран Балтии. – М., 2016.

18. Полянников Т.Л. Неклассический национализм в современной мировой политике: социально-политический и культурный контекст: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2009.

19. Потемкин В.П. История дипломатии. Т. 1. С древнейших времен до нового времени. – М., 2015.

20. Ратнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. – М., 1970.

21. Родригес А.М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). – М., 2011.

22. Стейнберг Дж. Бисмарк. Биография. – М., 2014.

23. Французова О.А. Идеи интеграции и паннациональные концепции в античной философии, западноевропейской и российской общественной мысли: исторический аспект // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. 5 (4). – С. 78-84.

24. Французова О.А. Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

25. Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. – М., 1970.

26. Халудоров Т.В. Политические аспекты идеологии панмонголизма: дис ... канд. полит. наук. – М., 2005.

27. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // Регион и мир. – 2016. – № 2. – С. 85-92.
28. Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. – 2015. – 1 (17). – С. 42-63.
29. Ширинянц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. – М., 2010.
30. Ширинянц А.А., Мырикова А.В. Русофобский миф панславизма // Актуальные проблемы современного российского общества. – М., 2007. – С. 240-244.
31. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 2006.
32. Sandor Kostya. Pan-Slavism. Edited by Anne Fay Atzel. – Astor Park, Florida: DanubianPress, Inc. 1981.
33. Smith Anthony D. National Identity. – Penguin Books, 1991.
34. Snyder L. Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements. – Westport (Connecticut), L.: Greenwood Press, 1984.
35. Snyder L.L. Encyclopedia of Nationalism. – N.Y., 1990.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ТИПОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА ХАНСА КОНА

Вежбицки Анджей

Самой распространенной типологией национализма, используемой в исследовании данного феномена, является разделение на национализм политический или гражданский и национализм этнический (этнонационализм). Настоящая дихотомия восходит к концепциям эпохи Просвещения, авторами которых стали Жан-Жак Руссо (политический национализм) и Иоганн Готфрид Гердер (этнонационализм). Данное разделение уточнил и теоретически расширил в начале XX века Фридрих Мейнеке, который признал существование нации в этнокультурном смысле и в политическом смысле [1, с. 3,15]. Американский историк Ханс Кон в 1944 году опубликовал труд *The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background* [2], в котором выделил данную дихотомию по географически-культурно-политическим критериям на национализм «западный» (политический) и «восточный» (этнический). Следует отметить, что хотя типология Х. Кона в период её становления содержала исторически обоснованные теоретические основы, выводы автора имели слишком обобщающий характер и в нынешнее время исчерпали свой смысл. С перспективы конструктивизма в нынешнем понимании данного направления Х. Кон считал политический национализм более «закономерным» и обуславливал его возникновение степенью цивилизационного

(социально-экономического и культурно-политического) развития, т.е. связывал национализм с государствообразующим процессом: «Национализм требует государства; создание государства укрепляет национализм» [3, с. 28, 43]. Таким образом Х. Кон ограничивал «закономерный» национализм пределами западных государств и исключал возможность появления политического, более «желательного» национализма в незападных государствах, а этнокультурного в западных. Следует подчеркнуть, что политический национализм и этнокультурный национализм не существуют в идеальном виде. Этнокультурная солидарность и политическая солидарность воздействуют друг на друга. Таким образом, типология Х. Кона определила исследования национализма на долгие годы вплоть до нынешнего времени [4, с. 253-254].

В данной статье ставится цель выяснить необоснованность типологии Х. Кона в современных исследованиях путём сравнительного анализа политического и этнокультурного национализма на примерах типов обоих видов национализма в разных регионах Европы и мира, а также их воздействие друг на друга.

Политический национализм

В политической концепции национализма нация представлена в качестве рационального, территориального союза индивидов, объединённых гражданством и совместным проживанием на определённой территории. Всеобщность гражданских прав, существование сильной буржуазии и демократических институтов создали бла-

гоприятные условия для создания политической нации.

Основой принадлежности к политическому сообществу является своеобразная «гражданская декларация», связанная с одобрением прав и свобод индивида в демократическом обществе путём свободной воли. Ключевую роль в формировании политической нации играет идея суверенитета народа, который является источником политической власти. Благодаря общественному договору индивиды передают свои полномочия обществу, к которому они лояльны. Таким образом обретается свобода, с помощью которой народ становится субъектом политических решений, самостоятельно устанавливая права и подчиняясь им, превращаясь в нацию – источник суверенной, не подлежащей передаче власти.

Основой, придающей законную силу существованию государства, должна быть культурная особенность и исключительность. Ж-Ж. Руссо предлагал государству формировать национальную культуру, в т.ч. образование, создать идею отечества в качестве своего рода «религии», объединяющей граждан. «Священниками» данной религии должны стать чиновники, догмами – национальная идеология, а церковными обрядами – государственные церемонии [5, с. 136]. Таким образом существование нации требует преемственности культурной идентичности и соответствующих политических структур.

Самым типичным примером политической нации является французская нация, которая формировалась в XIX веке. В то время во Франции произошла централизация администрации, была введена единая налоговая и правовая система, унифицирована территория госу-

дарства, началась создаваться «светская религия» – культ отечества. Соответственно этой концепции, нация – это плод государства, т.е. государство является первичным по отношению к национальной культуре. Права, привилегии и культура социальных и политических элит распространялись на все население. Таким образом формировалась гражданская идентичность.

Однако достижение политического единства требовало также культурной гомогенизации населения. Культурная асимилиация была необходимым условием возникновения политического сообщества. Поэтому начался процесс создания французской идентичности, которая заменила существующие местные и сословные особенности. Парижский диалект французского языка, на котором разговаривало меньшинство населения, был возведен в статус официального языка по всей стране. Было введено всеобщее образование с преподаванием стандартного французского языка, единой версии французской истории, верности республиканским ценностям, что привело к формированию лояльности французской нации. Нация и государство стали синонимами.

Кроме упомянутого выше примера существуют, ещё по меньшей мере, три категории политической нации. Первая категория касается ситуации, когда вместе с политическим, юридическим и экономическим сообществом сосуществует культурное разнообразие и право на автономию. Это, *во-первых*, Российская Федерация, формирующая российскую нацию как политическое сообщество граждан различной этнической, религиозной и иной принадлежности, которые имеют право на нацио-

нально-территориальную или национально-культурную автономию. Во-вторых, это Великобритания, в которой оживление шотландского и уэльского национализмов привело к развитию деволюции, т.е. децентрализации унитарного государства, приближая его к федерации. Одновременно кроме региональной идентичности – английской, шотландской или уэльской существует сильная идентификация с британским государством (*Britishness*). Вторая категория современной политической нации это плюралистические нации, возникшие в результате колонизации и миграции (Северная Америка, Латинская Америка, Австралия, Новая Зеландия), в составе которых три компонента: 1) местное коренное население (в большей степени в Латинской Америке, чем в англосаксонских странах); 2) потомки колонизаторов; 3) пришельцы в период очередных волн миграции. Третья категория, возможно, вызовет сомнения и критику, но это ушедшая в прошлое «советская нация», «новая историческая общность», которая была надэтническим сообществом, объединённым русским языком и русско-советской культурой. Соответственно тогдашней пропаганде, она была рождена путём совместных усилий трудящихся масс, строящих первое в мире социалистическое государство.

Принимая к сведению факт, что «советская нация» оказалась всё-таки несостоявшимся проектом, надо учесть, что её «политичность» заключалась не столько в «равноправии всех граждан», сколько в попытке создать наднациональную идентичность на основании общей территории, общего государства и его успехов, независимо от его патерналистского характера.

Политическому национализму присущ включающий характер. Каждый индивид, который приобретает гражданство, принадлежит к нации. Следует подчеркнуть, что основой каждой политической нации является этнический стержень. Преимущественно это культура доминирующего этноса. Невозможно представить существование политической нации нейтральной в культурном смысле. Американская политическая нация объединена английским языком и англосаксонской культурой. Русский язык и русская культура объединяют российскую нацию. Казахский язык и казахская культура должны объединять народ Казахстана [7, с. 170-187].

Стоит согласиться с мнением, что для существования политической нации нет необходимости в либеральной демократии, характерной для западных государств. Как пишет Валерий Тишков: «Нация могла и может быть и в условиях несвободы в её европейском представлении. В современной Турции или Китае свобод не больше чем в России, но наличие турецкой и китайской нации никто не оспаривает» [6, с. 105]. То же самое касается проекта «советской нации». Расширение политических прав может способствовать этнической мобилизации компонентов политического сообщества и в итоге его превращению в отдельные этнокультурные нации.

Этнонационализм

Предшественником концепции этнокультурной нации был уже упомянутый выше Иоганн Готфрид Гердер. Он обращал внимание на черты, которые, по его мнению,

определяли особенности народов, такие как история, культура, язык. В его понимании истории, нации являются особенными, своеобразными социальными субъектами. Каждый человек принадлежит к определённой и неповторимой культуре, которая является его натуральной средой и без которой он не в состоянии существовать. Место, время и внутренний характер являются основой неоднородности народов. Принадлежность индивида к народу – это самый главный социальный контекст. Нация, соответственно И. Гердеру, – это органическая общность с единой культурой, проявлением которой является, прежде всего, язык. Он определяет особенность народа, поскольку в нём сосредоточивается традиция. И. Гердер особенно подчеркивал значение языка и культуры простого народа, который считал сутью нации. Он особенно ценил исследования фольклора, песенно-эпического наследия, мифов и преданий, в качестве носителей духа нации. Именно И.Г. Гердер ввёл принцип «один народ – одно государство», соответственно которому государство должно иметь однородное население в национальном (этническом) смысле.

В данной концепции государство было вторичным по отношению к культурному сообществу, которое устанавливало политические институты в соответствии со своими нуждами. Источником возникновения государства было существование народа со своей единой культурой [8, с. 272-273]. Концепция этнокультурной нации формируется в основном в условиях отсутствия государства. Это относится как к идее немецкой нации, признанной классическим примером данного типа нации, так

и к Центральной и Восточной Европе. В первом случае нация в этнокультурном смысле объединяла немецкий народ, проживающий во многих отдельных немецких государственных образованиях. Таким образом, нация в этнокультурном смысле нуждалась в государстве для укрепления и развития своей культуры. Границы государства должны определяться границами культурного пространства [9, с. 46].

Идея немецкой нации формировалась на рубеже XVIII и XIX вв. в качестве противоположности либерально-демократическим ценностям французской революции. Революция, по мнению немецких предшественников национальной идеи, привела к хаосу, альтернативой которому является автократия (Эрнст Мориц Арндт, Георг Фридрих фон Харденберг (Новалис), Фридрих Людвиг Ян) [10]. Поэтому им была ближе идея социального и политического консерватизма. Немецкое национальное сознание не должно ссылаться на универсальные идеи свободы, равенства или самоопределения, а только на древние традиции и права, свойственные народу и определяющие его неповторимость. Немецкая нация в их понимании стала объектом высшей лояльности, компенсируя недостатки единства политического и экономического организма.

Основой немецкого национального сознания стали дух народа и немецкий язык. Дух народа (*Volksgeist*) – это своеобразие его культуры – традиционная национальная одежда, способ приготовления и употребления пищи, объекты воображения, живущие в традиции народа и т.д., придающие особый характер политическому

организму данной общности. Особенность немецкой нации обнаруживается при помощи языка, который в отличие от других языков был свободен от заимствований из иностранных языков («настоящий язык», *Ursprache*). Нация стала синонимом народа (*Volk*), т.е. внутренним, сплочённым, натуральным единством, в то время как государство было внешней, навязанной структурой. «Вера в нацию» приобрела почти религиозный характер. В отличие от французской концепции, немецкая нация стала аполитической общностью, направленной в глубину души. Язык отражал дух нации (народа) и олицетворял человеческое тело, поскольку национальность определялась по принципу крови. Нация в данной концепции была избранной общностью, ограниченной происхождением.

Во втором случае формирования культурной нации в условиях отсутствия государства, территории Центральной и Восточной Европы в XIX веке находились под властью австрийской, германской, российской и османской империй. Непринятие государств, в которых царствовали чужие автократы, а также помещики, способствовало возрождению концепции основанной на вере в совместную культуру, происхождение и вытекающее отсюда родство. Под нацией подразумевалась органическая, единая целостность. Основой национализма в данной части Европы была этническая солидарность, а не политическое гражданство, как преимущественно в Западной Европе. Таким образом этнический (этнокультурный) национализм (этнонационализм) стал антитезисом политического национализма [9, с. 123].

Принадлежность к нации, соответственно данной концепции, имеет врождённый (эксклюзивный) характер, т.е. невозможность её изменить. Этнонационализм рассматривает нацию как неповторимое явление и основывается на двух предположениях. Во-первых, это признание этноса нацией, обладающей такими чертами как: территория, язык, экономическое сообщество, идентичность. Во-вторых, это убеждение в необходимости приобретения собственной государственности, обеспечивающей прочное развитие нации. Данная государственность может существовать в разнообразных организационных формах. Государствообразующий этнос признаётся коренной нацией, а остальные некоренными. Этнонационализм возникает в результате исторических событий, формирующих образ прошлого, который состоит из следующих элементов: 1) отечество – территория; 2) возникновение и развитие государственности, благодаря которой нация (этнос) становится субъектом политики; 3) убеждение в собственном величии, основанном, в том числе, на памяти о прошлых завоеваниях; 4) катастрофа, которая прекратила постепенное развитие нации [10, с. 18]. Этнонационализм может приобретать культурный и политический характер. Культурный этнонационализм заключается в стремлении к сохранению единства народа, развитию языка, культуры и исторического наследия. Целью политического этнонационализма является создание или укрепление существующей государственности, обеспечение доступа к власти и ресурсам представителям титульной нации. Политические границы государства должны совпадать с граница-

ми этническими, т.е. в данном случае границы должны быть проведены в соответствии с территорией проживания преобладающего этноса.

В полиэтнических государствах этнонационализм становится орудием государствообразующего (титульного) народа в укреплении его господства. Для нетитульных народов этнонационализм становится платформой борьбы за их права. Возникновение этнонационализма возможно в случае осознания комплекса неполноценности данным народом, который обнаруживается в ситуации опасности или борьбы за улучшение социального, политического или экономического статуса.

Этнонационализм преимущественно воспринимается отрицательно, как явление ведущее к этнократии, сепаратизму и способное приобрести черты терроризма и вооружённого сопротивления. Он также имеет положительные последствия в качестве ускорения нацие- и государствообразующего процесса. Некоторые исследователи – британский политолог Эндрю Хейвуд или американский социолог Роджерс Брубейкер – различают этнический и культурный национализм, несмотря на то, что в принципе этничность – это культурная принадлежность к данной общности и совместное происхождение и родство, которым этнонационалисты придают большое значение. В современных условиях происхождение и родство имеют характер более традиционно-культурный, чем биологический.

Эндрю Хейвуд отмечает, что существуют националистические организации, для которых принадлежность к нации определяется происхождением от общего предка

(предков), а члены нации создают родственные группы в более широком смысле, объединённые кровными связями. Таким образом этничность приобретает глубокий эмоциональный смысл традиции и практики, в результате чего нация становится «исключительной» общностью/сообществом. Стать членом данной нации возможно практически только родившись в этой среде (за исключением смешанных браков) [12, с. 177]. Данный подход содержит явную расистскую подоплёку. Подтверждением аргументов Э. Хейвуда может служить определение этноса (этничности), сформулированная российским социологом и политологом и одновременно националистическим деятелем – Александром Севастьяновым и писателем Владимиром Авдеевым, националистическим публицистом: «Этнос – есть биологическое сообщество, связанное общим происхождением, обладающее общей биогенетикой, и соотносящееся с расой как вид с родом либо как разновидность (порода) с видом. Его ипостасями и стадиями развития являются род, фратрия, племя, народность и народ (нация)» [13, с. 119]. Подобным же образом писал российский историк и политик Валерий Соловей, связанный с т.н. «новым русским национализмом»: «Этнос (этническая группа) – это группа людей, отличающаяся от других групп людей совокупностью наследственных биологических характеристик и присущих только этой группе архетипов, члены которой разделяют интуитивное чувство сходства и родства» [14, с. 68]. Если принять биологические основания нации, то может оказаться, что пределы данного этнонационализма очень ограничены, на что обращает внимание Р. Брубейкер [15, с. 100].

Дихотомия политического и этнического национализма исторически в какой-то степени обоснована, но следует признать правильным мнение об их воздействии друг на друга. Эгберт Ян считает, что политический национализм (в его понимании государственный национализм) очень часто является скрытым этнонационализмом, который, используя демократические институты и процедуры, устанавливает на самом деле диктатуру этнического большинства [16, с. 52]. Р. Брубейкер подчёркивает, что «государствоцентричные национализмы часто обладают сильным культурным компонентом и могут быть (хотя и не обязательно) этницизированными» [15, с. 103]. Таким образом, пишет данный автор, Соединённые Штаты Америки «это национальное государство, основанное на общей и обособленной американской культуре», ядром которой являются англосаксонский культурный компонент и английский язык. Следуя данным рассуждениям, можно согласиться, что формирование в евразийском пространстве российской или казахстанской нации в качестве гражданских сообществ вполне возможно, но невозможно без соответственно – «русского» или «казахского» культурных компонентов.

В нынешнем мире ни одна нация не может существовать без гражданской и этнической, т.е. культурной солидарности как на общегосударственном, так и на локальном уровне, что особенно важно. Только тогда достижение национальной сплочённости является реально возможным [17, с. 143-152], независимо от географического расположения.

«Западный» и «восточный» национализм

Обобщающий критический анализ разделения национализма на «западный» (политический/гражданский) и «восточный» (этнический/этнокультурный) можно свести к нескольким критериям. Во-первых, это основа возникновения и существования нации или другими словами – «что значит быть нацией», т.е. имеем ли мы выбор принадлежности к определённому национальному сообществу. Несомненно, как пишет американский политолог Бернارد Як, «строгая дихотомия между этническими и гражданскими нациями соответствует двум мифам». Первый – это миф этнической нации, т.е. миф происхождения. Соответственно данному мифу, нация это «наследие передаваемое посредством происхождения от предшествующих поколений». Таким образом у нас нет выбора. Второй – это миф согласия, т.е. «политические принципы, разделяемые с прочими единомышленниками». В результате у нас есть выбор принадлежности к данной нации. На самом деле существующие, действительные нации как правильно отмечает Б. Як, «сочетают выбор и культурное наследие»: «При таком понимании этого различия у нас будут и нации, которые не являются ни политическими, ни этническими, и нации, которые являются и теми и другими» [18, с. 60-65].

Второй критерий – это культурный компонент нации. Существование политической нации невозможно без культурной унификации граждан, т.е. политических принципов недостаточно, хотя они имеют первичный характер в нациеобразующем процессе. Для этнокуль-

турной нации первичным фактором данного процесса является разделяемая культура (миф происхождения, кровные связи, язык). Однако, сообщество, образованное на основании совместной культуры, нуждается в государстве для её укрепления и развития. Таким образом, с одной стороны этнический/этнокультурный национализм выполняет положительную – защитную функцию (примерно Польша периода разделов). С другой стороны, как отмечает Р. Брубейкер, национализирующийся гражданский национализм «впитывает в себя культурный шовинизм» и стремится «к уменьшению или (в пределе) уничтожению культурной гетерогенности в государстве, будь он даже безразличен к этничности в смысле происхождения» [15, с. 101]. К примеру, во Франции (не считая мигрантов, прибывших со времени миграционного кризиса осени 2015 г.), нет категории этнические меньшинства, в смысле граждан по рождению, не по присвоению гражданства.

В-третьих, это социально-политическая и этнокультурная действительность. В Западной и Восточной Европе как исторически, так и в нынешнее время появляются оба варианта национализма.

Формирование политической нации началось уже в средневековой Европе. Национальностью в Польше тех лет тогда была лишь аристократическая часть населения (дворянство, шляхта), которая обладала исключительной полнотой прав, привилегией и доступом к высшей (письменной) культуре. Феодалные политические нации основывались на социальном расслоении в результате обособления элиты имущества и власти, принадлежность к кото-

рой была наследственной. Помещики занимали самые высокие социальные позиции, осуществляли власть будучи носителями государственной идеи. Самые низкие социальные слои составляли население, не принимающее участия в публичных делах, т.е. не принадлежащее к политической нации. В западной Европе к политической нации принадлежал частично городской патрициат.

В контексте темы данной статьи очень важным аргументом, подвергающим сомнению актуальность типологии Х. Кона, является образование политической сословной нации вне западной Европы – в I Речи Посполитой (Польше). Многоэтническая шляхта польско-литовского государства признала себя суверенной нацией, основанной на верности республиканским принципам и условном повиновении королю. Единство шляхетской нации заключалось в совместном политическом развитии, одобрении многоэтнической и многоязыковой шляхтой общих политических идеалов: «Быть поляком означало не этническую, только политическую принадлежность» [19, с. 41]. Высшей ценностью для шляхты стала защита ее свободы, независимо от этнической принадлежности соответственно принципу – *gente Ruthenus, natione Polonus* (русинский род/русинский этнос¹, польский народ/польская нация). Данный принцип стал возможным благодаря распространению политических привилегий на русинскую шляхту. Конечно шляхта была неоднородной не только этнически, но также и по социальному составу. Высший слой создавала знать, а низший шляхетский

---

¹ В Речи Посполитой общим этнонимом «русины» называли славянское население преимущественно православного вероисповедания, проживающее на территории нынешней Беларуси и Украины.

«пролетариат» составляла мелкопоместная шляхта, живущая за счёт собственного труда.

Шляхетская нация в Речи Посполитой составляла лишь 10% населения (больше чем во Франции тех времён – 1,5%). Исключены из неё были крестьяне. Многоэтническая шляхта, в состав которой входили поляки, литовцы, русины, немцы и другие, воспринимала отечество как страну исключительной свободы, представляющую высшие ценности по сравнению с абсолютистскими западными монархиями, тем более в сравнении с русским царизмом. Имея в виду шляхетскую нацию, отождествление политической нации исключительно с Западом не оправдано, тем более, что на Западе также появлялись концепции этнокультурной нации.

В первой половине XX в. во Франции возникла *Action Française*, возглавляемая Шарлем Морра, автором термина «интегральный национализм», суть которого относится к «восточному» или этнокультурному национализму. По мнению Ш. Морра, «нация – всё, личность – ничто» [20, с. 145]. Значение и существование нации выходит за пределы ценности жизни любого человека. Жизнь индивида имеет смысл только тогда, когда посвящается единству и непрерывности нации. «Интегральная нация» это эксклюзивная этническая общность, объединённая первичными узами, а не политическим союзом. Национальное единство, дисциплина и подчинённость одному лидеру важнее борьбы за власть, которая является источником слабости и коррупции. В современной Западной Европе также существуют националистические партии с однозначной этнической ориентацией (пример: баский-

ская *Herri Batasuna* или североирландская Республиканская *Sinn Féin*) [21, с. 1085].

Закреплению не вполне оправданной концепции Х. Кона способствовало отношение к национализму в Центральной и Восточной Европе, где национализм воспринимался в узком и отрицательном смысле как средство противопоставления чужой, доминирующей, навязанной иностранными империями культуры. Национализм, ориентированный преимущественно на историю, нередко изобретённую, был проявлением чувства национальной неполноценности, компенсируемой самовосхвалением собственной культуры и собственного народа вместе с чувством превосходства по отношению к другим культурам и народам [19, с. 399-401]. Преодоление данного восприятия национализма в Центральной и Восточной Европе до сих пор казалось почти невозможным и нецелесообразным. В Западной Европе, особенно в англосаксонской традиции, отношение к национализму более нейтральное, как к идеологии национального, суверенного государства. Польский учёный Анджей Валицки рассматривает оба типа национализма как «национализм А» (национализм в широком, нейтральном смысле) и «национализм Б» (национализм в узком, отрицательном смысле) [19, с. 399-401].

Таблица 1. «Западный» и «Восточный» национализм – сравнительный анализ

«Западный» национализм	«Восточный» национализм
Первичный	Вторичный и имитационный
Возникший во Франции и Англии под влиянием идеи просвещения, появился также в Голландии, Швейцарии, Соединённых Штатах в условиях демократии, стремится к плюралистическому и открытому обществу; сосредоточен на политических ценностях	Возникший в Германии и распространившийся в Центральной и Восточной Европе в атмосфере ксенофобии, стремящийся к закрытому, унифицированному и авторитарно управляемому обществу; сосредоточен на народных ценностях
Нация, как политическое сообщество на основании социального договора, состоит из равных индивидов, обладающих правами человека и гражданскими правами; принадлежность к нации на основании воли индивида (субъективный фактор)	Нация как органическая и натуральная общность (<i>das Volk</i>), коллектив, в котором доминируют права сверхиндивидуального сообщества; принадлежность к нации на основании рождения (объективный фактор)
В качестве объединяющей силы выступает средний класс	В качестве объединяющей силы выступают интеллектуалы, поэты, учёные
Универсализм – лояльность по отношению к нации, объединённой верой в общечеловеческие идеалы	Партикуляризм – национальный эгоизм
Реалистический, ограниченный реалиями	Идеалистический и утопический; фантастические и эмоциональные изображения
Уверенность в себе, возникшая на основании рационалистского, просвещенческого оптимизма	Комплекс неполноценности, компенсируемый национальной мегаломанией, враждебностью по отношению к Западу и либеральным идеям
«Правильный», гуманитарный и прогрессивный	«Неправильный», патологически отсталый

Другая государство- и культуuroобразующая традиция в обеих частях европейского континента создала ус-

ловия для отождествления «западного» национализма с демократией и «восточного» – с авторитаризмом. Изначально «национализм, – как пишет Лия Гринфельд, – был той формой, в которой демократия впервые явилась миру, спрятанная в идее «нации» [22, с. 14]. «(...) национализм развивался как демократия: там, где сохранились условия для такового развития, эти два понятия стали тождественны. Но с распространением национализма в различных странах и в связи с тем, что главный упор в национальной идее стал делаться на исключительность народа, а не на верховность его власти, изначальное тождество национальных и демократических принципов было утеряно» [22, с. 14]. Стоит особо подчеркнуть, на что обращает внимание американский социолог Л. Гринфельд и чего не понимают многие её соотечественники и вообще западные учёные и политики, которые воспринимают мир с точки зрения западоцентризма, что «демократию нельзя экспортировать»: «Некоторые нации могут быть к ней глубинным образом предрасположены, в том смысле, что это предрасположение встроено в их определение как наций, то есть в их изначальное понятие «нация». Другим же нациям подобная предрасположенность глубоко чужда и для того, чтобы они могли воспринять и развивать демократическую идею требуется изменение их самоопределения» [22, с. 14]. Цитируемые автором слова американского социолога означают, что, с одной стороны, существование разнообразных традиций национализма и нациестроительства – это объективный, созданный историей факт. Но, с другой стороны, отождествление данных традиций в качестве единственных

и исключительных для определённых регионов теряет смысл и актуализирует пример аксиологии, в которой с одной оценочной перспективы нации и национализмы разделяются на «хорошие» и «плохие», политически «правильные» и «неправильные».

Заключение

Подытоживая наш анализ, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, у политической нации есть свой этнический стержень (народ), язык и культура которого путём культурной унификации становятся средством политической (национальной) унификации. Во-вторых, культурная нация стремится создать государство, которое, не являясь для неё доминирующим фактором нациеобразования, становится гарантом её существования и развития. Кстати, «дух нации» может развиваться и без помощи государства, создающего для него защиту. Однако для его закрепления и способности самостоятельного существования (т.е. без защиты государства) ему необходимо пройти стадию созданной для него государственности. В будущем, когда нация достигает культурной независимости, она, тем не менее, нуждается в государстве для сохранения и неограниченного развития своей культуры. Поэтому многие нации, могущие существовать без государственной защиты, всё равно стремятся к политическому суверенитету. В-третьих, «идеальные» нации в культурном или политическом смысле в нынешнем мире не существуют. Культурный и политический суверенитет, этническая и гражданская солидарность воздействуют

друг на друга и дополняют друг друга. У каждой нации есть как культурный, так и политический компонент. Разделение на «западные» и «восточные» нации в наши дни теряет свой смысл и не оправдывается этнокультурными и социально-политическими обстоятельствами, присущими многим странам.

Список использованных источников:

1. Meinecke F. *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis deutschen Nationalstaates.* – München, 1908.
2. Kohn H. *The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background.* – New York: Collier Books, 1967.
3. Кон Х. *Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма.* – Москва, Новое издательство. 2010.
4. Coakley J. *National identity and the “Kohn dichotomy” // Nationalities Papers, 2018. Vol. 46, No. 2.*
5. Rousseau J.J. *Umowa społeczna.* – Warszawa, 2010.
6. Тишков В. *Российский народ. История и смысл национального самосознания.* – Москва, 2013.
7. Шайкемелев М. *Казахская идентичность.* – Алматы, 2013.
8. Herder J.G. *Myśli o filozofii dziejów.* Т. 1. Warszawa, 1962.
9. Wierzbicki A. *Etniczność i narody w Europie Wschodniej i Azji Centralnej. Perspektywa teoretyczna i egzemplifikacyjna.* – Warszawa, 2014.
10. Kohn H. *Wege und Irrwege. Vom Geist des deutschen Bürgertums.* – Düsseldorf, 1962.
11. Шнирельман В. *Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // М.Б. Олкотт, А. Малащенко (ред.). Реальность этнических мифов.* – Москва, 2000.
12. Heywood A. *Ideologie polityczne. Wprowadzenie.* – Warszawa 2008.
13. Авдеев В., Севастьянов А. *Раса и этнос.* – Москва, 2008.

14. Соловей В. Кровь и почва русской истории. – Москва, 2008.

15. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – Москва, 2010.

16. Ян Э. Государственная трансформация на востоке Европы. „Второе национальное возрождение” или национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздне– посткоммунистической Европе с 1985 года // Национализм в поздне и посткоммунистической Европе. Т. 1. Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. – Москва, 2010.

17. Malešević S. Nation-States and Nationalisms: Organization, Ideology and Solidarity. – Polity Press, 2013.

18. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. Перевод с английского К. Бандуровского. Под научной редакцией М. Дондуковского. – Москва, 2017 (Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community. The University of Chicago Press. Chicago and London, 2012).

19. Walicki A. Naród, nacjonalizm, patriotyzm. – Kraków, 2009.

20. Heywood A. Politologia. – Warszawa, 2009.

21. Konarski W. Ruchy regionalistyczne jako forma nacjonalizmu we współczesnej Europie i ich wpływ na ideę zjednoczonej Europy // K. A. Wojtaszczyk, W. Jakubowski (red.). Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa, 2007.

22. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. Москва, 2008 (Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. – Harvard University Press, 2008).

ФРЕЙМИРОВАНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИОДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА¹

Дунаев Владимир Юрьевич

В теоретическом дискурсе этничности сформировались две альтернативных парадигмы интерпретации онтологической природы этноса: 1) примордиализм (эссенциализм, субстанциализм), квалифицирующий этничность как независимую от сознания, объективную реальность и 2) конструктивизм, рассматривающий этничность как несомообоснованный ментальный конструкт, как реальность *sui generis*, обусловленную и произведённую сознанием и волей.

Разновидности примордиализма естественным образом распределяются в соответствии с тем основанием, которое выдвигается в качестве объяснительного принципа и источника формирования этноса. Основными версиями примордиализма являются:

- природно-антропологический подход (Геродот, Ш. Монтескье, Х. Айзекс, Л.Н. Гумилёв);
- социально-биологический подход (П. Ван ден Берге, Р. Шоу и Ю. Вонг, С.В. Лурье, А.И. Кравченко);
- социально-психологические и умозрительно-философские концепции «народного духа», «души народа» (Г. Лебон, Г. Гердер, В. Вундт);

---

¹ Это исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

– социально-исторический и культурно-исторический подходы (А. Бастиан, О. Бауэр, Т. Парсонс, А. Фиркандт, Э. Геллнер, Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов С.А. Арутюнов).

Резонно предположить, что и конструктивизм не является единым унифицированным подходом, но принципы классификации его версий не столь очевидны. Чтобы выявить эти принципы, нужно с метатеоретических позиций проанализировать методологическую рефлексию, представленную в текстах конструктивистов. В статье мы ограничимся анализом нескольких текстов, где интересующая нас проблематика эксплицирована в наиболее подготовленной для метатеоретического анализа форме.

Как справедливо отмечает С.В. Соколовский, присущая дискурсу нации и этноса полисемия и гетероглоссия провоцирует когнитивный диссонанс у всех, кто сталкивается с этим предметным полем социальной теории [1, с. 35]. Вместе с тем В.А. Тишков констатирует тот факт, что современная гуманитарная наука относит этнос, нацию, народ, расу, общество к категории социально конструируемых феноменов. На наш взгляд, этот факт отнюдь не бесспорен, если только априорно не приписывать критерии современной научности только тем концепциям, которые созданы в парадигме конструктивизма, а все прочие идентифицировать как архаичные установки «здорового смысла», или как псевдонаучные версии «народной социологии». Доминирование конструктивизма связано не с какими-либо теоретическими преимуществами этой парадигмы – они по большей части мни-

мые. Это доминирование обусловлено изменением социальной онтологии в эпоху постмодерна¹ – тотальным переходом к манипулятивным информационно-коммуникативным технологиям и практикам формирования социальных отношений и общественного сознания. В свою очередь, господство этой формы социальной регуляции обусловлено господством социал-атомистических связей – органическими целостностями манипулировать намного сложнее, чем механическими сборками.

Обоснованием заявленного конструктивизмом статуса этносоциальных общностей служит то, что «без направленных человеческих усилий и без привития на индивидуальном и коллективном уровнях чувства сопричастности той или иной общности, т.е. без идентификации себя со страной, народом, нацией нет и этих, казалось бы, извечных реальностей» [2, с. 3]. Таким образом, конструирование заключается в формировании «производителями субъективных представлений» *ментальной сферы* индивидов и человеческих общностей, «в осмыслении и переосмыслении того, что есть «Мы»» [2, с. 3] как необходимого условия и составной части реальности нации, народа, общества.

Вместе с тем столь же неперемными условиями социального конструирования этносферы являются «система хозяйствования, природные условия, тип расселения, язык коммуникации», а также «накопленные веками культурный капитал и историческая память, поведенческие паттерны и мировидение – всё это, как пра-

---

¹ В настоящей статье под понятием социология (социодискурс) постмодерна подразумевается не собственно постмодернистская социология, но социодискурс как самоописание общества эпохи постмодерна.

вило, передаётся от поколения к поколению и составляет так называемый образ жизни и облик нации» [2, с. 3]. Выходит, что процесс конструирования национальной идентичности опирается:

- 1) на естественно-природные факторы;
- 2) на социально-исторически формирующиеся комплексы материальной и духовной культуры;
- 3) на общезначимые в данной культуре структуры восприятия повседневности.

В этом перечне фактически воспроизводятся все те основания этничности, которые выше мы приводили в качестве маркёров различных версий примордиализма. Как далее пишет В.А. Тишков, именно этот, отнюдь не только в сознании (воображении) людей существующий «наличный материал» выступает основой социального конструирования. Поэтому, – продолжает В.А. Тишков, – нации как «воображаемые общности» – это общности не выдуманные, но конструируемые из объективно наличного предметного содержания. В контексте такого рода суждений противопоставление конструктивизма и эссенциализма лишается принципиального значения. Поскольку социальная реальность, в отличие от реальности естественно-природной, является продуктом человеческой деятельности, то в известном смысле, или при нестрогом употреблении терминологии, любые социальные феномены можно причислить к классу конструируемых. Так, например, в социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана «социальное конструирование реальности» понимается отнюдь не как деятельность по практической реализации проекта социальной инженерии, а как объ-

ективный социально-исторический процесс формирования реальности *интерсубъективного* мира, становления его структур и институционализированных форм.

Однако затем в рассуждениях В.А. Тишкова следует логически не вытекающее из всех предыдущих констатаций заключение: нации – это «результат усилий по созданию образа/идентичности на основе доступного культурно-исторического и политико-идеологического материала» [2, с. 3]. Фактически В.А. Тишков утверждает: предмет тождествен своему образу, и если *образ* некоего предмета конструируется, пусть и на основе объективных факторов и сущностей, то конструкцией является и *сам этот предмет*.

Такого рода «силлогизм» логически легитимен в рамках применения феноменологического подхода к нации как интенциональному предмету сознания. В феноменологической процедуре объект образа – это не природный или социально-исторический объект, но интенциональный объект, принадлежащий самому сознанию, функция его конструирующей деятельности. В процессе конструирования образа в интенциональной деятельности сознание создаёт и форму, и содержание образа. Однако рассуждения В.А. Тишкова явно не принадлежат к феноменологической установке анализа.

Р. Брубейкер утверждает: «Раса, этничность и национальность существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения *на* мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» [3, с. 153].

В.А. Тишков солидаризируется с Р. Брубейкером в отрицании онтологического статуса нации (что является атрибутивным для конструктивистской парадигмы положением) и в логически последовательном оспаривании эпистемологической и, в целом, теоретико-аналитической релевантности термина: «нация не представляет собой научную категорию, и она должна быть устранена из языка науки и политики» [4, с. 151]. Как отмечает С.В. Соколовский, «призыв забыть о нации как о концепте, сколько-нибудь пригодном для научного анализа (в отличие от нации как категории политической практики или националистического дискурса), можно обнаружить фактически с момента вхождения этого понятия в научный оборот» [1, с. 35]. Таким образом, вслед за дезавуированием нации как социального и культурно-исторического феномена должна быть окончательно устранена нация и как научно-аналитическая категория. Нация «не может быть категорией анализа, т.е. получить научную дефиницию... Нацию невозможно определить, нацией можно только называться» [4, с. 157]. Хотя в силу стечения обстоятельств эта метафора обрела эмоциональную и политическую легитимность. Следует заметить, что в этой связи остаётся непонятным, почему, по мнению В.А. Тишкова, за нацией признаётся значение дискурсивной практики или дискурсивного режима в системе отношений власти и знания [4, с. 152]. Ведь из языка (дискурса) науки, в том числе и из научного анализа политики (политического дискурса) термин «нация» должен быть исключён, и употребляться слово «нация» должно только как метафора: «...нация – это воображаемая общ-

ность, социальный конструкт, политическая метафора» [5, с. 9].

Разъясняя суть собственной версии конструктивизма (аналитического языка «когнитивного конструктивизма»), ставящей целью избавление политического анализа и академического нарратива этничности от остаточных эксцессов примордиализма (от «этнического здравого смысла», имманентно присущего «народной социологической онтологии» [3, с. 152]), Р. Брубейкер утверждает: «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены... не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои, институциональные формы, политические проекты и случайные события» [3, с. 29]. В этом нагромождении определений ключевым, конститутивно значимым для постмодернистской интерпретации этносферы является понятие «дискурсивного фреймирования»: «...вид знания, который нас интересует, – схемы восприятия и интерпретации, через которые социальный мир воспринимается в расовых, этнических или национальных терминах» [3, с. 166]. Иными словами, нация может и должна анализироваться только как *фрейм*. Тем самым мы подошли к тому пункту рассуждений, который позволяет прояснить суть, *differentia specifica* постмодернистской социологии этноса.

Вопреки устоявшимся представлениям, квалификация этноса и нации как «воображаемых» или «воображённых» общностей (*imagined communities*) не выражает

специфики конструктивизма. В конструировании этнических групп участвует не столько способность продуктивного воображения, сколько применение способности репродуктивного воображения (операций синтеза схватывания и синтеза рекогниции) к таким разновидностям рассудочной деятельности, как социальная категоризация, стереотипизация, схематизация, классификация, идентификация.

Схематизмом воображения в данном случае является стереотипизация. В сформировавшейся во второй половине XX в. имагологии этнокультурный стереотип рассматривается как основополагающая категория «национальной картины мира», а стереотипизация как механизм формирования групповой (прежде всего – этнонациональной) идентичности [6]. Стереотипы «воображаемого ландшафта» этносферы, или «этнокультурной иконографии» [7], «когнитивной карты» [8] выступают своеобразным аналогом трансцендентального схематизма воображения, конструируя абстрактно генерализованные образы своего/чужого. В автостереотипах (стереотипном образе мы-группы) акцентируется общность признаков, при сравнении с другими этническими группами выделяются различия.

С точки зрения последователей Б. Андерсона, «Термин «воображаемое сообщество»... весьма удачно раскрывает природу любых социальных объединений» [9, с. 2]. Он применим ко всем типам сообществ, разве что за исключением малых групп, где все друг друга знают и находятся в непосредственных контактах. Одной из разновидностей воображаемых сообществ становится и го-

сударство [10]. Все эти разновидности подпадают под определение И. Кантом воображения как «способности представлять предмет также и без его присутствия в созерцании» [11, с. 204]. Но если дело обстоит таким именно образом, то из данного положения следует вывод о том, что определение «воображаемое», приложимое к любой социальной общности, не раскрывает специфической природы ни одной из них. В том числе определение «воображаемое сообщество», с чем соглашается сам Б. Андерсон, не отражает специфику наций. Поэтому концепт «воображаемое сообщество» практически бесполезен для анализа отличий, скажем, между этнической группой и «живым сообществом читателей газеты» [12, с. 58] между классами и религиозными конфессиями, между членами политической партии и собаководами и т.п.

С позиций последовательно проведённого когнитивного конструктивизма нация даже не столько воображаемая общность, сколько воображаемая конструкция, «слово-призрак» [4, с. 167] – нечто вроде симулякра 4-го порядка в классификации Ж. Бодрийяра. В то же время «Воображаемое – это по определению достояние группы (нации, этнических или языковых сообществ, общественных движений и пр.)» [13, с. 106]. Выходит, что воображаемое сообщество есть достояние воображаемых сообществ. Тем самым дискурс нации как конструкта воображения воспроизводит ситуацию, смоделированную Сервантесом, когда в начале второго тома «Дон-Кихота» его персонажи обсуждают выход в свет первого тома и спорят о том, насколько он соответствует действительности. Быть может, именно этим стилистическим при-

ёмом обусловлен тот онтологически парадоксальный, но психологически закономерный факт, что Дон Кихот в определённом смысле реальнее Сервантеса (М. де Унамуну), а этничность как ассоциативно-смысловое поле групповой самобытности, формирующееся символами (К. Леви-Строс, К. Гирц), в определённом смысле реальнее (долговечнее, устойчивее, целостнее, исполнено духовного смысла), чем сама группа.

В социодискурсе этничности, расы, национальности Р. Брубейкер выделяет легитимные для когнитивного конструктивизма предметную область и способ её анализа: «Вместо того чтобы спрашивать: «что такое раса?», «что такое этническая группа?» и «что такое нация?», – когнитивный подход побуждает нас спросить, как, когда и почему люди интерпретируют социальный опыт в расовых, этнических и национальных терминах» [3, с. 167]. Этим утверждением определена не только специфика эпистемологии когнитивного конструктивизма по отношению к эпистемологии примордиализма, но и различная *дисциплинарная принадлежность* этих подходов к анализу этничности. Чтобы пояснить нашу достаточно нетривиальную интерпретацию дилеммы конструктивизма и примордиализма, обратимся к аналогичной дилемме в сфере дискурса религии.

Религия выступает предметом ряда дисциплин, в том числе теологии и социологии религии. *Теология* – это учение о сущности и существовании Бога, о догматах, руководствуясь которыми следует выстраивать исповедание веры и т.д. В зависимости от понимания сущности Божественного, теологи основывают свои учения и разработку

понятия Бога на постулатах монотеизма, политеизма, генотеизма, деизма; христианства, ислама, иудаизма и их многочисленных конфессий и т.д. При этом, разумеется, атеизм, признающий Бога социальным конструктом, не может быть формой *теологии*. Аналогичным образом примордиализм ставит вопрос о сущности и понятии этноса, спрашивает именно о том, что такое этнос, что такое нация. Ответы выстраиваются в зависимости от того, что именно кладётся в основу процессов этногенеза и формирования нации.

Социология религии принципиально обходит вопрос о сущности и существовании Бога, не занимается разработкой понятий Божественного, сакрального и т.д. В сферу её компетенции входит анализ социального функционирования религиозных общин и институтов, роль религиозной веры, того или иного вероисповедания в жизни общества и т.д. К социологическим исследованиям такого рода, к степени объективности и достоверности их результатов не имеет никакого отношения вопрос о том, «еси» ли Отче наш «на небеси», или же лишь в воображении верующих; Бог ли создал человека, или человек Бога. Поэтому дискурсивные миры теологии и социологии религии взаимно несоизмеримы. Несοизмеримы настолько, что между ними невозможен даже конфликт – как и, к примеру, между мексиканскими шахматистами и немецкими домохозяйками.

Прямое сопоставление аргументов эссенциализма и конструктивизма так же бессмысленно, как диспут верующего с атеистом. Но фреймирование располагает богатым арсеналом теоретической дискредитации альтер-

нативных концепций. Например, эссенциализм может быть концептуально дискредитирован посредством характеристики его носителей как субъектов наивного, теоретически непросвещённого сознания. Поэтому его перенос в сферу теории будет квалифицироваться именно как профанация. Согласно Р. Брубейкеру, взгляды эссенциализма характеризуют примитивный уровень народной социологии, пребывающей, в противоположность позиции когнитивного конструктивизма, «в безнадёжной когнитивной тьме» [14, с. 188]. Развитием и утончённой версией такого подхода является фреймирование альтернативной позиции на основе и в понятиях собственной теории. При таком подходе сам эссенциализм, с его отрицанием этноса как продукта социального конструирования, интерпретируется как социальный конструкт.

Попыткой преодолеть несоизмеримость теологии и социологии религии является такая нелепая, существующая в режиме самоликвидации дисциплина, как религиоведение. Если религиоведение рассматривает религию как веру, в основе которой лежит подлинное бытие Бога, то религиоведение превращается в теологию. Если религиозная вера рассматривается как вера в воображаемую сущность, то религиоведение превращается в научный атеизм. Если религиоведение политкорректно обходит вопрос о бытии Бога, то оно превращается в социологию религии.

Применим нашу аналогию к рассмотрению дисциплинарных пространств изучения этносоциальных процессов. Примордиализм локализован в дисциплинарном пространстве этнологии, науки о сущности и

разновидностях этничности. Не усвоившие уроки постмодернистской социологии, «академические версии» (Р. Брубейкер) конструктивизма пускаются в спекулятивные рассуждения об онтологическом статусе этничности и настаивают на том, что этнос онтологически существует исключительно как ментальная конструкция и её овеществление в социальных институтах. В этом случае отношение примордиализма и конструктивизма конгруэнтно отношению теологии и атеизма – взаимному непризнанию и взаимоисключению. В своих радикальных версиях (например, в форме когнитивно-лингвистического конструктивизма) конструктивизм самоустраняется от разработки понятия этноса, ограничивая сферу своей компетенции решением вопроса о том, «как, когда и почему люди интерпретируют социальный опыт в расовых, этнических и национальных терминах». В этом случае отношение примордиализма и конструктивизма выстраивается по модели отношения теологии и социологии религии, то есть по модели отсутствия какого-либо принципиально значимого отношения. Тем самым противопоставление примордиализма и конструктивизма, как и выходящая далеко за рамки академической респектабельности полемика их сторонников¹ – это одно боль-

---

¹ В своём интервью Журналу социологии и социальной антропологии Т. Лукман заявил: «Шютц не был конструктивистом. Так же, как и Питер Бергер не является конструктивистом. Особенно в том смысле, который нынче так распространён. Тех, кто считает себя конструктивистами в этом последнем смысле, я считаю дураками» [23, с. 7]. В свою очередь, последователями конструктивизма примордиализм связывается с архаическими структурами общественного сознания («народной социологией») и с репрессивными практиками интеграции социума тоталитарными, авторитарными, фундаменталистскими политическими режимами. Конструктивизм же – с идеологией прав человека, либеральным свободомыслием, свободой выбора и самоопределения.

шое недоразумение. Смысл такого противопоставления можно проиллюстрировать фразой из повести Н.В. Гоголя: «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что...».

В.А. Тишков отмечает: «Сложившиеся на основе культурной схожести группы и общности существовали во все периоды истории и во всех регионах мира» [4, с. 96], и именно этнические группы и общности являются ключевыми категориями изучения этничности в этнологии и этнографии [4, с. 98]. Этой роли этнических групп соответствует и этимология слова «этнос». В древнегреческом языке словом *ethnos* обозначались стадо, стая, народ, племя, род, группа людей. У Гомера *ethnos* встречается в словосочетаниях «группа сотоварищей», «большая толпа», «рой пчёл, стая птиц». Будучи конструктивистом и директором Института этнологии, В.А. Тишков должен обосновать право конструктивизма на дисциплинарную принадлежность к этнологии. Прodelывает эту операцию он следующим образом: «...*этно* в корневой основе нашей дисциплины означает не коллективную субстанцию, а специфический метод и взгляд» [4, с. 8]. Такого рода «методологическому принуждению» (П. Фейерабенд) к ревизии этимологии нельзя отказать в остроумии. Но если мы предмет изучения не *дополняем*, но *замещаем* изучением взгляда на этот предмет, делаем взгляд единственным *предметом* анализа, то мы, тем самым, переходим в иное дисциплинарное пространство – в область метатеории. В метатеоретическом дискурсе, как поясняют А.М. Пятигорский и М.К. Мамардашвили, объект тождествен своей интерпретации: «Объ-

ект есть то, что мы интерпретируем в качестве объекта, и не имеет никакого другого содержания» [15, с. 74]. При этом необходимость подобного рода абстракции обусловлена невозможностью интерпретации предмета в рамках и по логике теоретического исследования.

Как социологию религии нельзя отнести к разделу теологии, так и когнитивный конструктивизм недопустимо рассматривать как разновидность или направление *этнологии*: в его концептуально-методологическом аппарате отсутствуют *понятия* этноса и нации, но прописаны их «*дискурсивные фреймы*». Р. Брубейкер заявляет: «вид знания, который нас интересует, – схемы восприятия и интерпретации, через которые социальный мир воспринимается в расовых, этнических или национальных терминах» [3, с. 166].

В последние годы термины фрейм, фреймирование широко используются гуманитариями, «естественниками», математиками. Основу такой популярности заложили работы Г. Бейтсона [16], И. Гофмана [17], М. Минского [18]. И. Гофман называет фреймами идентификацию ситуаций, событий (их фоновое, дорефлексивное понимание), основанную на управляющих событиями принципах их социальной организации и на субъективной вовлеченности в события [17, с. 62]. Д. Яноу и М. ван Хульст определяют фреймирование как специфический способ действий, в котором «акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют своё поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям» [19, с. 93]. Из этих определений становится очевидным совпадение фрейма с тем видом знания, ко-

торый в вышеприведённой цитате Р. Брубейкер определил как единственно интересующий социологию когнитивного конструктивизма.

Фреймы – когнитивно-лингвистические тезаурусы, чаще всего неосознаваемые (фоновые) структуры для интерпретации стереотипных ситуаций и актуализации востребованных в данной конкретной ситуации смыслов. Соответственно, дискурсивное фреймирование этносоциальной сферы – это построение упорядоченной структуры (смыслового каркаса) ментального пространства прагматического использования понятий нация, этнос, раса, их смысловая спецификация лексическими средствами дискурса. То есть выяснение того, с чем именно ассоциируется данное понятие (в языке теории фреймов М. Минского – выявление *слотов*, узловых точек в сети значений данного фрейма) в той или иной прагматически значимой для данного индивида или группы ситуации.

Повседневный опыт восприятия реальности, действий и интеракций не является областью свободного выбора и волеизъявления индивида. «Жизненный мир» повседневности социально организован и структурирован. В нём воспроизводится то, что И. Гофман называет континуумом или лестницей фреймов – устойчивых рутинных форм коммуникации, поведенческих образцов, правил и ритуалов, матриц распознавания событий и ситуаций, – вплетённых в ткань повседневной жизни и действующих без участия рефлексивного или дискурсивного контроля.

Этничность относится, говоря словами И. Гофмана, к базовой системе фреймов, используемых в современном

обществе для понимания происходящего. «О реальных, действительных действиях, действиях, которые происходят реально, по-настоящему, на самом деле, говорят в том случае, когда они полностью определены в базовой системе фреймов» [17, с. 108]. Конечно, в определённом смысле (с точки зрения традиционного примордиализма или натуралистически интерпретированной социальной онтологии) это означает, что хвост начинает вилять собакой. Однако базовая система фреймов, привычных, стереотипных реакций подчиняет своей власти не только течение и смысловое наполнение повседневной жизни. «Человек и умирает также благодаря привычке, т.е. он умирает, когда весь и всецело вкоренился в жизнь привычкой, духовно и физически отупел, и им преодолена противоположность между субъективным сознанием и духовной деятельностью» [20, с. 187].

В текстах конструктивистов фреймы по сути дела становятся первопорядковой реальностью. Но если в рамках «социологии здравого смысла» фреймирование проводится в терминах коллективной идентичности этнических групп, то в когнитивном конструктивизме – в терминах дискурсивных фреймов. Данное различие в способах фреймирования этничности между «народной социологической онтологией» и конструктивизмом аналогично различию, введённому З. Фрейдом: «Сравнения или идентификации невротика ведомы представлениями о вещах, тогда как у психотика остались только представления слов» [21, с. 48].

Дискурсивное фреймирование этносоциальных процессов осуществляется посредством Делёзовских слов-

порядка (*Mot d'ordre*) или иллокутивных высказываний. Ж. Делёз и Ф. Гваттари считают не сигнификации, но иллокутивы первичной формой языка. В определённых оборотах речи выполняются некоторые действия, внутренние по отношению к высказываемому и могущие быть выполненными только в нём. Имманентные отношения между высказываниями и действиями в таких речевых актах (я спрашиваю, говоря: «что такое...?», клянусь, говоря «я клянусь», поздравляю, говоря «я поздравляю») составляют прагматику языка, и лишь косвенно относятся к функциям информации и сигнификации. «Приказывать, спрашивать, обещать, утверждать – это не информирование о команде, сомнении, обязательстве или высказывании, а осуществление таких специфических, имманентных и необходимо имплицитных действий» [21, с. 128]. Эти действия, далее, квалифицируются как *бестелесные трансформации*, или приписываемые телам нетелесные атрибуты. Например, трансформация обвиняемого в осуждённого или оправданного в момент объявления судьёй своего решения.

Семиотическая машина бестелесных трансформаций вводит разнородные режимы сборки и разбиения между телами. По мнению французских философов, «Именно бестелесная трансформация уже высвободила из масс класс пролетариата в качестве некоей сборки высказывания, *прежде чем* возникли условия для пролетариата как тела» [21, с. 138]. Следует полагать, что аналогично обстоит дело и с этносом, нацией, расой. В эссенциалистском мире «социологии здравого смысла» противостояние ассимиляции, воспроизводство своей этнической самобытности

достигается путём сохранения и межпоколенной трансляции языка, обычаев, традиций, особенностей быта, фольклора и т.д. В конструктивистском мире сопротивление «этноциду переопределением» (Р. Брубейкер) ведётся на уровне «борьбы аксиом». В этом мире становится «относительно трудно» ликвидировать народ или этническую группу, «как только последние предъявляют достаточно коннекций с элементами аксиоматики» [21, с. 802].

В анализе фреймов важно учитывать указание Ю.М. Лотмана на гетерогенность сознания и взаимную непереваемость двух его семиотик. Ю.М. Лотман отмечает, что сознание, индивидуальное и коллективное, реализуется во взаимодействии процессов двух типов. Первый заключается в оперировании дискретной системой знаков как носителей значений, складывающихся в линейные цепочки синтагм (текст). Во втором типе процессов первичен текст как носитель основного значения, «размазанного» в многомерном смысловом пространстве текста. При соположении дискретного и континуального текстов между их смысловыми сегментами невозможно установить взаимно однозначные отношения. «Дискретной и точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует некоторое смысловое пятно с размытыми границами и постепенными переходами в область другого смысла» [22, с. 57]. Формой выражения соответствия несопоставимых значимых элементов является троп – семантическое замещение по сходству (метафора), по смежности, ассоциации, причинности (метонимия), на основе причастности, включённости (синекдоха).

Это различие семиотик имеет прямое отношение к экспликации различия семиотики аналитического языка когнитивного конструктивизма и языка «социологии здравого смысла». Язык этнической идентификации здравого смысла (народной социологии) – это язык тропов: метафоры, метонимии, синекдохи. Вопрос заключается в том, насколько эквивалентно эти означающие народной социологии могут быть переведены на язык означающих аналитического рассудка.

Из проведённого Ю.М. Лотманом анализа следует, что соотношение формулировок определения этничности в дискретных семиотических единицах дискурсивной системы аналитического языка с плавающими, размытыми, анаморфными аттракторами смыслообразования в языке «народной социологии» может быть выражено также только в тропах. Поэтому установление соответствия между двумя семиотиками может быть только иррациональным и на уровне референции, и на уровне несовместимых семантических пространств. Иными словами, логические операции и схемы (фреймы), посредством которых методологической рефлексией предписывается формировать понятие этничности в аналитическом языке, находятся в отношении взаимонепереводимости с моделирующими схемами смыслопорождения повседневности. На этом основании следует согласиться с программной интенцией Р. Брубейкера на очищение аналитического языка конструктивизма от эссенциалистских фреймов: «...мы часто сталкиваемся с тревожной амальгамой конструктивистского языка и эссенциалистской аргументации» [3, с. 72]. Субстанциалистский фрейм,

перенесённый в контекст конструктивистского фрейма, «делается знаком или имитацией самого себя». Аналогично тому, как «подлинный документ, включённый в художественный текст, делается художественным знаком документальности и имитацией подлинного документа» [22, с. 81-82].

Требование «отказаться от использования народных категорий и представлений здравого смысла» [3, с. 26] в научных анализах и политических оценках является не только практически невыполнимым, но способствует повышению и без того зашкаливающего уровня неопределённости социального знания, интенсификации процессов дереализации социального бытия. «Общественная жизнь настолько зыбка и нелепа, что нет никакой необходимости делать её ещё более нереальной» [17, с. 62]. Однако обоснование взаимной несоизмеримости двух семиотик этносоциальной сферы является несомненной заслугой постмодернистского конструктивизма. Как мы попытались показать, соотнесение метафор-сигнификаций етіс-семиотики когнитивного конструктивизма с прагматическими метонимиями етіс-семиотики «народной социологической онтологии» обретает область своей релевантности в выходе на метатеоретический уровень социально-философской рефлексии.

Список использованных источников:

1. Соколовский С.В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы её категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 35-56.

2. Тишков В.А. Введение // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 3-6.

3. Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

4. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

5. Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7-18.

6. Поляков О.Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии // Вестник Вятского гуманитарного университета. – 2014. – № 9. – С. 125-134.

7. Dukić D. The Concept of the Cultural Imagery: Imagology with and not against the early Völkerpsychologie // URL: https://www.academia.edu/3212930/The_Concept_of_the_Cultural_Imagery_Imagology_with_and_not_against_the_early_V%C3%B6lkerpsychologie

8. Найссер У. Познание и реальность: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.

9. Багдасарьян Н.Г., Седова Л.И. Идентификация «воображаемых сообществ» в период «поздней современности»: актуальный тренд // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 5. – С. 1-14. DOI:10.18698/2306-8477-2020-5-682

10. Поздняков Н.К. Государство и общность граждан как воображаемые единства // Вестник Омского университета, – 2005. – № 1. – С. 64–68.

11. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах. [Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана.]. – М.: Мысль, 1964. Т. 3. – 799 с.

12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.

Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

13. Виноградова Т.В. Концепция социотехнических мнимостей Шейлы Джасанофф // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. – М., 2019. – № 2. – С. 80-112.

14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

15. Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К. Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в учение виджняна-ванады) // Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 590 с.

16. Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. – М.: Смысл, 2000. – С. 205-220.

17. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступит. статья Г.С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

18. Минский М. Фреймы для представления знаний; пер. с англ. – М.: Энергия, 1978. – 151 с.

19. Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. – 2011. Т. 10. – № 1–2. – С. 87-110.

20. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том VII. – М.-Л: Соцэкгиз, 1934. – 380 с.

21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; – М.: Астрель, 2010. – 895 с.

22. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров / Юрий Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.

23. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. Т. V. – № 4. – С. 5-13.

ПРИМОРДИАЛЬНЫЙ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ, ПРЕПЯТСТВУЮЩАЯ СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИНКЛЮЗИВНОМУ РАЗВИТИЮ

Жусипбек Галым

Введение

Одними из самых актуальных и обсуждаемых в настоящее время идеями и концепциями являются универсальность прав человека и инклюзивность¹, которые тесно связаны с друг другом. С другой стороны, в казахстанском обществе концепции, так или иначе связанные с нацией, такие как национальное строительство, модели нации и национализма остаются одними из самых актуальных. Более того, как отмечают исследователи национализма, любого человека в Казахстане и других странах Центральной Азии, прежде всего идентифицируют согласно его или ее национальности, которая определяется исключительно этнически. Национальность имеют не только люди, но даже предметы, и как такового «выхода из национальности» нет [1]. Одним словом, повседневная жизнь чрезвычайно «этническая», и это позволяет превращать все и вся в вопрос «национальной чести». Граждане, как правило, понимают и оценивают все другие культуры через призму этно-национальных понятий [1]. В этой связи

---

¹ В самом широком смысле означает «включать, принимать», «не отчуждать».

очень интересным и важным видится анализ взаимосвязи между моделями или теориями нации и универсальностью прав человека, а также инклюзивным развитием, что является основной целью данной статьи. Данная взаимосвязь находится в прямой связи с уровнем развития позитивного социального капитала общества, конкурентоспособности государства и уровнем удовлетворенности гражданами своей жизнью в этом государстве.

В данной статье, прежде всего, будут кратко рассмотрены концепции универсальность права человека и инклюзивное развитие. Далее будет рассмотрен феномен этнически определяемой нации в Казахстане, его исторические предпосылки. В статье будут обсуждены исторические травмы и доминантная в обществе авторитарная модель воспитания в качестве триггеров примордиального этно-национализма. Также будут сопоставлены концепции примордиального национализма и универсальности прав человека. В завершении будут обсуждены идеи важности гуманистических моделей воспитания и образования / педагогики для развития универсальности прав человека и инклюзивного развития.

Универсальность прав человека и инклюзивное развитие

Согласно обобщенному определению, современную концепцию универсальности права человека можно понимать, как фундаментальные права, защищающие основные свободы, человеческую честь и достоинство, на которые все представители человеческого рода имеют право,

вне зависимости от их происхождения, пола, гражданства, религиозных взглядов, языка или другого статуса [2, с. 3]. Другие качества современной концепции прав человека, такие как их неделимость (права человека включают гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права), взаимозависимость и неотчуждаемость (в том смысле, что их нельзя удалить или отказаться даже по собственной воле), следует рассматривать через призму универсальности, что, по сути, говорит об инклюзивности современного понимания прав человека [3]. Как видно, универсальность – «принадлежать всем» и инклюзивность – «включать, принимать», говорит об «онтологической родственности» современной концепции прав человека и концепции инклюзивного развития.

Морально-философская или натуралистическая концепция прав человека гласит, во-первых, что люди обладают правами человека только в силу того, что они люди [4, с. 327–328]. Во-вторых, права человека – это моральные права, которые принадлежат всем, всегда и везде [5, с. 1]. В ценностной или аксиологической основе концепции прав человека лежит идея «человеческой чести и достоинства». Минимальный базовый уровень толкования этой идеи, вокруг которого мыслители и ученые, придерживающиеся самых различных доктрин, готовы согласиться, гласит что «каждый представитель человеческого рода обладает внутренней ценностью достойной признания и уважения только в силу того, что он является человеком» [6, с. 679].

По сути, современную концепцию прав человека следует рассматривать как имеющую структурную, а не

культурную основу, то есть она «не является продуктом исключительно определенной культуры или цивилизации». Как резюмирует американско-иранский ученый Реза Афшари, «концепция прав человека несет в себе моральное видение, которое явилось результатом накопленного опыта борьбы человечества с угрозами и вызовами, исходящими как от современного государства, так и рыночной экономики» [7, с. 10].

Согласно морально-философской или натуралистической концепции прав человека, никто не в праве дискриминироваться по поводу языковой, этнической, расовой или религиозной принадлежности и происхождения. Такие права, как право использовать какой-либо язык, следовать определенной религии (или атеизму) или другим мировоззренческим взглядам, напрямую связаны с фундаментальными правами человека. Даже понятие «государственный язык» не должно вести к ущемлению чьих-либо фундаментальных прав и свобод человека. Примечательно, что, например в США нет понятия «государственный язык», хотя английский язык изучается в силу того, что его знание предоставляет гораздо больше выгод, нежели незнание, тем не менее, есть миллионы людей, которые могут слабо владеть английским, или вообще не владеть. Более того, во многих развитых странах мира существует тренд на более широкое использование различных языков вследствие глобализации, развития бизнеса, образования.

В последнее время многие исследователи рассматривают инклюзивное развитие в качестве залога всестороннего и устойчивого развития страны и общества. Выража-

ясь иначе, инклюзивное развитие определяет успешность развития стран в средне- и долгосрочной перспективе, а также успешность индивидов в самореализации.

Многие известные ученые и исследователи, начиная с Дарона Аджемоглы и Джеймса Робинсона [8], Амартия Сен [9] до представителей сильных региональных школ, таких как программная группа Управления и инклюзивного развития Университета Амстердама, развивают идеи инклюзивности, модели инклюзивного развития. Согласно концептуализации голландских ученых, инклюзивное развитие предполагает социальную вовлеченность и меритократию, то есть, любой достойный, вне зависимости от происхождения или мировоззрения имеет полное право реализовывать свои способности, пользоваться институтами, существующими в стране для своего развития и всеобщего блага [10]. Стратегия инклюзивного развития может быть определена как комплекс политических решений, ставящих своей целью развитие прав человека, особенно улучшение социального благосостояния всех слоев населения и экологичность моделей развития [10]. Одним словом, инклюзивность заключается в том, чтобы не дискриминировать кого-либо по социальному, этническому, расовому, гендерному происхождению. Значение построения инклюзивного общества заключается в том, что именно инклюзивное общество в большей степени может способствовать развитию человечества и улучшению жизни людей.

Инклюзивность или эксклюзивность институтов, степень развития универсальности прав человека напрямую зависят от моделей национализма, представлениях о нации и национализме в отдельно взятом обществе.

Навязчивая идея этнически определяемой нации и советская матрица нациестроительства

Постсоветский национальный дискурс в Казахстане является продолжением советских национальных дискурсов, которые по своей природе являются эссенциалистскими и примордиальными [1; 11]. Этническое происхождение, которое в советских терминах понималось как «национальность», стало отличительной чертой советской системы [12], которая выпестовала примордиальный этнический национализм на всех своих территориях. Этот феномен можно назвать также «хронической этнофилией» (*chronic ethnophilia*), как это сформулировал американский славист Ю. Слезкин в своем анализе советской национальной политики [13]. Эта работа, вышедшая под весьма примечательным названием «СССР как коммунальная квартира или как социалистическое государство способствовало этническому партикуляризму», стала одной из фундаментальных в анализе сталинско-советской национальной политики в отношении национальностей. Данную концепцию использует и американо-турецкий исследователь казахского национализма Мехмет Кашыкчы [1].

Хроническая этнофилия и примордиальный этнический национализм, по сути, означают одно и то же. Кашыкчы в пояснении феномена «хроническая этнофилия» отмечает, что во всех странах Центральной Азии существует унаследованная от советского периода навязчивая идея концепции нации, которая всегда определяется этнически [1].

Тем не менее, в странах Центральной Азии сложилось мнение, согласно которому существующие примордиальные этнические национализмы почти полностью приписываются национальной интеллигенции начала 20-го века, боровшейся против колониализма российской империи. Например, это ярко проявляется в казахстанской историографии, и этот дискурс легитимизирует казахский примордиальный национализм. Однако было бы, как минимум, упрощенчеством утверждать, что антиколониальные идеи казахских интеллектуалов начала 20-го века стали сутью и плотью современного примордиального национализма. Во-первых, среди казахских интеллектуалов существовала большая палитра мнений относительно методов борьбы за равенство, свободу и видения будущего. Как отмечают Бисенова и Медеуова, даже разделение казахской интеллигенции, с одной стороны, на «западников», а с другой – на «тюркофилов и сторонников панисламизма», предложенное Диной Аманжоловой, не отражает в полной мере плюрализма мнений в среде алашординцев и других сообществ [14, с. 217].

Во-вторых, взгляды казахских интеллектуалов на идентичности были намного инклюзивней, чем современные национальные дискурсы. Например, среди них было много полилингвалов, особенно среди тех, кто жил в Ташкенте, Оренбурге и тех, кто создал семьи с представителями других этнических групп, например, русскими, татарами.

В-третьих, чем громче и «официальнее» становится дискурс о партии Алаш и автономии Алаш-орды, тем дальше он уходит от первоисточников и тем больше он

становится «национально образующим» движением, обрастающим мифами и легендами [15, с. 449].

Одним словом, утверждать, что современная идея примордиального казахского национализма является воплощением модели интеллектуалов Алаш-орды выглядит не вполне корректной. В этой связи стоит напомнить, как заметил Сергей Абашин, что все страны Центральной Азии, включая Казахстан, сохранили основные элементы «советской матрицы» строительства национальной идентичности [16]. И это касается прежде всего социума, социальных групп, неформальных институтов, и так называемого национализма масс («grassroots nationalisms»). В чем заключается эта «советская матрица»? По сути, это продолжение, более того, интернализация сталинско-советской идеи, которая напрямую отождествляет нацию/ национальность с этничностью, и легитимизирует примордиальный этнический национализм. Постсоветский период характеризуется тем, что «советская традиция закрепления этничности в качестве объекта и субъекта государственно-гражданских отношений» [17, с. 15] продолжилась и даже систематизировалась.

Надо признать, что однозначно характеризовать советскую национальную политику представляется почти невозможным, так как, с одной стороны, советский период способствовал созданию так называемых «национальных» культур, языков, литературы, конечно, на свой лад. Но, с другой стороны, проводилась планомерная политика русификации. По большому счету советская политика была набором противоречий, в которых одна грань была интернационально-эгалитарная и социальная, а другая

– ассимиляторско-имперская [18]. Но нельзя отрицать также и то, что в советской модернизационной политике прослеживался «ориентализм», в смысле предлагаемом авторитетным культурологом Эдвардом Саидом [19]. Этот феномен проявлялся как предвзятое отношение к так называемым «восточным» культурам и народам, и, если оперировать современными концепциями, он несет в себе элементы «расовости», вызвавший вполне закономерную реакцию со стороны национальной элиты и общества. Советский «ориентализм» проявился в одностороннем развитии «национальных» республик, где была своего рода профессиональная сегрегация, избирательно работала система прописки и т.д.

Следует еще раз подчеркнуть, что советская власть не подавляла примордиальный национализм, наоборот, этнический партикуляризм, включая различные практики и «национальные» символы, были не только разрешены, но даже поддерживались советской властью. Например, Кашыкчы, цитируя исследования А. Бустанова, отмечает, что более полувека советской власти настолько укрепили этнические национальные дискурсы, что центральные власти даже к 1970-м годам не смогли навязать региональный исторический ракурс, так как все историки Центральной Азии отвергли его ракурс в пользу эссенциалистского примордиального национального дискурса [1]. Например, исследование Дианы Кудайбергеновой [20] анализирует, как практики примордиального национализма находили свое отображение в трудах казахских писателей в послевоенные годы. На постсоветскую казахскую национальную самобытность огромное влияние

оказало воображение казахской культурной элиты, творившей в 1960-е и 1970-е годы. Казахские писатели советского периода писали «с точки зрения крайне эссенциалистского и примордиального национального нарратива, который стал возможен при советской власти» [1].

«Хроническая этнофилия» превратилась в доминирующую парадигму в советском мышлении и органично перетекла в постсоветский период. Относительно сталинской политики «национального» строительства следует отметить, что эта политика, сделав «этнические группы» «национальностями» или «нациями», по сути, произвела подмену понятий. Т.е. культурные группы или сообщества (этнические или лингвистические / языковые группы) в их современном смысле были превращены в политические сообщества, которыми они на тот момент не были и не могли быть по определению, хотя бы в силу того, что советская система предельно жестоко и беспощадно боролась со всеми, кто хоть как-нибудь изъявлял желание самоопределиться и жить вне СССР.

Возникает вопрос, чем руководствовалась советская власть, когда превращала этнические группы в «национальности» и «нации», взяв за основу формирования «нации» сугубо биологические и лингвистические / языковые характеристики? Для советской власти понятие «нация» являлось прогрессивной категорией в эволюции общества [21]. Другой причиной была советская пропаганда, которая хотела показать, что советская власть «уважает» право на самоопределение всех групп людей, и назвав наиболее крупные из них «нациями», она хотела создать видимость добровольности союза советских республик,

переживших период бурного советского нациестроительства и советской культурной революции именно в 1930-е годы, которые были периодом массового голода, бесчеловечной коллективизации, нескольких волн репрессий и постоянных восстаний различных групп населения против произвола и террора властей.

Нередко правящие элиты в евразийских странах, искавшие свою легитимацию, систематически прибегали к модели этноцентричного национализма [22]. Даже Казахстан, имевший наибольший потенциал для формирования более инклюзивных, гражданских моделей национальной идентичности, в силу противодействия определенных социальных групп, не смог выработать эффективной альтернативы примордиальному национализму. По большому счету, в постсоветский период в национальной идентификации казахстанцев эффект этноцентричного национализма стал системным.

Параллельно моделям построения национальной идентичности на основе этничности стал больше заметен феномен «абсолютизации знания языка», когда наличие каких-либо положительных или отрицательных человеческих качеств стало напрямую связываться со знанием или незнанием языка, что выглядит крайне нелогичным и опасным в реалиях 21-го века. По большому счету, если брать определение ОБСЕ, это является проявлением расизма. Так как согласно этому определению, расизм – это не только любая неприязнь в отношении других на почве расовой принадлежности, но и неприязнь на почве этнической и языковой принадлежности [23]. А приписывание кому-либо положительных или отрицательных

человеческих качеств только в зависимости от владения или не владения тем или иным языком, входит в категорию проявления неприязни по лингвистическому признаку, отмеченному в определении расизма ОБСЕ.

Прямое отождествление понятия «нация» с этничностью, являющееся наследием сталинско-советской идеи, противоречит современным концепциям как социальных наук, так и универсальности прав человека. Естественно, что существует путаница в понимании концепций «нация», «национальность», «этничность», «национальное государство». Соответственно, толкования таких понятий как «национальные ценности» и, самое главное, понимание концепции «национальное государство», осуществленные согласно этой логике («этничность / этнос» равно «нация»), априори могут подразумевать исключительную эксклюзивность – не иначе как «моноэтническое государство».

Однако, не следует редуцировать все к советскому периоду. Некоторые ключевые моменты в усилении примордиального национализма совсем новые, среди которых можно отметить следующие: последствия конфликта внутри украинского общества и конфликт между Россией и Украиной, политика КНР в отношении мусульманских меньшинств, социально-экономические проблемы, особенно разрыв между богатыми и бедными, который в последние годы стал еще больше усиливаться в Казахстане и привел к массовой внутренней миграции. Тем не менее, следует особо остановиться на роли исторических травм, хотя вышеуказанные факторы еще больше усилили фактор исторической травмы в развитии и легити-

мизации примордиального национализма в Казахстане, который в некоторых случаях может приобретать форму «исторического реваншизма» или страхов грядущей «новой колонизации».

Исторические травмы периода СССР в качестве триггера примордиального этнонационализма

Можно признать наличие исторических травм, которые формируют коллективное «бессознательное» или подсознание («cognitive unconscious») казахского этноса, появившихся в результате трагедий, пережитых в ходе 20-го века, таких как, массовый голод, коллективизация, массовые репрессии. «Бессознательное» или подсознание («cognitive unconscious») – это термин, который используется в когнитивных науках, в частности в когнитивной лингвистике, политологии и психологии. Например, один из основоположников когнитивной лингвистики и психологии Лейкофф (Lakoff) определяет данный термин как «неосознаваемое, нерелексивное, неконтролируемое, спонтанное в сознании человека, что ниже уровня сознания, но которое определяет политические предпочтения и решения», и часто использует его в политических и социологических анализах [24, с. 3]. В общем, представляется уместным говорить о пост-травматическом синдроме казахского этноса. Например, о необходимости изучения этого феномена говорили казахстанский политолог Досым Сатпаев в ходе онлайн круглого стола на тему «Ашаршылык» и презентации книги Сары Камерон [25], также казахстанская исследо-

вательница искусства Александра Цай в ходе обсуждения национализма в Казахстане [26].

Исторические травмы проявляются в страхах потерять язык, традиции, религию и являются эндогенным (внутренним) фактором «секьюритизации» (то есть, «конструирования угрозы безопасности», что является «дискурсивным» процессом придания определенному социальному или культурному феномену, как правило, не входящему в область безопасности, статуса особого вопроса «национальной безопасности») [27, с. 491], определенных социальных феноменов, которые ранжируются от билингвизма и обучения на другом языке (например, русском или английском), до трудовой миграции и смешанных браков. В палитре исторических травм немаловажную роль играет негативный опыт или страх оказаться «меньшинством» на своей исторической родине. Если следовать логике когнитивной психологии и политологии [24], отмеченные выше страхи напрямую влияют на формирование эксклюзивистских идей политического, этнического или религиозного характера.

В свою очередь, одним из триггеров исторических травм у казахского этноса, подобно другим народам, пережившим в ходе 20-го века массовые репрессии и другие масштабные преступления, является и то, что никто из советских руководителей или тех, кто считался бы правопреемником советской власти, не высказал публичного осуждения репрессивной политики периода СССР. С другой стороны, неконструктивная и неэмпатичная позиция некоторых политиков и аналитиков в соседних государствах, также не оказывает позитивного влияния на

решение вопроса исторической травмы. Хотя солидарность с болью потомков людей, переживших страдания советского периода, высказанная политиками, позитивно повлияла бы на трансформацию этнического и лингвистического национализма, и способствовала бы формированию более инклюзивных моделей национального строительства в Казахстане.

Доминантная авторитарная модель воспитания в обществе и примордиальный этнонационализм

Согласно исследованиям западных ученых [28; 29], есть прямая связь между страхами, сформированными в результате авторитарной модели воспитания, и популярностью теорий заговора, конспирологий, а также эксклюзивистскими идеями политического, этнического, расового и религиозного характера. С другой стороны, исследования когнитивной психологии и политологии [24; 30] показали, что страхи личностного характера, которые появились в результате авторитарной модели воспитания (которая может проявлять также качества «интрузивного», деспотичного родителя) и практик жестокого воспитания – нередко перетекают или переформируются в страхи социального или политического характера. Исследователи в современных когнитивных науках, например Джордж Лейкофф, на протяжении многих лет изучают взаимосвязь между моделями воспитания и политическими идеологиями, и воззрениями [24; 30].

У многих идеологов и адептов праворадикальных эксклюзивистских идей политического, этнического,

расового и религиозного характера был определенный травматический опыт в детстве, который сформировал у них страхи и фобии. Недавнее исследование западных ученых показало, что подавляющее большинство белых расистов в США и странах Европы имели детские травмы, а некоторые имели очень тяжелые [31]. То есть, видна определенная связь между личностно-психологическим и когнитивным, с одной стороны, и социальным и политическим с другой – страхи, заложенные в подсознание в результате травм, полученных от авторитарной модели воспитания и насилия в детском возрасте, дают всходы во взрослой жизни в виде расизма, агрессивного этнонационализма и т.п. Также примечательны результаты исследования, показавшие что радикальные исламисты и адепты других право-радикальных религиозных групп также движимы «подсознанием», находящимся в плену страхов, которые формируются с детства в результате психологических травм [32].

В странах бывшего СССР и некоторых странах бывшего Восточного блока этнический национализм и различные проявления расизма (например, лингвистического) приобрели формы неофициальных социальных норм, то есть стали неофициальными институтами [33]. Также в этих странах, в частности в Казахстане, если анализировать данные ЮНИСЕФ [34; 35] и использовать терминологию Баумринд, Маккаби и Мартина [36; 37], доминирующими моделями воспитания являются, во-первых, авторитарная (местами принимающая формы «интрузивной» и деспотичной), которая отличается строгостью, но низкой родительской чуткостью, низким понимани-

ем и уровнем диалога; во-вторых, так называемая, модель «пренебрежительно-равнодушного» (к потребностям ребенка) родителя, которая также травматична для психологии ребенка [36; 37]. Напротив, такие модели, которые отличаются высокой родительской чуткостью, пониманием, как модель авторитетно-демократичного, авторитетно-эмпатичного родителя и модель снисходительно-потворствующего родителя (которая, кстати, не приветствуется детскими психологами), доминирующие в демократических странах и не травмируют детскую психику, пока не являются доминирующими. Также, согласно исследованиям ЮНИСЕФ, в Казахстане наблюдается низкий уровень осведомленности о правах ребенка. [34; 35], что является вполне закономерным ввиду сильно распространенных в обществе авторитарных и «пренебрежительно-равнодушных» моделей воспитания.

Согласно мнению специалистов, Казахстан, как и многие другие страны бывшего советского пространства, не считая некоторых частных, «элитных» учреждений, сильно отстал в деле развития гуманистической модели образования / педагогики в «мейнстримной» системе образования [38; 39]. Реформы сферы образования касались в основном поверхностного, но не сути. Сфера и система образования остаются преимущественно авторитарными, не «ученико-центричными». Однако во многих развитых странах делается упор на социально-эмоциональном обучении, и в учебную программу, начиная с детского сада, внедрено развитие навыков эмпатии, солидарности, инклюзивности, культурной осведомленности, позитивной коммуникации [39]. Многие исследова-

ния доказывают, что эмпатии, солидарности, позитивной коммуникации нужно обучаться, они не являются врожденными талантами [39]. Эти навыки необходимы для формирования личности, принимающей и уважающей права человека и для создания инклюзивного общества.

Следует признать, доминирующая в Казахстане авторитарная модель воспитания и образования не формирует эмпатию, не ведет к обучению позитивной коммуникации, солидарности и созданию позитивного социального капитала. Авторитарная философия и модель образования и воспитания не формирует у детей с детства уважение к личности и соответственно создается благодатная база фундамент для различного рода эксклюзивистских идей этнического или религиозного характера. Но самое главное, подобная модель не формирует у детей уважение к личности человека, несмотря на его/ее происхождение, пол, возраст, статус, а это является главной идеей современной концепции универсальности прав человека и принципов инклюзивного развития.

Примордиальный национализм versus универсальность прав человека

Все постсоветские общества похожи друг на друга, а именно привязкой идентичности к этническому происхождению, а этнической идентичности привязкой к определенному языку. В условиях 21-го века идет трансформация многих феноменов социальной жизни, которые, например теоретики национализма или института государства, не могли предвидеть в недавнем прошлом.

Также, учитывая актуальность инклюзивного развития и современной концепции прав человека, следует задаться вопросом, до какой степени примордиальный этно-национализм отвечает требованиям 21-го века, дает ли он возможность для уважения универсальности прав человека и способствует ли инклюзивному развитию?

Примордиальный национализм в условиях 21-го века – это своего рода интеллектуальные, духовные, ментально-психологические тиски. Он не может способствовать полноценному развитию прав человека, к тому же он открыт разного рода теориям заговоров, охотам на ведьм, поиску «пятой колонны». Следует напомнить, в статье пятнадцатой Всеобщей декларации прав человека говорится, что каждый человек имеет право на «национальность» (в смысле «гражданство») [40], и здесь видна прямая привязка понятия «национальность» / «нация» к гражданству, но не к этническому или иному происхождению.

С другой стороны, отождествление понятия «нация» с этничностью означает отрицание или неприятие запрета на дискриминацию (кого-либо по биологическим признакам) – фундаментального принципа универсальности прав человека и справедливости. Точнее говоря, не бывает «прав казаха» или «прав русского», или «прав уйгура», бывают права человека или в более узком смысле – права граждан определенной страны или, если человек вынужден покинуть свою страну, то права беженца [41]. Приравнивание определенной этничности и понятия нация служит одним из главных механизмов создания и легитимизации эксклюзивной национальной идентичности и эксклюзивной модели национального стро-

ительства. К слову, истинный смысл отрицательного, более того, оскорбительного понятия «манкурт», популяризированного Айтматовым, в толковании примордиального национализма потерял свой истинный, гуманистический смысл. Стоит заметить, что краеугольной идеей великого Айтматова было показать низменность человека, потерявшего вместе с памятью и человеческую милость, который готов убить родную мать, или соседа, или невинного ребенка в тех же этнических погромах, а не того, кто не говорит или не знает родной язык.

Сильный эссенциализм казахского примордиального национального дискурса становится слабостью казахского национализма в повседневной жизни. Более того, когда казахскость определяется такими строго примордиальными методами, то этот национальный дискурс мало что может предложить для современного мира [42]. Однако Казахстан, будучи страной, открытой к международной кооперации и позитивным трендам глобализации, и казахстанское общество, как динамичная часть мирового сообщества, не могут стоять в стороне от дискуссий, касающихся развития как инклюзивности, так и универсальности прав человека.

Развитой человеческий капитал является залогом создания развитой и сильной страны, что не приемлет расизма, дискриминации, этнической эксклюзивности, а наоборот требует развития инклюзивности и универсальности прав человека, поэтому очень важно осознание того, что в условиях 21-го века примордиальный национализм в Казахстане предстает как идея, тормозящая развитие страны и общества. Тем более, что в условиях 21

века, нация – это комплексный, инклюзивный феномен. Следует прислушаться к мнению Андрия Баумейстера, современного украинского философа: «Те, кто пытается доказать, что нация навсегда данная вещь, глубоко ошибаются. Нация не является таким объектом, нация – это результат интеллектуальных баталий, и еще не ясен исход. Понятие нация определяет наши решения, наши действия, и это продукт длительной интеллектуальной борьбы... Даже единый язык не обязательный компонент нации в современном понимании» [43].

Дискурсы, построенные на психологии жертвы и исторических обидах, не приведут ни к развитию казахского языка, культуры, ни к созданию добрососедских взаимоотношений, ни к общему развитию страны. Необходимо выработать иные, гуманные и инклюзивные дискурсы. А для этого нужно бороться со страхами, так как существует причинно-следственная связь между личностно-психологическим и когнитивным, с одной стороны, и социальным и политическим, с другой. Для этого необходимо развивать, во-первых, гуманистические модели воспитания и образования / педагогики, во-вторых, прорабатывать исторические травмы.

Важность развития гуманистических моделей воспитания и образования / педагогики

Ключевой компонент всех гуманистических моделей образования и воспитания, например, философии Монтессори или современной скандинавской модели образования, которая характеризуется как модель, расширяющая права

и возможности ученика – это сформировать в ребенке ценность «уважать личность человека». Выражаясь иначе, гуманистическая педагогика базируется на уважении ребенка, хотя и маленькой, находящейся под опекой старших, но отдельной личности, на представлении ребенка в качестве «гражданина на стадии формирования», соответственно, эта модель, показывая уважение к его личности, прививает ребенку уважение к личности и уважение к человеку. А это является аксиологической основой современной концепции прав человека. Это также можно определить как позитивное социально-эмоциональное обучение.

Согласно анализам ценностей, осуществленному Инглхардтом и Вельцелем [44], уважение личности является одной из основных среди демократических ценностей. Однако, доминантная в Казахстане авторитарная модель воспитания, которая допускает и физическое наказание, и эмоциональные и вербальные виды насилия, не учит уважению личности, не способствует формированию демократической личности, не учит договороспособности, эмпатии. Авторитарная модель в воспитании и обучения формирует или как минимум, триггирует страхи и фобии, а с другой стороны, закладывает основы авторитарности в обществе.

Как было отмечено выше, существуют исторические травмы, которые формируют коллективное «бессознательное» или подсознание казахского этноса, которое зиждется на страхах потери языка, традиций, религии. Поэтому необходимо работать с коллективным бессознательным, формировать новые социальные нормы, «новое коллективное бессознательное», где нет места страхам,

тем более фобиям. А для этого нужно развивать гуманистическую педагогику в образовательной системе и гуманистические методы воспитания в семьях.

В общем, гуманистические модели образования и воспитания могут способствовать решению вопроса этнического, лингвистического национализма и различных проявлений расизма. Необходимо развивать чувство уважения к личности с детства, чтобы победить любые проявления эксклюзивистских идей и идеологий. Ключевой компонент всех гуманистических моделей – это преподнести и сформировать как ценность – «уважение личности человека», что является самым главным в понимании современной концепции универсальности прав человека. Следует особо отметить, что развитие гуманистических идей в педагогике и моделях воспитания, развитие демократического образования не является культурной апроприацией в негативном смысле.

Необходимо развивать билингвизм, более того мультилингвизм. По сути, Казахстан является билингвальной страной. Этого не стоит бояться, более того, билингвизм – это богатство Казахстана, а в 21-м веке билингвизм все больше становится глобальным феноменом, а это то, чем Казахстан обладает.

Для выработки инклюзивных альтернатив примордиальному национализму необходимо развивать гуманитарные и социальные науки, особенно философию, политологию, социологию. И что очень важно, развитие действенных моделей социального государства в Казахстане будет сильной платформой для создания инклюзивных альтернатив примордиальному национализму.

Заключение

Важнейшим достоянием государства является человек. Современная концепция универсальности прав человека и инклюзивное развитие необходимы для достижения устойчивого роста, преодоления проблемы разобщенности общества, развития позитивного социального капитала, повышения доверия в обществе, повышения уровня счастья людей.

Философия примордиального национализма не может дать в условиях 21-го века уважение универсальности прав человека и способствовать инклюзивному развитию. При доминирующем в социуме примордиальном национальном дискурсе представляется невозможным построить инклюзивное общество, которое основано на универсальности прав человека. Поэтому, если исходить из точки зрения развития социума, социальных отношений, правовой культуры, особенно принципов и норм универсальности прав человека и справедливости, то модель нации или национального строительства, которые соответствовали бы нормам прав человека (различные вариации «гражданской модели»), должны быть взяты на вооружение.

Утверждения, что нация – это феномен современности, политическое объединение или союз граждан, а не община единоверцев или представителей определенного этноса или клана / кланов, стали общим местом, хотя важность этих утверждений мы не можем оспаривать. Но следует добавить, что нация это комплексный, инклюзивный феномен. При определении нации одни из главных

движущих нами концептов, такие как общность происхождения, язык, история, культура, традиция стали эфемерны [43]. Поэтому в условиях 21-го века нация должна базироваться на идее универсальности прав человека и принципах инклюзивного развития. Нужно развивать модели воспитания и образования, которые не способствуют формированию страхов, фобий, а наоборот, которые формируют сознание, принимающее и уважающее универсальность прав человека, создающие позитивную, инклюзивную личность и нейтрализующие страхи и исторические травмы. Выражаясь иначе, необходимо развивать модели авторитетного (не авторитарного), эмпатичного воспитания [36; 37], тогда проблемы личностно-психологического характера не будут перетекать в страхи социального или политического характера, и будет формироваться эмпатичная и инклюзивная личность и идентичность. В системе образования необходимо развивать авторитетно-демократичные и авторитетно-эмпатичные модели, и в целом, социально-эмоциональное обучение.

Общими вызовами, угрожающими всем, вне зависимости от происхождения, языковой принадлежности и религии являются – деградация экологии, появление пандемий подобно COVID-19, вопросы неразвитости системы образования и здравоохранения, финансиализация жизни, которая, помимо прочего, проявляется в бремени закредитованности и «дорогих денег», неразвитость социальных прав, хищническая политика финансовых институтов, строительных компаний. А все это вызвано неизменной спутницей капитализма – коммерциализацией многих аспектов жизни человека, а также

коммерциализацией функций государства. Универсальность прав человека и инклюзивное развитие ставит целью бороться со всем этим, что упускается из виду, более того, непостижимо для философии примордиального национализма и других эксклюзивных идеологий.

Защита прав человека, которые, кстати, являются динамичным феноменом (среди ученых уже идут дискуссии о четвертом поколении прав человека) в качестве национальной идеи в Казахстане, могла бы дать очень серьезный импульс для развития страны и стать ясным ориентиром для повышения удовлетворенности жизнью всех казахстанцев, независимо от их происхождения, социального статуса или возраста.

Список использованных источников:

1. Кашыкчы М. О национальном строительстве и советском казахском национализме, интервью, 3.11. 2019. https://www.caa-network.org/archives/18487#_ftn22
2. Twose, G., & Cohrs, J. C. Psychology and human rights: Introduction to the special issue. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. – 2015. – 21 (1), 3.
3. Donnelly, J. *Universal human rights in theory and practice*. – Cornell University Press, 2013.
4. Liao, M. and Etinson, A. Political and Naturalistic Conceptions of Human Rights: A False Polemic? *Journal of Moral Philosophy*. – 2012. – 9 (3).
5. Cruft, R.; S. Liao and M. Renzo. *The Philosophical Foundations of Human Rights: An Overview*. In *Philosophical Foundations of Human Rights*, Cruft, R.; S. Liao and M. Renzo (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2015.
6. McCrudden, C. Human dignity and judicial interpretation of human rights. *European Journal of International Law*. – 2008. – 19 (4) – 655-724.

7. Afshari, R. Human Rights in Iran. The Abuse of Cultural Relativism. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.
8. Acemoglu, D. & Robinson, J. Why Nations Fail. – London, UK: Profile Books, 2012.
9. Sen, A. Human rights and capabilities. Journal of human development. – 2005. – 6(2). – 151-166.
10. Gupta J., Pouw N and Ros-Tonen A. Towards an Elaborated Theory of Inclusive Development // European Journal of Development Research. – 2015. – 27:4. – 541–559.
11. Kasikci Mehmet Volkan. The Soviet and the Post-Soviet: Street Names and National Discourse in Almaty // Europe-Asia Studies. – 2019. 71:8, 1345-1366. DOI:10.1080/09668136.2019.1641586
12. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia, Palgrave Macmillan, 2003.
13. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. // Slavic Review. – 1994. – 53:2. – 414-52. Doi:10.2307/2501300.
14. Бисенова А., Медеуова К. Давление метрополий и тихий национализм академических практик // Ab Imperio. – 2016. – № 4. – С. 207–255.
15. Бисенова, А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительной ролью // Новое литературное обозрение, 2020. – № 6 (166). – С. 445-459.
16. Abashin Sergey. Nation-construction in post-Soviet Central Asia // Soviet and Post-Soviet Identities, edited by M. Bassin and C. Kelly. – Cambridge University Press, 2012.
17. Бисембаев С. Феномен казахского национализма в контексте сегодняшней политики: от отрицания к пониманию. Программа для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан, 2015.
18. Zhussipbek G. History of the Central Asian Region – 1700 to 1991 // Legacies of Division. Equal Rights Trust, London, 2017. <https://ssrn.com/abstract=3040190>
19. Said, W. Orientalism. – NY: Vintage Books, 1979.
20. Kudaibergenova D. Toward Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm. University of Pittsburgh Press, 2020.

21. Martin Terry. An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin, Suny G and Martin T. (eds.). – Oxford University Press, 2001.

22. Omelicheva M. Introduction // Nationalisms and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions, edited by Mariya Omelicheva. Rowman & Littlefield, 2014.

23. OSCE-ODIHR. Racism and xenophobia. <https://hatecrime.osce.org/what-hate-crime/racism-and-xenophobia>

24. Lakoff, G. The Political Mind, A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics, NY: Penguin Books, 2009.

25. Remembering Kazakhstan's Great Famine of the 1930s, Central Asia Program, George Washington University, the Embassy of Kazakhstan. An online discussion. 8.06.2021. https://www.youtube.com/watch?v=IXj_fM76qBM

26. Битва за нацию. Какая модель национального единства нужна Казахстану? Дискуссионная площадка. 04.03.2020 <https://paperlab.kz/bitva-za-naciyukakaya-model-nacionalnogo-edinstva-nuzhna-kazahstanu;> <https://www.youtube.com/watch?v=DMYi3uX2zn8> (МИН 36:09)

27. Buzan, Barry; Ole Wæver, and Wilde de Jaap. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Reinner, 1998.

28. Pettigrew, T. F. Social psychological perspectives on Trump supporters. Journal of Social and Political Psychology. – 2017. – 5(1). – 107-116.

29. Harris, S.; Kranish, M. Trump's worldview forged by neglect and trauma at home, his niece says in new book, July, 7, 2020. – https://www.washingtonpost.com/politics/trumps-worldview-forged-by-neglect-and-trauma-at-home-his-niece-says-in-new-book/2020/07/07/b19b22f6-bf9d-11ea-864a-0dd31b9d6917_story.html

30. Lakoff, G. Moral Politics, Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

31. Childhood Abuse, Military Service, and White Supremacism, April 21, 2021. <https://www.icsve.org/childhood-abuse-military-service-and-white-supremacism/18>.

32. Kobrin, N. H. Nobody Born a Terrorist, but Early Childhood Matters: Explaining the Jihadis' Lack of Empathy. *Perspectives on Terrorism*. – 2016. – 10(5). – 108-111.

33. Zakharov, N., & Law, I. *Post-Soviet Racisms*. – Springer, 2017.

34. Annual Report Kazakhstan. UNICEF. https://www.unicef.org/about/annualreport/files/Kazakhstan_2016_COAR.pdf.

35. Сахова, Г. ЮНИСЕФ выяснил, как казахстанцы воспитывают детей. 2019. *Inform.kz*, https://www.inform.kz/ru/yunisef-vuyasnil-kak-kazahstancy-vospityvayut-detey_a3494440

36. Baumrind, D. Parenting styles and adolescent development. In J. Brooks-Gunn, R. Lerner, & A.C. Petersen (Eds.), *The encyclopedia of adolescence*. – NY: Garland, 1991. (pp. 746-758).

37. Maccoby, E.E., & Martin, J.A. "Socialization in the context of the family: Parent-child interaction," in E. M. Hetherington (ed.), *Handbook of child psychology: Vol. 4. Socialization, personality and social development*. – NY: John Wiley, 1983.

38. Бижанова, А. Почему система обучения и климат в казахстанских школах не отвечают требованиям времени, *Форбс-Казахстан*, 2020. https://forbes.kz/process/education/pochemu_sistema_obucheniya_i_klimat_v_kazahstanskih_shkolah_ne_otvechayut_trebovaniyam_vremeni/

39. Бижанова, А. Нормы нашего общества. *Форбс-Казахстан*, 2020. https://forbes.kz/blogs/blogsid_236400ю

40. Всеобщая декларация прав человека, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

41. Жусипбек, Г.; Нагаева, Ж. Неформальные институты и эксклюзивные идентичности в Казахстане: что показали погромы в Кордае, 2020. <https://www.caa-network.org/archives/19297>

42. Кашыкчы М. Как выйти за рамки «хронической этнофилии»? Размышления о шовинизме, социальной несправедливости и будущем в Казахстане. 14.02.2020. <https://www.caa-network.org/archives/19213>.

43. Баумейстер Андрей. Что такое нация? 24.09.2019. *Otium Academy* – <https://www.youtube.com/>

44. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ КАЗАХСТАНА¹

Исмагамбетов Талгат Танатарович

Миграционная политика включает в себя разработку стратегии миграционного развития (обычно в виде концепции и программ), а также конкретную деятельность государственных органов, отвечающих за регулирование миграционных процессов на региональном и муниципальном уровнях. В Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 28 августа 2007 года № 399, отмечено: «Цель миграционной политики Республики Казахстан состоит в уменьшении негативных последствий миграционных процессов в рамках сохранения и развития национальной идентичности и безопасности страны путем максимального сокращения незаконной и формирования селективной миграции» [1].

Эмиграционные процессы в Казахстане и специфика северных областей

В 1990-х гг. этнодемографические процессы в Северо-Казахстанской области имели общий характер с

---

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МОН РК. (Грант №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

остальными регионами Казахстана. С одной стороны, социально-экономические процессы, прежде всего спад производства и закрытие ряда предприятий, привели к масштабной эмиграции. С другой стороны, крах прежней советской идентичности, необходимость переоценки своей идентичности и сложности адаптации к новой политической и экономической системам, смена статусов двух основных этносов страны, привели к определенному, в основном европейскому (русскому, немецкому, украинскому) облику этой масштабной эмиграции. Последствием этой эмиграции и спада рождаемости, роста смертности населения стало снижение численности населения Республики Казахстан, и вместо предполагаемой численности свыше 16 млн. человек перепись населения страны 1999 г. зафиксировала 14,95 млн. человек.

Принятие Конституции 1995 г. с тезисом в ее преамбуле о государственности казахстанского народа вместо утверждавшегося в Конституции 1993 г. положения о государственности казахской нации внесло ясность в отношения этносов и государства. Кроме того, в 1995 г. были прекращены дискуссии о возможности двойного гражданства и, как заметил казахстанский исследователь межэтнических отношений Н. Мустафаев, произошла «относительная деактуализация этнического фактора в 1995-2006 гг.» [2].

«Вопрос о переселении в стране встал из-за резкого сокращения численности населения в центральном, восточном и северном регионах – массовой эмиграции других национальностей на свои исторические земли. Согласно данным Бюро национальной статистики, толь-

ко в Восточно-Казахстанской области с 1990 по 2020 год численность населения уменьшилась на 393 тысячи человек. Количество людей в аналогичный период в Северо-Казахстанской области снизилось на 360 тысяч, в Костанайской области – на 350 тысяч, в Акмолинской – на 320 тысяч, в Павлодарской – на 190 тысяч человек. И если северный, центральный и восточный регионы Казахстана стали трудодефицитными, то население юга и запада страны за 30 лет независимости – напротив, увеличилось на 3,5 миллиона» [3].

Ситуация с этническим лицом эмиграции изменилась в последние годы, и с 2018 г. фиксируется заметная доля эмигрирующих лиц казахского этноса. Главное управление по вопросам миграции МВД РФ опубликовало «Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2021 года». Согласно статистике, за первое полугодие 2021 г. принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации в отношении 23293 экс-казахстанцев. Всего на миграционный учет в России за полгода 2021 г. встали 225,88 тысячи казахстанцев (221,836 тысячи за тот же период прошлого года), что больше населения Петропавловска, центра Северо-Казахстанской области [4].

По существу, до принятия Концепции миграционной политики миграционные процессы в Казахстане характеризовались отсутствием управляемости со стороны государственных структур. Единственное исключение, где миграционная политика имела цель и финансовую поддержку – это привлечение иммигрантов-кандасов (оралманов). Однако кандасы стремились селиться в

южных областях, а не в северных регионах с непривычным для большинства из них более холодным климатом. Миграционная политика оказалась, таким образом, не эффективной в воздействии на этнодемографическую структуру населения Северо-Казахстанской области и соседних областей. Вполне понятен риск неуправляемости этих процессов, когда поток иммиграции приходился на трудоизбыточные регионы.

Как отмечает Н. Мустафаев, неуправляемость миграции ведет к обострению вопросов обеспечения жильем, работой, землей, что эпизодически проявляется в открытых конфликтах (наиболее известный из них в алматинском микрорайоне «Шанырак» в 2006 г.) и, как следствие, к росту социальной напряженности. Социальная напряженность может быть, как внутриэтнической (между местными, давно проживающими казахами и иммигрантами-кандасами), так и между представителями разных этносов. В любом случае неумение разрядить социальную напряженность, не доводя до открытого конфликта, ведет к снижению имиджа органов государственной власти. «Неуправляемая внутренняя миграция – один из наиболее значимых, в ряду выделяемых 10-ти факторов конфликтного потенциала в РК» [5].

Государственная программа «Еңбек»: поставленные задачи

По прогнозным данным, к 2050 году численность населения страны составит более 24,5 млн человек, при этом население северных регионов может сократиться почти

на 1 млн, а в южных регионах вырастет более чем на 5 млн человек. Плотность расселения в южных регионах будет практически в четыре раза превышать северные, и население четырех южных регионов, не считая Алматы, будет составлять почти 55% населения всей страны [6].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 919 «Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 – 2021 годы» был сделан поворот к управляемости миграционных процессов внутри страны. Через год постановлением Правительства от 13 ноября 2018 года № 746 к названию измененной программы было добавлено слово «Еңбек», и постановление от 29 декабря 2016 г. было признано утратившим силу [7].

Примечательно, что задача №5 программы «Еңбек» обращает внимание на подготовку кадров специалистов в вузах посредством программы «Серпін». Программа «Серпін» действует с 2014 г. (полное название – государственная программа «Мәңгілік ел жастары – индустрияға!» – «Серпін»). Цель программы – обучить молодежь из южных регионов страны (Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской, Мангистауской областей) с их избытком трудовых ресурсов и трудоустроить их на востоке и севере Казахстана – в регионах, испытывающих дефицит трудовых ресурсов (первоначально в Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Костанайской областях). Государственная программа «Еңбек» предполагает в 2018-2022 гг. переселение 50-59 тысяч семей. Поскольку в

семьях переселенцев по 3-5 человек, то предполагался переезд от 180 тысяч до почти 300 тысяч человек. К 2021 г. по программе из южных регионов в северные переехало до 27 тысяч человек, т.е. менее 14% от намеченного переселения по программе. В целом в рамках программы предполагается переезд тех граждан, которые соответствуют существующему запросу на рынке труда, в первую очередь речь идет о потребности в высококвалифицированных специалистах [8]. С 2019 г. в программу переселения «Еңбек» внесли изменения, включив в число регионов выбытия г. Нур-Султан, прибытия – Акмолинскую и Карагандинскую области. Алматы включен в регионы выбытия с 2000 г., г. Нур-Султан также стал регионом выбытия. Также по Государственной программе «Нұрлы Ертіс» по переселению многодетных семей в Павлодарскую область и с марта 2019 г. из столицы в г. Экибастуз Павлодарской области переселили 103 многодетные семьи – около 600 человек [9].

Масштабный исход из Северо-Казахстанской области (с 1989 г. эмигрировало почти 360 тыс. человек, спад численности с 912 тыс. человек в 1989 г. до 554 тысяч человек в 2019 г.) парадоксально отразился на изменении этнодемографической структуры. Снижение доли русских с 51,9% до 49,5% сопровождалось спадом их численности с 469 тыс. до 274 тыс. человек. Примечательно, что рост удельного веса казахского населения с 22,59 % в 1989 г. до 35% в 2019 г. на территории области в ее современных границах возвращает нас к тем же 35% – доле коренного населения по переписи 1897 г. [10]. Однако рост удельного веса казахов не означает роста числа казахов. Числен-

ность казахов снизилась за указанный период с 206 тыс. до 194 тыс. человек, и спад их численности зафиксирован переписью 2009 г.

Снижение численности населения области на 40% за 1989-2019 гг. объясняет также, что снижение численности поляков почти в два раза до 11 тыс. человек сопровождалось незначительным изменением их доли в этнической структуре населения области с 2,51% до 2,07%.

«На территорию Северо-Казахстанской области из других регионов планируют переселить 10 тысяч человек», – заявил в марте 2021 г. министр труда и социальной защиты населения Серик Шапкенов [11].

Если прибавить ожидавшиеся министром, но не прибывшие в область 10 тыс. переселенцев и полагать, что все они казахи в дополнение к 194 тысячам проживающих в области казахов, то их число составило бы 204 тысячи или 36,1% от гипотетического 564-тысячного населения области (554 тыс. чел. + 10 тыс. чел. переселенцев). Таким образом, те, кто полагает, что направляемая сверху внутренняя миграция способна изменить этнодемографическую структуру области, чрезмерно оптимистичны. В первую очередь, необходимо создать условия для уменьшения эмиграции населения, в том числе казахов.

Эмиграционные тенденции, их устойчивость и влияние на численность и этническую структуру населения не объяснить, как в начале 1990-х гг. сложностями и напряженностью новой идентификации, трудностями выработки новой идентификации с новым гражданством Казахстана и лояльности государству. Для эмиграции из области «самый главный стимул для переезда – низкие

зарплаты. Согласно последним данным, по уровню зарплат Северо-Казахстанская область уступает лишь Туркестанской и Жамбылской областям... Средние зарплаты в Петропавловске – 80–100 тысяч тенге. Причем 100 тысяч – это уже хорошо» [12].

Города Северо-Казахстанской области и «сверхбольшие» села Юга

Особенность Северо-Казахстанской области в отличие от Юга – это отсутствие т.н. «сверхбольших» сел. В Туркестанской области, «...население села Карабулак в 2018 году превысило 47 тысяч человек, население села Аксукуент – свыше 32 тысяч человек, население села Шубарсу – свыше 21 тысяч человек. А в целом в области есть около 50 сел, население которых превышает 10 тысяч человек. ...Наибольший рост численности населения (в процентах к предыдущему периоду) произошел именно в селах с населением свыше 10 тысяч человек, здесь за десять лет население выросло на 60%. Это связано, прежде всего, с отсутствием в таких селах стабильного оттока населения в городскую местность, как это происходит в обычных селах.

В Северо-Казахстанской области есть всего 5 городов, численность населения в четырех из них в 2018 году была существенно меньше больших сел Юга: Тайынша – 11,501 человек, Булаево – 7,742 человек, Сергеевка – 7,686 человек, Мамлютка – 6,866 человек» [13]. Казахстанский эксперт Серик Джаксылыков обращает внимание, что статус города предполагает, что «численность населения

населенного пункта должна превышать 10 тысяч человек; 2/3 населения должны составлять работники, занятые на несельскохозяйственных предприятиях, и члены их семей... В результате мы имеем много сел, где численность населения уже перевалила за 20 тысяч человек, но их местное государственное управление и планы развития такие же, как в любом в случае с селами в две-три тысячи жителей [14].

В сильно разросшихся селам более остро ощущается вопрос нехватки земли сельскохозяйственного назначения. Прилегающих земель, которые можно использовать для сельского хозяйства (посевные, пастбища, сенокосы), не хватает для того, чтобы обеспечить занятостью увеличивающееся население... Как следствие, в сверхбольших селам наблюдается острая проблема нехватки земли для жилищного строительства. В какой-то момент оказалось, что местные власти больше не могут предоставлять местным жителям участки под строительства жилья [15]. Трудоизбыточность и т.н. перенаселенность Юга во многом вызваны наличием «сверхбольших» сел.

Концепция «слышащего государства» в действии: СМИ и сенаторы о практике переселения

Как заметила в декабре 2020 г., т.е. на 4-м году действия программы, депутат Сената Парламента Айгуль Капбасова, избранная от г. Шымкент. «В последние пять лет из Казахстана переехали 189 765 человек, а прибыли 70 933 этнических казаха. Разница составляет 118 832 человека. Беспокоит тот факт, что 43,8% выезжающих на постоян-

ное место жительства за пределы Казахстана составляют молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет», – уточнила парламентарий. В 2018-2019 годы и за 9 месяцев этого года в Северо-Казахстанскую область из южного региона переселились 5 123 человека. Однако с севера страны переехали около 10 тысяч человек. В этой области за 20 лет закрыто около 300 школ, количество учащихся начальной и средней школы уменьшилось на 8000. Школьные здания выставлены на аукцион и продаются [16].

По данным Министерства труда и социальной защиты РК по состоянию на 1 декабря 2020 года, из южных областей в Северо-Казахстанскую область переселились 1 610 семей с общей численностью 5 655 человек. Пандемия коронавируса 2020-2021 гг. затормозила продвижение программы.

В рамках госпрограммы для участников добровольного переселения предоставляются субсидии из республиканского бюджета:

- на переезд – единовременная выплата каждому члену семьи по 35 МРП (242 \$); в мае 2021 г. постановлением Правительства повышена до 70 МРП, единовременно (в 2021 году – 204 190 тенге. – прим. авт.) на главу и каждого члена семьи. Материальная помощь на переезд участнику программы «Еңбек» и членам его семьи предоставляется после их прибытия на новое место жительства;

- на покрытие расходов по аренде жилья и оплате коммунальных услуг, которые выплачиваются ежемесячно в течение 12 месяцев в размере от 15 до 30 МРП (от 104 до 242 долларов США) на человека. Основное требование – чтобы в семье работал хотя бы один человек [17].

Льготы южанам при поступлении в вузы вызывают недовольство «северян»: «...в одном из вузов в Восточно-

Казахстанской области на одну специальность выделили только 20 грантов, 17 из них получили участники программы «Серпін». И эти гранты получили трое местных, набравшие на ЕНТ выше 100 баллов. Среди участников программы «Серпін», кто стал обладателем этих 17 грантов, есть набравшие 55 баллов [18].

Критические замечания относятся к социальной поддержке переселенцев. Так, эксперт в области миграционных вопросов Диас Маратов отметил, что «пока эффективной госпрограмму назвать нельзя и в первую очередь из-за жилищного вопроса. Качество построек для переселенцев оставляет желать лучшего, данный вопрос остается все еще открытым. Также возникает вопрос сколько протянут переселенцы после завершения выплат по аренде жилья и оплате коммунальных услуг, которые сейчас выплачиваются в течение двенадцати месяцев на семью в зависимости от количества членов семьи и местности.

Другой также немаловажный аспект, который требует доработки, – вопрос трудоустройства, поскольку нет четкой координации действий отраслевых и региональных структур, а вакансии для переселенцев зачастую малопривлекательные» [19].

Мониторинг СМИ показывает, что в конце 2020 – первой половине 2021 гг. в республиканских масс-медиа нарастали критические оценки, опиравшиеся на имеющиеся факты и жалобы переселенцев, прежде всего, на качество предоставляемого жилья в Северо-Казахстанской области. Обращает внимание, что проблемы с выполнением государственной программы были подняты депутатами Сената, избранными от Юга: Айгуль Кап-

барово́й из г. Шымкент и Алимжаном Куртаевым из Туркестанской области. В отличие от них, сенатор Ерик Султанов, бывший до избрания в Сенат акимом Северо-Казахстанской области в 2014-2017 гг. и ее уроженец, судя по сообщениям в прессе, довольствовался сбором информации: «Сенатор отметил важность реализации этой госпрограммы, позволяющей решать несколько важнейших задач, в том числе проблему дефицита трудовых ресурсов в северных областях страны...» [20].

Принимая во внимание, что депутат Сената избирается маслихатами соответствующей области и представляет интересы местной элиты, то заинтересованность сенаторов с Юга [21] вполне понятна: выплеск ставшего «излишним» населения на Север позволяет снизить социальные проблемы Юга.

24 мая 2021 г. в «Казахстанской правде» вышла статья Зарины Маскау «Заложники равнодушия», в которой недостатки при выполнении программы были продемонстрированы сравнением благостной отчетности и неприглядной реальности: «Как это ни прискорбно, но именно образ потемкинских деревень приходит на ум после увиденного и услышанного от переселенцев, переехавших по государственной программе в Айыртауский район Северо-Казахстанской области» [22].

Заметим, что по публикациям в масс-медиа более результативно выполнение программы «Еңбек» происходит в Восточно-Казахстанской области. Показательны две истории переселения учителей, так как специалисты и лица с предпринимательской жилкой лучше адаптируются [23].

«Глава государства 15 июня 2021 г. дал поручение разобраться по проблемам, изложенным в статье «Заложники равнодушия», опубликованной в газете «Казахстанская правда» 24 мая 2021 года. Речь шла о низком качестве жилья, построенного в СКО для переселенцев из южных регионов. По итогам проведенной проверки факты подтвердились. Правительство и акимат области занимаются устранением выявленных недостатков», – написал пресс-секретарь главы государства на своей странице в Facebook.

По результатам проведенной проверки своих должностей за неудовлетворительную организацию работы были сняты с должностей акимы Айыртауского и Есильского районов Северо-Казахстанской области. Помимо этого, дисциплинарное наказание понесли акимы еще пяти районов, руководитель областного управления координации занятости и социальных программ и заместитель акима области. Напомним, ранее переселенцы обращали внимание журналистов на то, что качество предоставленного им жилья не выдерживает никакой критики. В домах отсутствовала вода, санузлы, а рядом с жильем не было даже контейнеров для мусора. Также жалобы были на плесень и трещины в стенах [24].

Управление процессом переселения: мнения экспертов и момент стереотипизации

Эксперты обращают внимание на необходимость согласованности в выполнении программы. Дело в том, что управление внутренней миграцией подразумевает сла-

женную работу государственного аппарата, координацию его действий, поскольку в выполнении программы участвуют несколько министерств и ведомств и органы власти разного уровня вплоть до районного и сельского. Многое определяется продуманной работой и контактами по вопросам переселения между регионом прибытия и регионом выбытия.

Более 1,5% семей переселенцев возвращаются обратно. Сказывается неразвитость инфраструктуры в ряде сел, например, в селе Токаровка Мамлютского района с населением менее 200 человек отсутствуют поликлиника, аптека. Важен не столько климат, а отношение местного руководства. В селе Астраханка Аккайынского района переселенцам сказали: «Не нравится – уезжайте... Местным говорят – вот дали (жилье и землю) приедем...» [25].

Судя по материалам видео из социальных сетей о выполнении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 – 2021 годы «Еңбек», в числе внутренних мигрантов по этой программе есть также лица разных восточных этносов, применяющих на северо-казахстанской земле свои навыки и опыт овощеводства. Вопрос в наделении землей, и в случае успешности их адаптации как переселенцев и доходности хозяйствования как предпринимателей, можно ожидать приезд их родственников, испытывающих нехватку земель во многих селах южных регионов [26]. Неожиданным последствием может стать дополнение этнического состава Северо-Казахстанской области такими этносами как дунгане и узбеки.

Сложности адаптации на новом месте, отношения с местными жителями, различия в менталитете, поведенческие особенности вызывают психологические проблемы в отношениях местных и переселенцев. Например, местные раздраженно смотрят как переселенцы гонят скот на пастбище не боковыми улицами, а по основной улице села, чего не делают местные жители (ситуация в с. Лобаново Айыртауского района). Местному акиму сельского округа и общественникам надо быть беспристрастными, чтобы решать вопросы по справедливости, предотвращая рост недовольства.

Кроме этого, обстоятельством, которое может вызвать чувство психологического дискомфорта граждан из нетитульных этносов, является ономастическая политика. Дискуссия 2010 г. о переименовании Петропавловска расколола жителей г. Петропавловск и области на «петропавловцев» и «кызылжарцев». Как заметила местная журналистка Елена Кузнецова: «Общественность всегда очень болезненно реагирует и будет реагировать. У нас бедный регион, с низкими зарплатами, большой отток населения и повальная коррупция» [27].

Известно, что катализатором межэтнической напряженности является конфликт стереотипов. Таковой стереотип проявился в посте в Facebook некоего Нуртазы Кадирниязова, указавшим, что является к.ф.н., но без уточнения филологических или философских наук. Негативный образ обращен к Ивану Сауэру, создателю и руководителю агрофирмы «Родина», бывшего совхоза, где оплата и условия труда и быт сравнимы с городским комфортом. Негативный образ Героя Труда Казахстана

И. Сауэра Кадирниязов создал, отметив его среди противников переселения: «Специально отправили на телеэфир товарища И. Сауэра, чтобы сформировать общественное мнение чтобы не переселять казахов на исконно казахские земли – в Северные области?!» [28].

Кадирниязов Н. выдвинул право переселения на «исконно казахские земли», противопоставив неявно переселенцев-казахов и живущих неказахов. При этом, вне его внимания остается факт, что право на переселение имеют и применяют и неказахи. Важно чтобы такие высказывания не развивались в ксенофобские высказывания и оценку общей текущей ситуации. Следует заметить, что высказывания Кадирниязова Н. остались гласом одного человека и почти не услышанными. Заметим, что эмиграция в Россию также как в 1990-х гг. позволяет ослаблять конфликтный потенциал в отношении этнических групп. На наш взгляд, в Северо-Казахстанской области в текущий период и обозримом будущем не возникнет на основе конфликта интересов местных и переселенцев разворачивания латентной, а затем открытой фазы мигрантского конфликта [29].

Выводы:

1. Государственная программа «Енбек» в процессе выполнения показала, что важное значение имеет мониторинг, контроль и проверка исполнения принятых решений. Критическая оценка и корректировка программы переселения – это существенно важный момент управления миграционными процессами в регионах.

2. Концепция «слышащего государства» оказывается действенной при наличии институтов, способных исполнять контрольную функцию (в данном случае – Парламент, СМИ), и активных персон, способных поднимать злободневные вопросы текущего и средне- и долгосрочного характера. Данный тезис относится не только к региону, но и актуален для государственных структур по всей стране.

3. Актуальны координация и взаимодействие разных структур государственного, регионального и местного уровней по выполнению намеченных целей и задач миграционной политики.

4. Выполнение государственной программы «Енбек», принимая во внимание эмиграцию из региона не только неказахского, но и казахского населения, в случае достижения поставленных целей, не окажет существенного влияния на этнодемографическую структуру населения области. Переселение – это инструмент для решения социально-экономических задач, цель которых – повышение благосостояния региона и проживающего населения.

5. Недостаточно удовлетворительный уровень администрирования ведет к ситуации сходной с неуправляемой миграцией и ведет к обострению вопросов обеспечения жильем, работой, землей. Исправление этих проблемных моментов важно для предотвращения факторов проявления конфликта, в том числе между внутренними мигрантами и местными жителями.

Список использованных источников:

1. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2007-2015 годы // <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon090.html/>.
2. Мустафаев Н. Этнические, мигрантские конфликты и превентивная этнополитика. – Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2009. – С. 44.
3. Мустафина Д. Как казахстанцы с юга на север кочуют в поисках лучшей жизни. 25 января 2021 г. // <https://cabar.asia/ru/kak-kazahstantsy-s-yuga-na-sever-kochuyut-v-poiskah-luchshej-zhizni>.
4. https://qmonitor.kz/news/2321?fbclid=IwAR2LqGFXrWBLiqz5hQJ58TU1NvsVm_5VbqSEQsS7-ZzIozTH3aImDhZmuf8.
5. Мустафаев Н. Этнические, мигрантские конфликты и превентивная этнополитика. – Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2009. – С. 55.
6. <https://informburo.kz/novosti/v-almaty-s-2020-goda-zapustyat-programmu-enbek-po-dobrovolnomu-pereseleniyu-na-sever.html> (дата обращения: 25 ноября 2019 г.)
7. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000746>.
8. <https://ekonomist.kz/zhussupova/programma-pereseleniya-yug-gosprogramma-sever> (дата обращения: 5 сентября 2019 г.) // Великое переселение! Зачем чиновники призывают казахстанцев переезжать с юга на север? (дата обращения: 8 сентября 2021 г.) // <https://www.youtube.com/watch?v=-DrlrixXpJM/>.
9. <https://informburo.kz/novosti/v-almaty-s-2020-goda-zapustyat-programmu-enbek-po-dobrovolnomu-pereseleniyu-na-sever.html> (дата обращения: 25 ноября 2019 г.).
10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Северо-Казахстанская_область.
11. В СКО хотят переселить 10 тысяч казахстанцев (дата обращения: 31 марта 2021 г.) // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-sko-hotyat-pereselit-10-tyisyach-kazahstantsev-432991/.
12. Троценко П. Под боком у «русского медведя»: как живут и чего боятся на севере Казахстана // <https://rus.azattyq.org/a/>

kazakhstan-petrovavlovsk-north-kazakhstan-reportage/31024024.html.

13. Джаксылыков С. Сверхбольшие села юга Казахстана: больше политики, чем экономики // <https://ekonomist.kz/jaxylykov/sverhbolshie-sela-yuga-kazahstana/> (дата обращения: 1 сентября 2019 г.).

14. Там же.

15. Там же.

16. Жители с севера Казахстана эмигрируют из страны, за 20 лет закрылось 300 школ – сенатор // <https://ru.sputnik.kz/regions/20201203/15641162/kazakhstan-migraciya-senator.html> (дата обращения: 03 декабря 2020 г.).

17. В Казахстане размер единовременной помощи переселенцам по программе «Еңбек» увеличили в два раза // <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-razmer-edinovremennoj-pomoshi-pereselencam-po-programme-engbek-velichili-v-dva-raza>.

18. Лаханулы Н. Что дала программа по привлечению молодежи с юга на север // <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-serpin-program-5-years-results/30128912.html> (дата обращения 26 августа 2019 г.).

19. Мустафина Д. Как казахстанцы с юга на север кочуют в поисках лучшей жизни. 25 января 2021 г. // <https://cabar.asia/ru/kak-kazahstantsy-s-yuga-na-sever-kochuyut-v-poiskah-luchshej-zhizni>.

20. Сенатор встретился с жителями СКО, переселившись из южных регионов // https://www.inform.kz/ru/senator-vstretilsya-s-zhitelyami-sko-pereselivshimisya-iz-yuzhnyh-regionov_a3819415 (дата обращения: 5 августа 2020 г.).

21. Сенатор о переселенцах с юга на север: У людей ограниченный выбор // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/senator-pereselentsah-yuga-sever-lyudey-ogranichennyiy-437246/ (дата обращения: 13 мая 2021 г.).

22. Маскау З. Заложники равнодушия // <https://kazpravda.kz/articles/view/zalozhniki-ravnodushiya> (Дата обращения: 24 мая 2021 г.).

23. Наш новый дом – ВКО: истории переселенцев-участников программы «Еңбек»// <https://informburo.kz/special/nash-novyy-dom-vko-istorii-pereselencev-uchastnikov-programmy-ebek-.html> (дата обращения: 10 ноября 2020 г.).

24. Токаев уволил двух акимов после жалоб переселенцев с юга Казахстан // <https://ru.sputnik.kz/regions/20210615/17349327/токаев-уволит-акимы-zhaloby-pereselentsy-yug-sever-kazakhstan.html>.

25. Переехали с юга на север Казахстана. Назад дороги нет (дата обращения: 05 января 2021 г.) // https://www.youtube.com/watch?v=6aY_Ye0dv2o&ab_channel=TASHKINBAYEV.

26. Переселенцы в Мамлютском районе (дата обращения: 5 сентября 2020 г.) // https://www.youtube.com/watch?v=VrfgGq92T88&ab_channel=ТелеканалМТРК/.

27. Троценко П. Под боком у «русского медведя»: как живут и чего боятся на севере Казахстана// <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-petropavlovsk-north-kazakhstan-reportage/31024024.html> (дата обращения: 29 декабря 2010 г.).

28. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1171294616712079&id=100014946545020https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1171294616712079&id=100014946545020.

29. Об этапах возникновения и проявления конфликта между этносами см.: Методическое пособие «Конфликты с участием разных этнических групп на территории Республики Казахстан: классификация и анализ»: Д.Э. Ашимханова, Ф.М. Мусатаева, Г.Е. Окасова, Ж.К. Карим. – Нур-Султан: Институт прикладных этнополитических исследований, 2021 г. – С. 80-90, 96, 106.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НЕЗАВИСИМОМ КАЗАХСТАНЕ¹

Кадыржанов Рустем Казахбаевич

В данной статье исследуется вопрос утверждения и укрепления национального суверенитета Казахстана в контексте национального строительства в 1990 гг. Для национального строительства в Казахстане приоритетное значение имеет отношение государства с местными русскими и Россией. С этой целью анализ в статье строится на методологии национализирующегося государства и реляционной треугольной схеме «Казахстан – русские в Казахстане – Россия».

В 1996 г. американский политолог Роджерс Брубейкер (Rogers Brubaker) в своей получившей широкую известность книге «Переосмысленный национализм» (Nationalism Reframed) изучил новые грани национализма после распада коммунистической системы. Под национализмом Брубейкер понимает стремление национального сообщества и его элит создать собственное государство, которое стало бы политической крышей для национальной культуры. Это определение широко распространено в современной научной литературе.

---

¹ Статья подготовлена в рамках финансирования КН МОН РК. (Научная программа №OR11465461 «Исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана»).

Появление новых независимых государств в посткоммунистическом мире Брубейкер оценивает как новый тип национализма, который он определяет как национализирующийся. Посткоммунистическое национализирующееся государство строится вокруг ядерной (по постсоветской терминологии, титульной) нации, обладая и другими чертами национального государства. Поэтому национализирующееся государство Брубейкер определяет как государство ядерной (титульной) нации и для этой нации [1].

Национализирующееся государство не является, тем не менее, в полном смысле слова национальным государством, каковыми являются, например, Франция, Голландия или Швеция. Так, в Казахстане и некоторых других постсоветских государствах, язык ядерной (титульной) нации не является общенациональным языком, на котором говорят все этносы страны. Идея единого национального языка, зародившаяся и получившая воплощение во Франции, сегодня стала нормой для национального государства.

Среди постсоветских государств Брубейкер выделяет отдельную группу государств, население которых характеризуется высокой долей в нем русских. К ним относятся Украина, Казахстан, Латвия и Эстония. Высокая доля русских в их населении приводит к образованию треугольной конфигурации: национализирующееся государство – русские – Россия. Этот реляционный треугольник оказывает влияние на национальное строительство и многие другие политические процессы в указанных независимых государствах.

Особенно острое воздействие на национальное строительство эта треугольная реляционная (основанная на динамических отношениях ее элементов) конфигурация оказала и продолжает оказывать в Казахстане. Реляционный динамический характер этой конфигурации показывает, что в различные промежутки времени ее элементы и их отношения приобретают различный вес и различное влияние на другие элементы. В частности, в 1990 годы особая важность треугольника «национализирующийся Казахстан – русские Казахстана – Россия» для национального строительства в Казахстане и укрепления его суверенитета была связана с высокой долей русских в населении нового независимого государства.

По результатам последней советской переписи населения 1989 г. казахи составляли 39,7 процента населения советского Казахстана, то есть менее половины населения республики [2]. В этом отношении Казахстан был единственной национальной республикой в составе СССР, где коренное титульное население было в меньшинстве по отношению к остальной части населения республики. Русские составляли 37,8 процента населения, почти столько же, сколько казахи, а в совокупности с украинцами, немцами, белорусами и другими русифицированными этносами составляли более 50 процентов населения советского Казахстана [2].

Но дело не только в демографии. Гораздо важнее было то, что русские воспринимали Казахстан как «свою» республику [3]. Как отмечает Себастьян Пейруз (Sebastien Peyrouse), русские в Казахстане на протяжении всего советского времени воспринимали себя как жите-

лей преимущественно «русской» республики, которая в культурном отношении была гораздо ближе России, Украине или Белоруссии, чем Средней Азии [4].

Распад СССР стал для русских национальной катастрофой, поскольку именно Советский Союз, а не РСФСР они воспринимали как свою настоящую родину. Двойную катастрофу пережили те русские, кто жили в союзных республиках, оказавшись теперь гражданами новых независимых государств. Реакции русских на независимость Казахстана укладываются в формулу из трех слов “Exit, Voice, Loyalty” (Выход, Голос, Лояльность), раскрытой в классической книге Альберта Хиршмана (Albert Hirschman) под тем же названием. Здесь «выход» означает прекращение отношений в той или иной форме между организацией и индивидом, то есть индивид «выходит» из отношений с организацией. Слово «голос» является синонимом протеста, выражением несогласия со стороны индивида или группы сложившейся ситуацией в его/их отношениях с организацией. Наконец, «лояльность» указывает на третий вид решения в отношениях организации и индивида, когда индивид принимает сложившиеся изменения и проявляет лояльность организации [5].

Начиная еще с конца 1980-х гг. одна часть русских Казахстана выбрала центробежную реакцию на превращение Казахстана в независимое государство, то есть они выбрали решение «выход». Эта часть русских не захотела интегрироваться в новое государство и предпочла и до сих пор предпочитает покинуть Казахстан, эмигрировать из него. Вопросам выезда русских из Казахстана по-

священо много работ, но гораздо меньше изучен вопрос о влиянии эмиграции на национальное строительство и суверенитет Казахстана. В этом отношении треугольная конфигурация «независимый Казахстан – русские Казахстана – Россия» представляется адекватной методологической схемой.

В плане национального строительства, понимаемого как формирование национальной идентичности полиэтнического общества на основе уважения и лояльности к Казахстану, массовый выезд русских наносил большой ущерб имиджу страны как национального государства. Эмиграция как бы показывала, что Казахстан не имеет перспектив как государство, в котором стоит жить и к чему-то стремиться. Сегодня эмиграция из Казахстана уже не имеет такого масштаба, как в 1990 г., но ей посвящается много статей в СМИ. Общий тон этих статей остается неизменным: люди уезжают из Казахстана, потому что не видят в нем для себя перспектив. Если людям постоянно внушать такие мысли, то трудно ожидать их идентичности со своим государством, со своей нацией. Вокруг каких ценностей и символов объединять нацию?

Массовая эмиграция русских в 1990 г. сопровождалась достаточно высоким уровнем межэтнической напряженности в Казахстане. Было много публикаций и спекуляций о том, что государство, призывая русских оставаться в Казахстане, на деле поощряет их выезд в угоду казахским националистическим кругам. Этнический вопрос оставался в повестке дня казахстанского общества до 1994-95 гг., а затем градус напряженности стал постепенно спадать.

Напряженность существовала не на массовом уровне, а на элитном уровне, между этническими элитами. Конечно, связь между элитами и этническими массами была слабой, и элиты не могли вызвать массы на конфликт. К тому же государство жестко контролировало ситуацию и не позволяло никому выходить за рамки. Однако напряженность провоцировала определенный уровень недоверия в отношениях элит и этносов, а это, несомненно, препятствовало формированию общей идентичности на основе лояльности государству.

Помимо внутреннего аспекта массового выезда русских из Казахстана в 1990 г. как их реакции на независимость республики можно указать и на внешний аспект эмиграции. Здесь мы выходим на отношения Казахстана и России в аспекте их позиций и реакций на эмиграцию русских. Речь, однако, идет не о межгосударственных отношениях, а об отношениях определенных групп общества в России на выезд русских из Казахстана в РФ и реакции официального Казахстана на действия и высказывания этих групп.

Очевидно, что массовый выезд русских из Казахстана в РФ в 1990 годы не мог быть не замечен в России как исторической родине русских. В те годы в России не было какой-то однозначной реакции на этот процесс, были различные позиции и высказывания как со стороны государственных чиновников, так и представителей отдельных политических сил. Если государство рассматривало эмиграцию русских как их добровольное решение без всякого давления со стороны государства в Казахстане и потому не видело оснований для дипломатических дей-

ствий, то в обществе существовали политические силы, которые стремились использовать ситуацию в своих интересах [6].

К этим силам относились политические партии ЛДПР Владимира Жириновского, национал-большевиков Эдуарда Лимонова и другие националистические организации и движения. Эти партии и движения выступают от имени русского народа, представляя себя его защитниками, в том числе в ближнем зарубежье. Одни из главных политических действий эти силы представляли как мониторинг ситуации с эмиграцией русских из Казахстана и ее интерпретацией как проявление националистической политики государства по отношению к русскому населению республики. Особую активность в этом плане проявляли ЛДПР и ее лидер Жириновский, неоднократно пытавшиеся провести через Думу постановления с осуждением Казахстана.

Более серьезную опасность для суверенитета и территориальной целостности Казахстана представляла реакция русских на независимость Казахстана, которую можно определить как «голос», то есть протест. Эту реакцию выражали активисты русских и казачьих организаций, возникших в годы перестройки и в постперестроечный период. Для них была совершенно неприемлемой сама идея независимого от России Казахстана. Как отмечают Марлен Ларюэль и Себастьян Пейруз, «казахи считались народом, ассимилированным «русским миром», поэтому с их независимостью было трудно смириться» [7].

Эти авторы указывают, что «большинство русских активистов не могут осознать масштаб социально-по-

литических изменений, принесенных эпохой независимости. Казахи воспринимают русских как славянское меньшинство в своем государстве, в то время как русские организации относятся к казахам как к анклаву внутри более широкой славянской территории... Пытаясь поместить Казахстан в это пространство (России, Украины и Белоруссии), они надеются изменить сложившееся в мире представление о стране и доказать нелегитимность ее независимости – с точки зрения идентичности проживающих на этом пространстве народов... Объединения не скрывают скептического отношения к незыблемости границ новой республики и выступают, в прямой или косвенной форме, за присоединение к России всего государства или его северных областей. Эти ирредентистские устремления опираются на память о русских первопроходцах и убежденность о первоначальной «русскости» Алтая, Урала и района размещения старых казачьих крепостей на севере страны» [8].

Русские и казачьи организации достаточно быстро осознали невыполнимость выдвигаемых ими требований. С течением времени эти требования стали ослабевать, приобретая менее радикальный характер. Организации стали требовать менее радикальную претензию территориальной автономии в составе Казахстана, а затем и просто культурную автономию. Осознав нереальность и этих требований, русские и казачьи организации стали требовать, чтобы Казахстан вошел в союзное государство России и Белоруссии в качестве третьего государства. «Исходя из степени радикальности позиций различных групп внутри движения, можно рассматривать

следующие варианты решения «русской проблемы»: вхождение Казахстана в состав России на правах автономной республики; отделение северной части страны либо только Рудного Алтая; образование признанной на международном уровне территориально-культурной автономии и, наконец, вступление страны в союз России и Белоруссии [9].

Из сказанного можно заключить, что наибольшую угрозу суверенитету и территориальной целостности в 1990 гг. представляли русские и казаки Казахстана. Именно эта сторона реляционного треугольника «независимый Казахстан – русские Казахстана – Россия» артикулировала самую большую опасность для национальной безопасности Казахстана. Другая сторона этого треугольника «русские Казахстана – Россия» стараниями активистов русских движений также представляла опасность для суверенитета и безопасности Казахстана. Активисты русских организаций своими обращениями и петициями к властям России об облегчении предоставления русским Казахстана предоставления российского гражданства пытались представить Казахстан как националистическое государство, проводящее анти-русскую политику. Кроме того, они рассчитывали на то, чтобы Россия оказала давление на Казахстан в пользу федерализации страны [10].

Для Казахстана как национализирующегося государства большое значение в его государственном и национальном строительстве имеет унитарное устройство государства. Хотя Казахстан имеет большую территорию и связанное с этим большое региональное различие, в том

числе в этническом распределении населения, однако ни о какой федерализации речи идти не может. В этом Казахстан видит угрозу своему суверенитету и территориальной целостности. Постсоветская практика показывает, что не только Казахстан, но и другие новые независимые государства реализуют государственное и национальное строительство на основе унитаризма. Только Россия с советского времени продолжает традицию федеративного устройства своего государства.

Идеи федерализма, продвигаемые активистами русских организаций с 1990 гг., относятся не только к административно-территориальному устройству Казахстана, но и к другим социальным сферам. В частности, широкую известность получили требования признания русского языка как второго государственного языка Казахстана. Речь идет о федерализации языкового строительства в Казахстане. Несмотря на признаваемую властью важность русского языка для Казахстана, государство жестко настаивает на языковом унитаризме в стране, даже если он имеет в большей мере статусный характер. Такая же ситуация имеет место в других постсоветских государствах, поскольку власти в них понимают, что любая федерализация, включая и языковую сферу, содержит в себе угрозу национальному суверенитету и национальным интересам государства.

Возвращаясь к реакциям русских на независимость Казахстана, укажем, что его большинство с самого начала выбрало для себя опцию «лояльность» из трехчленной формулы Хиршмана. Лояльность означает признание русскими законности сложившейся социально-полити-

ческой системы в Казахстане и принятие проводимой властью политики в соответствии с логикой этой системы. Русские граждане в той или иной мере признают, что казахи являются государствообразующей нацией Казахстана, и оно (государство) в первую очередь продвигает ее интересы, в частности, казахский язык. Русские признают необходимость изучения казахского языка в школе как обязательного предмета и изучают этот язык в течение всех одиннадцати лет учебы в школе. Проявляя лояльность, русские признают унитаризм государственной и социальной (в частности, языковой) систем Казахстана.

В этом смысле лояльные к Казахстану русские, составляющие большинство русского населения, не представляют угрозы суверенитету и территориальной целостности страны. Вместе с тем практика показывает, что лояльность русских носит пассивный характер, представляя собой, по существу, подчинение существующему порядку.

Обратимся вкратце к третьей стороне реляционного треугольника «независимый Казахстан – русские Казахстана – Россия», а именно к межгосударственным отношениям Казахстана и России в 1990 г. Для Казахстана отношения с Россией всегда имели и имеют приоритетное значение в силу целого ряда причин, в том числе и в силу большого русского населения страны. В отношениях с Казахстаном Россия никогда не пыталась разыграть «русский вопрос», то есть поднять вопрос о положении русских в этой стране. В период 1990 – начала 2000 годов Россия выработала свою политику в отношении соотечественников за границей. «Политика Российской Федерации по отно-

шению к соотечественникам за рубежом состоит в содействии их адаптации в стране проживания, с сохранением ими своей этнокультурной специфики, но также в формировании механизмов их законной и контролируемой миграции в Россию и в достижении оптимального соотношения между этими двумя процессами» [11].

Следуя этой политике, Россия не поддерживала территориальные претензии к Казахстану, высказываемые активистами русских организаций. В 1990 г. во властных кругах Казахстана и в обществе в целом доминировало представление о России как стратегическом партнере, как гаранте суверенитета и территориальной целостности Казахстана. Это представление подверглось определенной эрозии позднее, после 2014 г. Однако и сегодня в казахстанском обществе сохраняется восприятие России как стратегического партнера Казахстана.

Список использованных источников:

1. Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe.* – New York: Cambridge University Press, p. 4-5.

2. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – Алма-Ата, 1991. – С. 7-70.

3. Кадыржанов Р.К. Русификаторская модель культурной интеграции этносов в Казахстане // В кн.: *Культурная интеграция этносов в Казахстане / Кадыржанов Р.К. (отв. ред. и рук. науч. проекта).* – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 220 с. – С. 62-64.

4. Peyrouse, S. *The “Imperial Minority”: An Interpretative Framework of the Russians in Kazakhstan in the 1990s.* Nationalities Papers, vol. 36, no.1, 2008, pp. 105-123. – P. 107.

5. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. – Cambridge (MT) and London: Harvard University Press, 1970.

6. Brubaker, R. 1996. – Nationalism Reframed, pp. 60-69.

7. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с франц. – М.: Наталис, 2007. – С. 308.

8. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане, с. 310.

9. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане, с. 257.

10. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане, с. 309.

11. Основные направления поддержки Российской Федерацией соотечественников за рубежом на 2002 – 2005 годы // Русское слово, 2003, № 1. С. 14. Цит. по: Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане, с. 304.

ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СЕПАРАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

*Карпович Олег Геннадьевич,
Прозорова Галина Константиновна*

Аннотация. Констатируя, что положение национальных меньшинств и проблема сепаратизма не перестает быть актуальной для ряда арабских стран, таких как Ирак, Сирия, Судан, Алжир, в статье кратко рассмотрено состояние национально-вопроса в этих странах на настоящий момент, указаны политические, экономические, социальные, культурно-психологические и исторические центробежные силы, влияющие на степень остроты проблемы этно-национальных меньшинств в многонациональных и многосоставных обществах Арабского Востока.

Значительное внимание уделено активизации сепаратистских тенденций, наметившейся к началу XXI в., и анализу повлиявших на это геополитических (общемировых и региональных) факторов. Среди них стимулирующее воздействие, оказанное обретением государственной самостоятельности рядом этно-национальных групп после окончания «холодной войны» в Европе, Азии и Африке; оказание внешней поддержки сепаратистским требованиям со стороны западных стран и Израиля, когда этнический фактор, весьма уязвимый для манипулирования внешними силами, используют как инструмент давления или слома неговорчивых режимов; ослабление и распад государственности в странах региона, утрата легитимности государственных структур, нарастающая нестабильность.

Указано на разработку, начиная с 1990-х гг., теоретических обоснований этносепаратизма в западной политической мыс-

ли, что создавало концептуальную базу сецессии и почву для пристрастной оценки легитимности конкретных движений на основе «двойных стандартов».

Упомянуты современные теоретические подходы российской науки к проблеме «меньшинства», явлениям «сепаратизма», «сецессионизма», «автономизма», что может быть полезным при анализе и оценке положения и динамики настроений и позиций этно-национальных движений в арабских странах.

Отмечены центростремительные факторы, противодействующие сепаратизму, такие как государственная политика признания за этно-национальными меньшинствами конституционно закрепленных прав и свобод, осуществление мер по социально-экономическому развитию и выравниванию региональных различий, включение меньшинств в единое гражданское сообщество, формирование полиэтничных интегрированных элит.

Кратко рассмотрены отношение властных структур, общества и аналитиков арабских стран к сепаратизму, а также оценки ряда российских исследователей, которые скептически относятся к возможности решить проблему этнических и конфессиональных противоречий путем сецессии или кантонизации.

Делается вывод, что предотвращение перерастания национального вопроса в проблему сепаратизма связано с нормализацией региональной обстановки, восстановлением и укреплением государственности арабских стран, проведением внутренней политики, обеспечивающей реальное обеспечение равных гражданских и политических прав всех этно-национальных групп населения и характеризующейся нюансируемым подходом к предоставлению той или иной формы автономии и самоуправления.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессия, автономизм, кантонизация, национальные меньшинства, элиты, Арабский Восток, Северная Африка, гражданское общество.

* * *

Положение национальных меньшинств и проблема сепаратизма не перестает быть актуальной для ряда арабских стран, являясь одной из причин многолетних гражданских конфликтов и политической нестабильности.

В настоящее время в странах Арабского Востока неарабские этнические общности, которые сохранили не только свой язык, но и многие признаки самобытности (значительно отличающие их от арабо-мусульманского большинства), проживают в основном в Ираке (курды), Сирии (курды), Судане (потомки древних африканских народностей) и в странах Магриба (берберы). Все эти государства пережили ту или иную форму этнического противостояния. В Судане и Ираке наблюдались длительные вооруженные конфликты, берберский вопрос в странах Северной Африки долгое время был завуалирован, но в конце XX в. остро встал в Алжире, поставив под угрозу территориальную целостность государства.

Понятие национального меньшинства и его особенности

В научной литературе признаются, по меньшей мере, два основных признака меньшинства – относительно меньшая численность по сравнению с другими этносами государства, а также их подчиненное, не доминирующее положение.

Отмечается при этом, что население, находящееся на положении национального меньшинства, далеко не везде является таковым по реальной численности. Так, чис-

ленность берберов Марокко колеблется в диапазоне от 45 до 60% населения. В условиях отсутствия демократического государственного устройства численность этнической группы не обязательно связана с ее весом и влиянием в обществе. В этом случае роль может играть не численность группы, а ее эффективный доступ к власти или обеспечивающим власть ресурсам (представительство группы в силовых ведомствах, политической элите, богатство, вооруженность и т.п.)¹.

Существенную роль в положении этно-национальных меньшинств играет их компактное территориальное проживание («территориализация этничности»). Это относится к курдам Ирака и в меньшей степени Сирии, к берберам-кабилам Алжира.

Не менее важной особенностью является трансграничный характер расселения крупных этно-национальных общностей. Многие из них проживают в границах разных, чаще всего соседних, государств. Так, берберы проживают в Марокко (от 45 до 60% населения), в Алжире (25-30%), Тунисе (1-5% населения), Ливии (8-10% населения), Египте, Мавритании². Курды – в Ираке (от 15%), Сирии (около 10%), Иране (от 5%), Турции (от 15%)³. Трансграничность проявляется в глобальном мире в формировании все-

---

¹ Соколовский С.В. Защита прав меньшинств и коренных народов: этноконсалтинг // <http://static.iea.ras.ru/books/Articles/EthnoConsultingSokolovski-libre.pdf>

² Сторонники расширительного видения берберского этноса относят к ареалу их проживания также Нигер, Мали, Буркина Фасо и Канарские острова.

³ Неизвестна их точная численность. «В общей сложности во всем мире их проживает около 20-40 млн: в Турции – 13–18 млн, в Иране – 3,5–8 млн, в Сирии – около 2 млн, в странах Азии, Америки и Европы – приблизительно 2,5 млн» // <https://fb.ru/article/359402/irak-kurdyi-v-irake-chislennost-religiya>

мирных этнических организаций. Так, в 1995 г. при активном участии представителей зарубежных берберских диаспор и внешних спонсоров был учрежден Всемирный конгресс амазигов (ВКА)¹. Делались попытки создания международных курдских объединений – Ассоциации общин Курдистана (2005 г. по проекту А. Оджалана), Международного союза курдских общественных объединений (1994 г.), объединения курдских диаспор мира (проект, обсуждающийся с 2018 г.)².

Проблема национальных меньшинств в отдельных арабских странах на настоящий момент стоит с точки зрения институционального подхода и степени остроты по-разному.

В Ираке в конституции 2005 г. был заложен принцип федерализма и создан Курдский автономный район (КАР). Фактически в трех северных провинциях Ирака сложилось квазигосударство со своей экономикой, системой управления и обеспечения безопасности. В 2017 г. по инициативе президента КАР был проведен референдум о создании независимого государства, результаты которого не были признаны центральным правительством.

В Сирии в ходе конфликта на неподконтрольной центральному правительству территории на севере страны в 2016 г. односторонне была провозглашена Демократическая Федерация Северной Сирии. Власти Сирии назвали создание федеративного региона незаконным. Не был он признан и сирийской оппозицией.

---

¹ Амазиги – самоназвание берберов.

² Ю. Набиев Размышления о курдской диаспоре. В поисках модели // <https://riataza.com/2019/02/03/razmyishleniya-o-kurdskoj-diaspore-v-poiskah-modeli/>

В Судане многолетний конфликт с явным этническим компонентом между Севером и Югом закончился разделом страны и созданием нового государства – Южного Судана в 2011 г. Этнический компонент присутствует и в до сих пор окончательно не урегулированном дарфурском конфликте¹.

В Алжире конституция 1996 г. признала «берберизм» одной из основ алжирского общества наряду с «арабизмом» и «исламом», но язык берберов не был признан вторым официальным языком². Наряду с сохраняющимся там требованием официального признания берберского языка и культуры, возражением против принудительной арабизации и требованием политической демократизации наблюдается радикализация требований, в частности, выдвигаемых Движением за автономию Кабилии (ДАК), выступающем за проект создания суверенного государства кабилов³, как первого шага, по мысли его основателя Ферхата Мхенни, к созданию североафриканского государства амазигов.

В Марокко власти, осознав опасность роста этнических противоречий, с середины 1990-х гг. начали корректировку курса в отношении берберского движения и задействовали немалые экономические, политические,

---

¹ От 50 до 60% населения Дарфура причисляют себя к арабскому этносу (арабо-суданцы). Среди африканских этносов Дарфура наиболее крупной группой являются фур, представлены там и такие этнические общности, как загава и масалит. При этом все этно-национальные общности Дарфура исповедуют общую религию – ислам суннитского толка.

² 10 апреля 2002 г. язык берберов получил статус национального (но не государственного) языка АНДР.

³ См. официальный сайт ДАК // <https://www.makabylie.org/index.php/projet-pour-un-etat-kabyile-p-e-k/>

идейно-культурные и информационные ресурсы для интегрирования берберов в марокканское общество, одновременно пресекая любые проявления берберского партикуляризма¹.

В Ливии берберы представлены двумя этническими группами, берберы-амазиги, относительно компактно живущие в горной местности к западу от Триполи, сыграли не последнюю роль в крушении режима М. Каддафи и пошли по пути организационного оформления своего национального движения.

Сохранение проблемы этно-национальных меньшинств в многонациональных и многосоставных обществах Арабского Востока подпитывается рядом внутренних экономических, политических, социальных, культурно-психологических центробежных факторов:

– отсутствие равноправия граждан, этническая, религиозная, культурная, языковая дискриминация. «Опыт этнических конфликтов последних десятилетий показывает, что любое поражение этнических групп в правах рано или поздно приводят к росту напряженности, к внутренней нестабильности и подрывают основы данной государственности»²;

– различие политических статусов этносов, их неучастие в политической жизни, непредставленность во властных структурах и т.д. («кризис участия»);

– социально-экономические диспропорции в развитии различных регионов наряду с общим обострением

---

¹ Партикуляризм – стремление к политическому обособлению.

² Политическая роль этнических меньшинств // https://ozlib.com/856279/sotsium/politicheskaya_rol_etnicheskih_menshinstv

социальной напряженности и недовольством различных слоев населения политикой, проводимой центральным правительством, своего рода кризисом легитимности власти. Так, российскими исследователями отмечается, что обострение берберского вопроса в Алжире связано с желанием алжирцев привлечь внимание властей к проблеме маргинализации периферийных внутренних социально-политических проблем в стране¹. К этому все чаще добавляется обострение борьбы за природные ресурсы, идет схватка за регионы, богатые природными ресурсами;

– условия глобализации способствовали росту этнического самосознания меньшинств и возникновению «кризиса идентичности» – столкновения этно-национальной (племенной, клановой) и общенациональной государственной идентичностей. Следует отметить, что «кризис идентичности» обостряется в ходе внутренних вооруженных конфликтов. Так, в ходе конфликта в суданском Дарфуре этнический компонент играл все более заметную роль, тогда как до обострения конфликта этнологи отмечали низкие этнические барьеры и расплывчатый этнический идентитет;

– играют свою роль и исторические факторы, связанные как с доколониальной историей этносов, так и с незабытым тяжелым наследием колониализма, кроившего границы в Африке и Азии. Так, неслучайно волну публи-

---

¹ Фурсова Е.Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества // <https://cyberleninka.ru/article/n/berberskiy-vopros-i-problema-samoidentifikatsii-korennogo-naseleniya-severnoy-afriki-na-primere-sovremennogo-alzhirskogo-obschestva> –2018.

каций в арабских СМИ вызвала столетняя годовщина соглашения Сайкса-Пико (2016). Берберы Ливии приводят в качестве исторического аргумента требования автономии тот факт, что регион Нафусы являлся самоуправляющимся районом в период итальянской оккупации (1911–1943), а повстанцы-фур в суданском Дарфуре не забывают исторический опыт собственной государственности – Дарфурский султанат, существовавший с начала XVI в. до 1916 г. В этой связи следует отметить, что исследователи внутригосударственных этнических конфликтов полагают, что их риск повышается почти на 60% в случае, когда этническая группа имела некогда собственную государственность.

В начале XXI в. обозначился рост этнонационализма и сепаратистских тенденций. В научной литературе это связывают с процессом глобализации, развитием современных средств коммуникации, а степень его остроты – с характером государственного устройства, социально-политическими, историческими, этнокультурными, международными факторами.

Среди геополитических (общемировых и региональных) факторов активизации сепаратистских движений в конце XX – начале XXI вв. в арабском мире наиболее существенными представляются:

– ослабление или утрата легитимности государственных структур Арабского Востока, нарастающая нестабильность, хаос на фоне распада государственности. Ярким примером этого является ситуация в Ливии, где после свержения при активном участии внешних акторов режима М. Каддафи и возникшего хаоса были пред-

приняты попытки организационного оформления движения берберов-амазигов. 26 сентября 2011 г. в Триполи состоялся Первый ливийский национальный конгресс амазигов, на котором присутствовали руководители Всемирного конгресса амазигов (ВКА). 12 января 2013 г. в Триполи был созван Форум за конституционные права амазигов Ливии, на котором присутствовали представители ВКА, ЕС, ООН, представители берберов Египта и Туниса. Тогда же было заявлено о создании Высшего совета амазигов Ливии, который, однако, не сумел добиться политического единства берберов Нафусы и берберов Сахары в ходе парламентских выборов февраля 2014 г.;

– влияние, оказанное обретением государственной самостоятельности рядом этно-национальных групп после окончания «холодной войны». С 1990 г. на политической карте мира появилось значительное число новых независимых государств, в том числе Эритрея, провозгласившая независимость от Эфиопии (1993 г.), Южный Судан, отделившийся от Судана (2011 г.). Данные события оказались довольно сильным стимулом для сепаратистов всего мира, и рубеж двух тысячелетий ознаменовался мощным расцветом центробежных тенденций¹;

– отход ряда держав от международно-правового принципа уважения территориальной целостности и оказание внешней поддержки сепаратистским требованиям. Это ярко проявило себя в Судане (отделение Южного Судана в 2011 г.), в выдвигаемых на Западе проектах расчленения Ливии, Сирии, Йемена (на территориаль-

---

¹ Козуева А.Д. Понятие сепаратизма: его сущность, предпосылки и причины возникновения // <https://moluch.ru/archive/111/27913/> – 2016.

но-клановой основе)¹, все более заметной поддержке Движения за автономию Кабилии со стороны Франции. Сепаратистские тенденции поощряются региональными и внешними силами в своих геополитических интересах, в частности, играет роль значение Йемена как важнейшей зоны морских коммуникаций и полюса особой активности Аль-Каиды на Аравийском полуострове, значение Ливии для мировой энергетики, энергетический потенциал Ирака и его соседство с Ираном и т.п. Этнический фактор, весьма уязвимый для манипулирования внешними силами, пытаются использовать как инструмент давления на неговорчивые режимы и их слома.

Так, по мнению египетских политологов А. Эль-Шобаки и И. Наввара, вторжение США в Ирак в 2003 г. явилось пусковым механизмом катастрофического для целостности Ирака этно-конфессионального разлома². В последнее время США развернули масштабную пропаганду в поддержку создания территориального образования под названием «Суннитский автономный регион» в иракской провинции Анбар, что приведет к тому, что Ирак превратится в арену этнического и межконфессионального противостояния³.

Традиционно в рамках своей «периферийной политики» поддерживает любые сепаратистские движения в арабских странах Израиль, достаточно напомнить проблему Юга Судана, поддержку Иракского Курдистана и

---

¹ Сепаратизм возникает не только на этно-национальной почве. Это относится, в частности, к Йемену и Ливии.

² <http://weekly.ahram.org.eg/2008/891/fo1.htm> – April 2008.

³ <https://zen.yandex.ru/media/xdey/ssha-reshili-razdelit-territoriuu-iraka-pered-uhodom-iz-strany-5e7806d8bd50810ac6e79080> – 23.03.2020.

референдума о независимости 2017 г., поддержку радикального Движения за автономию Кабилии в Алжире.

Несомненно, сказывается неопределенность современного международного права. С одной стороны, декларируются принципы нерушимости границ, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, а с другой – выдвигается принцип равноправия и самоопределения народов, что порождает трудноразрешимые противоречия между этими основополагающими положениями.

В послевоенный период долгое время преобладало общее сдержанно-негативное отношение к изменению сложившихся границ (вне контекста деколонизации). Но уже в 1990-е гг. на Западе начинают разрабатываться теоретические обоснования этносепаратизма, даются прогнозы «конца» полиэтнических государств. Усилиями целого ряда политических философов и правоведов в научный оборот вошел теоретический концепт «права на сецессию»¹. Создавалась идеологизированная концептуальная база сецессии и почва для пристрастной оценки легитимности конкретных движений, для «двойных стандартов».

---

¹ Американский ученый, философ А.Бьюкенен выделял четыре случая, которые оправдывают сецессию: постоянное нарушение индивидуальных прав человека; незаконный захват территории независимого государства; односторонний отказ от соглашения об автономии; ситуация краха и распада государства // Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства // <http://old.sakharov-center.ru/publications/sec/default.htm>.

О понятиях «сепаратизм», «сецессия», «автономизм»

Всю совокупность институциональных изменений для решения проблемы национальных меньшинств – культурно-национальная автономия, административная автономия, федерализм, конфедерализм, создание независимого государства (сецессия), вхождение в состав другого государства (ирредентизм) – до недавнего времени определяли как сепаратизм. Такое широкое определение включало любые действия, связанные с политикой и практикой обособления этно-национальных сообществ.

Споры специалистов вокруг содержания понятия «сепаратизм» продолжаются не только на идеологическом уровне, но и на законодательном. Одни включают в данное понятие движения, направленные исключительно на достижение независимости. Другие – не просто стремление к отделению, но и требование создания национально-культурной автономии для своего региона или расширения ее прав и т.д.

Развернутая система теоретического рассмотрения сепаратизма в его многообразии, по мнению российских экспертов, только начала создаваться¹. Обсуждается, в частности, разграничение понятий «сепаратизм» и «сецессионизм» таким образом, чтобы более широкое понятие «сепаратизм» охватывало бы все движения, ставящие своей целью расширение самостоятельности региона в разных его формах, а «сецессионизм» характеризовал бы исключительно борьбу за выход части территории из со-

---

¹ Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности. http://legacy.inion.ru/files/File/APE_2015_1_Narochnitskaya.pdf

става единого государства с целью создания нового независимого образования.

Предлагаются и новые термины, отражающие сложность явления сецессии и его высокую вариативность. Термин «частичная» сецессия предлагается для ситуации, когда центральные власти временно теряют контроль над частью оспариваемого пространства, а термин «побочная сецессия» описывает ситуацию, когда распад государства становится результатом, например, гражданской войны, а не действий сепаратистских движений¹, как это произошло, к примеру, в Сомали.

Введен термин «автономизм» как движение за самоопределение этнических групп и регионов на базе автономии — признания прав региона на самоуправление в рамках существующего государства, закрепленное конституцией или другими правовыми нормами при отсутствии требования полной государственной независимости².

Терминологические тонкости могут быть полезны при оценке положения и динамики настроений и позиций этно-национальных движений в арабских странах. Так, во многих из них протестные настроения колеблются между сецессионизмом (стремлением к созданию

---

¹ Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012.

² Европейские реалии последнего времени дали термин «регионализм», когда неудовлетворенные своим положением этнические и региональные группы выступают за реформы в рамках существующего государственного устройства, добиваясь признания культурной самобытности района, большей экономической самостоятельности в рамках существующей системы государственного устройства. В его основе лежит вовсе не национализм, а самый настоящий прагматизм. // Сепаратизм в Европе: причины, очаги // <https://fb.ru/article/352766/separatism-v-evrope-prichinyi-ochagi>

отдельного независимого государства), федерализмом (стремлением к переходу от унитарного к федеративному устройству государства) и автономизмом (стремлением к повышению степени самостоятельности отдельных территорий при сохранении унитарной модели государства).

Далеко не предопределено, что этно-национальные меньшинства неизбежно являются источником сепаратистских настроений. Существуют центростремительные факторы, противодействующие, нейтрализующие сепаратизм.

– Важную роль играет проводимая государственная политика, признание за этно-национальными меньшинствами конституционно закрепленных прав и свобод, опирающееся на нормы международного права¹, осуществление мер по социально-экономическому развитию и выравниванию региональных возможностей.

– Не менее важен курс на включение меньшинств в единое гражданское сообщество, формирование общегражданских ценностей и идеалов, и что не менее важно – полиэтничных интегрированных элит. Так, применительно к современной Сирии идею интеграции общества на основе национального строительства и патриотизма высказывает российский исследователь А.В. Сарабьев². По этому пути идут и марокканские власти.

---

¹ Защита прав национальных меньшинств на международном уровне на сегодня имеет многостороннюю нормативно-правовую базу, зафиксированную в многочисленных международно-правовых актах.

² Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы в самом деле таковыми являлись // <https://www.ivran.ru/articles?artid=9633> – 2017

– Важно поддерживать заинтересованность ответственных представителей национальных меньшинств в наличии сильных государственных институтов, способных защитить их экономические интересы, создать условия для их участия в политической жизни, содействовать в сохранении их языков и культур.

– Нельзя не учитывать и результаты исторического пути, пройденного современными государствами Арабского мира, в ходе которого формировалась новая национальная идентичность. Так, применительно к Алжиру исследователи полагают, что берберы в большей степени сознают себя частью алжирской нации, нежели берберской общности¹.

Отношение властных структур, общества и аналитиков к сепаратизму

Властные структуры в арабских странах негативно и крайне настороженно относятся к созданию автономий, к федерализму, не говоря уже о сецессии, полагая, что это может оказаться «прикрытием» для последующего расчленения. Так, алжирские власти, частично идя навстречу требованиям кабилы, категорически против автономии, считая, что это грозит нарушением территориальной целостности страны. Проведение референдума о предоставлении независимости в Иракском Курдистане в 2017 г. только усилило эти опасения. Таковую позицию, по нашему мнению, нельзя сводить к авторитаризму и

---

¹ Фурсова Е.Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества.

арабскому национализму, за этим стоит также понимание хрупкости молодых по историческим меркам государств, где не закончен процесс формирования национально-гражданской идентичности, осознание, что мелкие государства, образованные в результате распада, утратят самостоятельность и превратятся в заложников глобального и регионального геополитического соперничества.

Отношение властей разделяется и значительной частью общества. Так, по мнению российского исследователя, кабийский автономизм и сепаратизм признаются угрозой государству не только властями, но и общественным мнением, при том, что сам берберский вопрос вызывает сочувствие¹.

Не случайно, что и среди арабских аналитиков преобладает тревожно-негативное отношение к сецессии и кантонизации арабских государств, что этно-конфессиональные различия, подкрепленные территориальным размежеванием, создают риск распада существующих государств. Так, еще в 2007 г. Х. Эль-Маэйти сотрудник Иракского центра стратегических исследований прогнозировал ослабление центрального правительства и создание идеальной среды для распада страны или создания полунезависимых регионов»². Египетский аналитик И. Наввар полагал, что поддерживаемый США проект создания федерального региона на юге Ирака аналогич-

---

¹ Фурсова Е.Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества.

²<http://english.aljazeera.net/NR/exeres/FC2AB9C8-CD70-4D88-85D7-6D5087A6AB2F.htm> – 26.12.2007.

но федеральному региону в Иракском Курдистане означает фактически превращение Ирака в конфедеративную структуру, что обессилит Ирак как целостность на долгую перспективу¹.

Большинство российских специалистов по этническим конфликтам также более чем скептически относятся к возможности решить проблему этнических и конфессиональных противоречий путем сецессии или кантонизации. Как справедливо отмечает российский исследователь А.В. Сарабьев применительно к Сирии, «эффективность управления такими мини-государствами (политиями) пока исторически не доказана. Их неспособность противодействовать внешним угрозам очевидна. Уязвимость в плане экономической и политической зависимости от доминирующих в регионе мировых держав, также не оставляет сомнений. И главное, снятие межрелигиозной и межконфессиональной напряженности не может быть достигнуто таким образом: все без исключения общины, заключенные в рамки насаждаемых сверху проектов, напротив того, будут на многие десятилетия оставаться носителями разрушительного потенциала социального недовольства и исторической обиды»². Остается добавить, что прецедент изменения государственных границ на Ближнем Востоке – наиболее конфликтном регионе мира – грозит еще более разрушить хрупкую стабильность на этом геополитическом пространстве.

---

¹ <http://weekly.ahram.org.eg/2008/891/fo1.htm> – April 2008

² Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии, которые могли бы называться новыми, если бы в самом деле таковыми являлись.

Предотвращение перерастания национального вопроса в проблему сепаратизма, способную расколоть страны Ближнего Востока и Северной Африки, связано с нормализацией региональной обстановки, восстановлением и укреплением государственности. При этом во внутренней политике государств понятное неприятие сепаратизма должно сопровождаться как реальным обеспечением равных гражданских и политических прав всех этно-национальных групп населения, так и ньюансируемым подходом к предоставлению той или иной формы автономии и самоуправления. Следует согласиться с мнением В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, которые видят «возможности преодоления острого противоборства между меньшинствами, выдвигающими требования автономизации в составе государств, где они живут, и их правительствами, не склонными идти им навстречу и опасющимися сепаратизма», в том числе в достижении компромиссов при содействии «влиятельных внешних акторов» для преодоления «дихотомии унитаризм vs децентрализация»¹.

Такую позицию отстаивает в ближневосточной политике российская дипломатия, твердо выступающая за территориальную целостность государств региона и одновременно работающая над тем, чтобы побудить стороны к переговорам для решения проблемы национальных меньшинств.

---

¹ Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности? // <https://ru.valdaiclub.com/files/31755/>

МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Курганская Валентина Дмитриевна

Введение

Мультикультурализм как идеология и политика межэтнической и межкультурной солидарности утверждает взаимопонимание и взаимоуважение, терпимость и поиск компромиссов, равноправие этнических групп и культурный плюрализм как мировоззренческие идеалы и как нормы повседневной жизни полиэтнического сообщества. Приверженность общечеловеческим ценностям межкультурного диалога и этнической консолидации является духовно-нравственной основой либерального реформирования экономики, построения гражданского общества и правового государства, создания действенных механизмов социальной защиты, демократического разрешения острых социальных проблем. При этом основную роль в утверждении идей мультикультурализма в общественном сознании казахстанцев должна играть национальная система образования.

Целью мультикультурного образования является формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и

---

¹ Это исследование проводилась в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

поликультурной среде, обладающего развитым пониманием своеобразия других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, убеждений и верований. При этом речь должна идти не только о *существовании* и *толерантности* представителей различных этнокультурных общностей, но об их *сотрудничестве* и *консолидации* на основе основополагающих гуманистических ценностей и демократических принципов.

В условиях специфической этносоциальной стратификации казахстанского общества мультикультурное образование не имеет достойных альтернатив. В Республике Казахстан ещё в 1996 году принята Концепция этнокультурного образования, основной идеей которого является создание модели образования, ориентированной на сохранение самобытности этнических групп и одновременно на освоение других культур; на реализацию взаимосвязанных целей: этническую идентификацию и государственную интеграцию. Принятие данной концепции, несомненно, стало важным этапом трансформации национальной системы образования Казахстана, в том числе и в плане повышения методической обеспеченности этнокультурного и мультикультурного образования. Таким образом, в отсутствие системы, собственно, мультикультурного образования национальная система образования РК включает в себя ряд её элементов, развивающихся в рамках программ этнокультурного образования. Между тем в условиях этносоциальной стратификации казахстанского общества речь должна идти именно о мультикультурном образовании.

Модели мультикультурного образования

Мультикультурное образование во многих странах стало неотъемлемой частью культурной политики. В мировой педагогической теории и практике существует ряд моделей мультикультурного образования. По степени интегрированности этнокультурных ценностей в учебные программы их можно сгруппировать в три основных класса:

А. В образовательные программы вводятся курсы истории и культуры, специальные темы и уроки, посвящённые этническим группам. В образовательных учреждениях РК присутствуют элементы мультикультурного образования, соответствующие, как правило, модели «А». В Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2020 - 2025 годы записано: «Основу воспитательной работы составляют нравственное наследие Елбасы – программные статьи «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» и «Семь граней Великой степи». Будет продолжен проект «Ұлы дала мұрагерлері», включающий общереспубликанскую экспедицию «Туған елге тағзым», социальные проекты «Тарих тағылымы» (изучение истории городов и аулов, улиц и личностей, внёсших вклад в развитие государства) и «Қазақ мәдениетінің антологиясы» (изучение национального фольклора через творчество акынов, жырау, күйши). Главная роль отводится педагогическому коллективу организаций образования, который определяет видение и обеспечивает лидерство вобретении обучающимися «морального компаса» – чувства

правильного и неправильного и устойчивых привычек, необходимых для счастливой жизни» [1].

В. Учащиеся изучают историю и современные социальные процессы с точки зрения различных этнических групп [2]. Данная программа ориентирована на развитие навыков активной групповой работы. Отличительной чертой разработанных материалов является отсутствие нравочучений, навязывания готовых мнений, ориентация на диалог по острым, дискуссионным проблемам межэтнических взаимоотношений. На такой модели строится модель образования во многих западноевропейских странах, например, в Финляндии. «Одним из особенно впечатляющих экспериментов является проект «Парус для добра», в рамках которого семья из пяти человек делает парусник своим домом и школой. Отказываясь от традиционных уроков, этот метод основан на том принципе, что мы всё время инстинктивно учимся, поэтому весь мир может стать вашим классом. Семья путешествует по миру и использует каждую страну и получает новые возможности для обучения. Действительно, повседневные занятия и опыт, такие как приготовление пищи, навигация и взаимодействие с различными культурами, могут предоставить уникальные и запоминающиеся учебные материалы с двойной выгодой от обучения важнейшим жизненным навыкам и удовлетворения требований финской национальной учебной программы! Хотя это, пожалуй, наиболее экстремальная сторона обучения на основе феноменов, оно иллюстрирует безграничную возможность для междисциплинарного изучения, которая существует за пределами предметов и классных комнат» [3, с. 65].

С. Этнокультурный компонент образования интегрируется во все преподаваемые предметы – в общественные науки, литературу, искусство, домоводство. Модели «С» соответствует концепция мультикультурного образования в РК на основе «мировоззренческих универсалий», разработанная автором статьи совместно с исследователем Дунаевым В.Ю. На наш взгляд, существуют определяемые культурным контекстом семантические различия в научных традициях, картинах мира, многообразии естественнонаучных и математических стилей мышления, разнообразии форм усвоения и передачи знаний в образовательном процессе. Иными словами, мультикультурализм наиболее последовательно реализуется в применении меж- и трансдисциплинарного подхода к образовательно-воспитательному процессу

В условиях исторически сложившегося в Казахстане многообразия национальных культур задача даже поверхностного ознакомления с особенностями каждой из них в рамках школьной или институтской учебных программ практически невыполнима. Поэтому система мультикультурного образования должна строиться на ином основании, чем изложение обычаев, традиций, нравственных и эстетических представлений каждого этноса, входящего в состав населения республики.

Модель мультикультурного образования должна соответствовать не только особенностям этнодемографической ситуации в Казахстане, но и философски обоснованной концепции человека, культуры и социальности. Несколько лет назад была выдвинута идея «мировоззренческих универсалий» как концептуальной, методологической

и семантической основы образовательно-воспитательного процесса. В мировоззренческих (ценностно-смысловых) универсалиях сконцентрированы основные типы и закономерности любых культурно-исторических и национально-своеобразных форм целостного отношения человека к природному, социальному и личностному миру. Актуализация содержания мировоззренческих универсалий («Мир», «Человек», «Божество», «Душа», «Благо», «Истина», «Красота», «Свобода», «Судьба», «Счастье», «Жизнь», «Смерть», «Страдание», «Вечность» и т.д.) в педагогическом процессе позволит в принципиальном плане решить проблему единого основания мультикультурного диалога как способа приобщения учащейся молодёжи ко всей мировой философской, художественной, научно-теоретической, духовно-нравственной культуре, в том числе и в первую очередь к культуре собственного народа.

Мировоззренческие универсалии присутствуют в любой национальной культуре. Поэтому на их основе становится возможным решение основной задачи мультикультурного образования – способствовать усвоению учащимися знаний о других культурах, уяснению общего и особенного (уникального) в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодёжи в духе уважения инокультурных жизненных ценностей.

На основе логико-семантических структур мировоззренческих понятий может быть построена модель *непрерывного* мультикультурного образования. Ценностно-смысловое освоение мира человеком начинается с самого раннего возраста. По мере взросления изменяется характер и содержание мировоззренческой рефлексии, но ос-

новные категориальные структуры мировоззрения являются инвариантными. Поэтому, начиная с дошкольного воспитания и вплоть до программ высшей школы, в образовательно-воспитательном процессе ведётся раскрытие содержания единых мировоззренческих понятий. В раннем детстве обучение строится на основе материала сказок, моделирования простейших ситуаций, разрешение которых включает в себя опору на мировоззренческие принципы, и т.д. В средних и старших классах мировоззренческому становлению личности отвечает, прежде всего, освоение ценностно-смыслового содержания образов художественной культуры. В старших классах, в вузовских программах мировоззренческие постулаты раскрываются уже на основе научно-философских категорий [4; 5].

Законодательные основы мультикультурного образования

За годы независимости в РК принят ряд важнейших документов, определяющих стратегию развития сферы образования республики. Например, в Законе Республики Казахстан «Об образовании» (2007 г.) содержится комплекс положений, определяющих принципы, цели и задачи системы образования, регулирующих отношения между субъектами образовательного процесса, устанавливающих их права, обязанности, полномочия и ответственность.

Большое значение для развития системы мультикультурного образования имеют задачи, декларированные в Законе «Об образовании» (2007 г.) (с изменениями и до-

полнениями по состоянию на 11.01.2020 г.). Первые пять из поставленных в Законе задач имеют непосредственное значение для этого кластера образования (статья 11):

1) создание необходимых условий для получения качественного образования, направленного на формирование, развитие и профессиональное становление личности на основе национальных и общечеловеческих ценностей, достижений науки и практики;

2) развитие творческих, духовных и физических возможностей личности, формирование прочных основ нравственности и здорового образа жизни, обогащение интеллекта путём создания условий для развития индивидуальности;

3) воспитание гражданственности и патриотизма, любви к своей Родине – Республике Казахстан, уважения к государственным символам и государственному языку, почитания народных традиций, нетерпимости к любым антиконституционным и антиобщественным проявлениям;

4) воспитание личности с активной гражданской позицией, формирование потребностей участвовать в общественно-политической, экономической и культурной жизни республики, осознанного отношения личности к своим правам и обязанностям;

5) приобщение к достижениям отечественной и мировой культуры; изучение истории, обычаев и традиций казахского и других народов республики; овладение государственным, русским, иностранным языками [6].

В Законе (ст. 16 пункт 2) записано, что общеобразовательные учебные программы основного среднего обра-

зования направлены на освоение обучающимися базисных основ системы наук, формирование у них высокой культуры межличностного и межэтнического общения, самоопределение личности и профессиональную ориентацию

В Государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2020 - 2025 годы (Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 988) интеллектуальному, духовно-нравственному и физическому развитию учащихся посвящён раздел 5.1.6, в котором основной упор делается на ценностно-ориентированный подход к обучению и воспитанию [1]. Но если в Законе «Об образовании» речь идёт о развитии и профессиональном становлении личности на основе национальных и общечеловеческих ценностей, то в вышеупомянутой программе акцент делается на национальные ценности. «Во всех школах и колледжах будет реализовываться проект «Құндылықтарға негізделген білім беру», направленный на развитие национальных и семейных ценностей, повышение роли семьи в воспитании детей, а также внедряться новый формат взаимодействия школы и родителей на основе опыта «Білім-инновация» лицеев. Ценностно-ориентированный подход к обучению и воспитанию будет являться неотъемлемой частью всей школьной системы школ, отражающейся в школьном климате, культуре, поведении и отношении всех сотрудников. Данная программа способствует формированию самопознания, саморазвития, социальной ответственности и социализации учащихся. Данная программа предусматривает ин-

теграцию ценностей в содержание учебных программ. В рамках реализации программы будет внедрено повышение квалификации директоров, заместителей директоров, преподавателей, психологов по вопросам внедрения ценностно-ориентированного подхода в обучении» [1].

Скорее всего, именно в опоре на букву данного документа АО «Национальный центр повышения квалификации «Өрлеу» предлагает 190 образовательных программ повышения квалификации педагогов, в задачах которых не обозначен мультикультурный аспект. Среди них есть программы для учителей истории и права, такие как «Национальная идея «Мәңгілік ел» как основа обновления школьного курса отечественной истории», «Научно-методическое обеспечение преподавания истории на этапе социальной модернизации общества», «Воспитание национальным ценностям в контексте идеи «Мәңгілік ел» на уроках технологии» и др., но ни в одной из них не значится в качестве задач приобщение учащихся к культурным ценностям народов, проживающих в Казахстане; формирование позитивного отношения к культурным различиям; развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями разных культур; формирование культуры межнационального общения [7, с. 72]. Справедливости ради отметим, что имеются программы («Национальная идея «Мәңгілік ел» как основа обновления школьного курса отечественной истории» для учителей истории и права), в которых стоит задача – сформировать целостное представление о национальной политике и национальной идее «Мәңгілік ел» в свете стратегических документов и Посланий Первого Президента Республики

Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана, определить возможности применения эффективных педагогических технологий, методов, приёмов, а также элементов народной педагогики для реализации таких задач воспитания, как развитие толерантности, гражданской активности, патриотизма, лидерских качеств [8].

Понятно, что программы направлены на развитие профессиональных компетенций учителей. Однако их задачами должны быть не только приобщение к национальным ценностям (Программа «Воспитание национальным ценностям в контексте идеи «Мәңгілік ел» на уроках технологии» для учителей технологии), но и воспитание через общечеловеческие ценности, поскольку культурно-образовательное пространство должно строиться как часть мирового, на основе диалога культур, их взаимодействия и взаимообогащения [9]. Возможно, что в процессе совершенствования компетенций педагога так и происходит, но этот важный момент необходимо прописывать в программах повышения квалификации, поскольку существует большой запрос педагогов на такие программы. «Педагогическая общественность средних учебных учреждений констатирует, что существует необходимость проведения областным Институтом повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров работы в сфере поликультурного образования, – пишет В.В. Лезина – В связи с небольшим объёмом информации по поликультурному образованию, возможно создание отдельного сайта института, где учителя области могли бы найти информацию по интересующим их вопросам» [7]. Отметим, что об этом автор

писала более 10 лет назад, однако до сего времени нет ни специального сайта, ни специальных программ по поликультурному образованию.

Отношение населения к мультикультурному образованию и воспитанию

В рамках научно-исследовательских проектов Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК проведены социологические опросы с целью выяснения общественного мнения по различным аспектам ситуации в сфере образования и культуры. По итогам опроса, проведённого в 2020 г., выяснилось, что одним из основных разъединяющих этнические общности факторов для большинства респондентов является именно незнание культуры друг друга (таблица 1).

Таблица 1. Что, по Вашему мнению, больше всего разъединяет людей разных этносов (национальностей) в современном Казахстане?

	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность / Смешанное происхождение, / Не могу определить
Незнание культуры друг друга (традиций, обычаев и пр.).	34,9%	30,1%	32,7%
Необъективное (нечестное) освещение истории отношений между народами в учебниках, СМИ, научной литературе и т.д..	18,5%	24,3%	23,8%

Стремление представить свою религию лучше других	19,0%	15,4%	14,8%
Незнание языка друг друга	26,9%	24,6%	23,8%
Территориальные претензии народов друг к другу	8,9%	10,5%	6,7%
Различия в менталитете (взглядах на жизнь)	26,6%	23,8%	23,8%
Требования привилегий (особых преимуществ) для своей национальности	15,3%	18,8%	15,7%
Другое (укажите)	1,1%	2,1%	2,2%
Затрудняюсь ответить	6,2%	7,3%	8,5%
Нет ответа	0,9%	0,8%	1,3%

В социологическом опросе 2019 года у респондентов прослеживается уважение и интерес к культуре других народов Казахстана. При этом заметного расхождения в ответах респондентов различных национальностей по данному вопросу не наблюдается (таблица 2).

Таблица 2. Как Вы относитесь к традиционным культурам других народов Казахстана? (этнический срез)

	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность / Смешанное происхождение, / Не могу определить
Отношусь с уважением (интересуюсь мероприятиями и посещаю их)	57,6%	56,4%	60,2%
Отношусь с уважением, но не проявляю заинтересованности	28,7%	28,8%	23,0%
Использую что-то от других культур в своей жизни	2,7%	4,2%	3,1%

Отношусь нейтрально	9,5%	9,5%	12,8%
Совершенно не воспринимаю, отношусь критично	0,3%	0,0%	0,4%
Затрудняюсь ответить	1,2%	1,2%	0,4%

Абсолютное большинство респондентов всех этнических групп в опросе 2020 года высказывает пожелание обратить внимание соответствующих органов на воспитание культуры межэтнического общения (таблица 3).

Таблица 3. Каковы, по Вашему мнению, наиболее эффективные пути укрепления межнационального согласия в настоящее время?

Необходимо обратить внимание на воспитание культуры межэтнического общения, учитывая многонациональный состав казахстанского общества	88,1%
Надо повышать уровень жизни всех казахстанцев	97,3%
Надо ускорить внедрение казахского языка во все сферы жизни	68,8%
Нужна цензура в СМИ, в том числе и виртуальных, более жесткое наказание за разжигание межнациональной розни	81,2%
Нужен специальный закон о статусе русского как официально употребляемого языка	56,9%
Нужны специальные законы, защищающие права этнических меньшинств	72,1%

Ответы этносов о необходимости воспитания культуры межэтнического общения с учётом многонационального состава казахстанского общества практически не отличаются (таблица 4).

Таблица 4. Необходимо обратить внимание на воспитание культуры межэтнического общения, учитывая многонациональный состав казахстанского общества (этнический срез)

	Казах / казашка	Русский / русская	Другая национальность / Смешанное происхождение, / Не могу определить
Да	86,7%	90,8%	91,0%
Нет	7,1%	4,7%	4,5%
Затрудняюсь ответить	4,7%	3,9%	4,0%
Нет ответа	1,5%	0,5%	0,4%

Информация, полученная в результате проведения фокус-групп в 2021 году в южных областях Казахстана, подтверждает необходимость новых серьёзных подходов к мультикультурному образованию. В своих ответах люди указывали случаи оскорбления на этнической почве:

«Хотя я родилась в Казахстане, мои дети тут выросли, я никогда не чувствовала себя чужой..., но случай в маршрутке заставил меня почувствовать отверженной и чужой... Женщина-казашка спросила, какой я национальности. Я ответила, что турчанка, на что она мне ответила, что мы все – цыгане, что скоро от нас всех избавятся, и сказала много других обидных слов. Я всегда жила здесь и чувствовала, что это моя страна, но после того случая я поняла, что я чужая, мне дали это понять. Я думаю, что они своих детей также воспитывают враждебно к другим национальностям» (турчанка, 60 лет, пенсионерка).

«Со мной случилось нечто подобное. Мы ехали с мамой на такси с города (Алматы) в Талгар. В машине громко игра-

ла музыка. Мы сидели близко к колонкам. Мама попросила водителя сделать громкость потише, потому как мы очень уставшие были. А водителю показалось, что нам не понравилось то, что играла именно казахская музыка. Он просто высадил нас посреди дороги. Бывают, происходят такие случаи» (татарка, 20 лет, служащая).

Объяснение такому конфликтному поведению люди находят в недостаточно эффективном воспитании:

«В Советском Союзе я служил на Дальнем Востоке. Там слышал, что ребята прибывали из Петропавловска. Мы с ними встретились, как родные, обнялись, что было в излишке – всем делились с новобранцами. А сейчас даже два соседа дунганина смотрят друг на друга не так. Это всё воспитание» (дунганин, 50 лет, самозанятый).

«Сегодня мы должны измениться, иначе все наши проблемы заключаются в нас самих и извне никто и никогда не придёт их решать. Полностью поддерживаю слова Имама, сейчас плохое воспитание молодёжи. Хорошее воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это горе-старость» (курд, 50 лет, самозанятый).

«Чтобы искоренить все эти моменты – межнациональные конфликты – надо начинать с детства в школе. Местные власти уделили бы внимание туда. Сейчас хоть учителям стали зарплату больше платить. Надо говорить о дружбе народов. У нас даже пример есть. Например, чемпион Геннадий Головкин. Мы не смотрим там, что он другой национальности. Если у него бой в 4 утра, мы встаем в 4 утра и болеем за него. Но тем не менее есть такие случаи. Это отдельные невоспитанные личности» (казах, 30 лет, рабочий).

Таким образом, мультикультурное образование должно стать необходимым компонентом общего образования, и педагоги вправе выбирать программы, повышающие квалификацию именно в этом сегменте образования. В соответствии с задачами Закона РК «Об образовании» совершенствование профессионального уровня педагогов в области поликультурного воспитания вполне может осуществляться без каких-либо дополнительных законодательных актов в системе повышения квалификации педагогических кадров в Казахстане.

Ряд ответов респондентов позволяет оценить отношение населения к мультикультурному образованию через ценности. Если в 2001 году более половины респондентов (61,9%) назвали общечеловеческие ценностями теми ценностями, на которые должна быть ориентирована система образования, то в 2019 году таких респондентов оказалось ещё больше – 73,9%. «Приоритетность общечеловеческих ценностей в ответах респондентов отражает присутствие в общественном сознании казахстанцев понимания того, что именно эти ценности составляют духовно-нравственное ядро национальной (этнической) культуры» [10, с. 294].

Заключение

Следует подчеркнуть, что до сих пор в республике задачи правовой, институциональной, концептуальной и методической проработки идей мультикультурного образования решались усилиями отдельных инициативных групп. Например, творческой группой в составе: Аргынов А., Дунаев В., Кожаметова К., Султанаева Ш. ещё в на-

чале 2000-х годов была разработана программа развития поликультурного образования в Казахстане «Образование в поликультурной среде: состояние, проблемы, перспективы», был подготовлен соответствующий пакет документов. Итоговый документ разослан всем заинтересованным организациям и лицам. Однако надежды на широкий общественный резонанс Доклада и на то, что он инициирует принятие конкретных мер по созданию в стране действенной системы поликультурного образования, не оправдались. О том, что тема поликультурного образования не потеряла своей актуальности, говорит тот факт, что в рамках Центральноазиатской образовательной программы ВКНМ ОБСЕ в соответствии с меморандумами о сотрудничестве, подписанными ВКНМ ОБСЕ с министерствами образования и профильными организациями стран-участниц, с 15 сентября по 15 октября 2021 г. объявлен конкурс дидактических и методических разработок «Многоязычное и поликультурное образование – путь к мирному и устойчивому развитию». Лучшие работы, отмечается в конкурсной документации, будут опубликованы на вебсайте программы (www.edu-resource.net) и доступны всем желающим для использования в работе.

Как отмечалось выше, в отсутствие системы мультикультурного образования национальная система образования РК включает в себя ряд её элементов, развивающихся в рамках программ этнокультурного образования¹.

---

¹ К основным формам, методам и дидактическим приёмам мультикультурного образования, практикуемым в Казахстане, можно отнести: Клубы интернациональной дружбы; фестивали культуры; дни дружбы; экспедиции, походы и экскурсии по местам, связанным с культурно-историческими достопримечательностями; выпуск газет, теле- и радиопередач, отражающих

Важнейшие принципы и правовые основы для развития мультикультурного образования содержатся в Законе РК «Об образовании». В учебниках и программах основных учебных дисциплин, спецкурсов и факультативов определённое место отведено освещению этнокультурных традиций народов Казахстана. Принципам мультикультурализма отвечает функционирование в республике национальных школ, языковая подготовка специалистов в вузах. Идеи сотрудничества, взаимопонимания народов и культур проводятся в деятельности воскресных школ.

Но идеи и принципы мультикультурного образования являются не основанием, а лишь маргинальным компонентом идеологии государственных органов, проводящих образовательную реформу. Между тем наличие негативных тенденций, разрушающих атмосферу толерантности в казахстанском обществе, свидетельствует о настоятельной необходимости придать институциональный уровень мультикультурному образованию. Поэтому необходима широкая разъяснительная работа, демонстрация преимуществ мультикультурного образования и его роли в возрождении и гармоничном развитии культуры всех этносов страны.

Список использованных источников:

1. Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2020 - 2025 годы. (Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от

культурное многообразие Казахстана и мира; вечера, посвящённые выдающимся представителям казахстанской и мировой литературы, искусства, науки; театральные инсценировки сказок, былин, пьес; конкурсы на лучшего знатока народных обычаев, фольклорных традиций, языка, ремёсел; работа по охране окружающей среды и сохранению памятников культуры, работа кафедр Ассамблеи народа Казахстана, работа научно-экспертных групп.

27 декабря 2019 года № 988). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> Дата обращения 24.08.2021.

2. Аргынов А.Х., Жумаканова Р.А. Мы – народ Казахстана: Руководство по организации мультикультурного образования в средней общеобразовательной школе. – Алматы: Научно-информационный центр гражданского образования, 2001. – 172 с.

3. Ванхемпинг Э.Г., Новак М.А. Инновационные практики и гражданские инициативы в образовании поколения Z. – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. – 246 с.

4. Курганская В.Д. Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий. – Алматы: КазГАСА, 2000. – 227 с.

5. Дунаев В.Ю., Курганская В.Д. Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии. – Алматы: ИФиП МОН РК, 2010. – 410 с. Книга I. Метафизика всеединства как учение об онтологическом самоопределении человека.

6 Закон «Об образовании» (2007 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.01.2020 г.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319>_ Дата обращения 24.08.2021.

7. Лезина В.В. Развитие поликультурного образования в Республике Казахстан // Современные наукоёмкие технологии. – 2008. – № 3. – С. 72-76.

8. Об утверждении образовательных программ курсов повышения квалификации. URL: <http://orleu-edu.kz> Дата обращения 24.08.2021.

9. Палаткина Г.В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования: автореф. дис.... докт. пед. наук. – М., 2003. – 37 с.

10. Дунаев В.Ю., Курганская В.Д. Политико-идеологический контекст формирования казахстанской идентичности // Қоғамдық сананы жаңғырту міндеттері аясындағы қазақстандық бірегейлікті қалыптастыру: 2 кітап. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 2. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. – С. 257-303.

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ГРУЗИЯ

Мацаберидзе Малхаз

Введение

Идея политического участия является центральной для демократии, которая основана на максимальной включенности народа в управление. В Грузии этнические меньшинства составляют 13,2% населения. Более конкретно, на основании переписи населения, проведенной в ноябре 2014 года, этнический состав населения страны выглядит следующим образом:¹

Национальности	Всего (тысяч)	Процент
Общее количество населения	3713,8	100,0
грузины	3224,6	86,8
азербайджанцы	233,0	6,3
армяне	168,1	4,5
русские	26,5	0,7
осетины	14,4	0,4
езиды	12,2	0,3
украинцы	6,0	0,2
кистинцы	5,7	0,2
греки	5,5	0,1
ассирийцы	2,4	0,1

¹ Данные Национальной службы статистики Грузии - http://census.ge/files/results/Census%20Release_GEO.pdf; Перепись не проводилась на оккупированных территориях.

другие	14,3	0,4
Отказ на ответ	0,6	0,0
Не указали национальность	0,5	0,0

В условиях демократии этнические меньшинства должны иметь такое же право участия в политической жизни, как и большинство. Много пишут о том, что политическое участие этнических меньшинств в государственных структурах (центральных и местных) страны не соответствует их доле в населении. Одним из препятствий на этом пути считается слабое владение государственным языком компактно проживающими в регионах меньшинствами (в основном азербайджанцами и армянами).¹

Создаются дополнительные гарантии для того, чтобы эти группы могли пользоваться теми же правами участия, какими пользуется большинство населения.² Рамочная конвенция Совета Европы обязывает стран-участников создать соответствующие условия для эффективного участия меньшинств. Конвенция не уточняет, что подразумевается в соответствующих условиях, хотя в объяснительной записке отмечается, что 15-я статья ставит целью поощрять реальное равенство этнических меньшинств с большинством.³

Консультативные механизмы, созданные для этнических меньшинств, являются одним из признанных меж-

¹ Исследование участия этнических меньшинств в политической жизни. Тбилиси, 2019 - Analytical-Report-ISSA-GEO.pdf; Analytical-Report-ISSA-GEO.pdf; Этнические меньшинства в муниципальных органах Квемо Картли. Тбилиси, 2016 - Minorities-in-Kvemo-Kartli-Municipal-Administrations_ -research-presentation-16092016.pdf;

² Позитивные механизмы поддержки политического участия меньшинств. Обзор международного опыта. Тбилиси, 2020 - GEO_1622121107.pdf.

³ Право участия меньшинств и стандарты рамочной конвенции Совета Европы. Тбилиси, 2021 - 1617352162.pdf.

дународными структурами и государственной практикой важных средств усиления политического участия.¹

Модели и структура консультативных механизмов

Консультативные механизмы, созданные для этнических меньшинств, имеют существенное значение для отражения в политической повестке дня нужд, прав и интересов этнических меньшинств, а также усиления их влияния на процесс принятия решений. Основываясь на практике и опыте различных стран, в литературе выделяют четыре модели консультативных механизмов: 1. Механизмы совместного решения; 2. Консультативные механизмы; 3. Координационные механизмы; 4. Механизмы самоуправления меньшинств:²

Механизм консультативной модели	Краткая характеристика
Механизмы совместных решений	Консультативные механизмы интегрированы в структуры исполнительной и/или законодательной властей. Консультативные советы меньшинств имеют право представить свои соображения по тем законодательным инициативам, которые представляют для них особый интерес. Если принятие закона невозможно минимум без таких консультаций, можно говорить о мягких формах совместных решений. Более сильной формой совместного решения можно считать случаи, когда консультативные советы меньшинств могут наложить вето на определенные решения или же представить законодательную инициативу. Кроме этого, консультативные советы меньшинств сами могут быть наделены правом принятия решений. Это происходит в случаях, когда консультативные советы имеют специальное финансирование и программы – хотя и в рамках, установленных центральными властями, но решение об их исполнении принимается советом.

¹ Политическое участие меньшинств. Тбилиси, Центр социальной справедливости, 2021 - 1623072969.pdf

² Политическое участие меньшинств. Тбилиси, Центр социальной справедливости, 2021 - 1623072969.pdf

<p>Непосредственно консультативные механизмы</p>	<p>Несколько моделей консультативных механизмов были внедрены в практику:</p> <ul style="list-style-type: none"> - По первой модели, консультативные советы в основном самоорганизованны, состоят из организаций, представляющих меньшинства и стараются представить перед парламентом и правительством интересы и нужды своей общины. Эти советы сами определяют модель консультативного совета, его членов, методы работы и активности. В подгруппе первой модели также имеются в виду советы, которые созданы конкретными этническими группами, т.е. не являются интерэтническими по составу. В основном они объединяют разные представительные организации, работающие на одну этническую группу. Они могут иметь прямые контакты с правительством, могут также назначать представителя, который будет членом консультативного совета, наряду с представителями других этнических групп. - Во второй модели консультативных советов представители правящих кругов и этнических меньшинств представлены в одном пространстве, что дает этническим меньшинствам возможность непосредственного контакта с высокопоставленными государственными персонами. Такие консультативные советы, как правило, существуют при аппарате президента или премьер-министра; министерство или другое ведомство, координирующее вопросы этнических меньшинств, может существовать также и отдельно. - Третья модель подразумевает, что министры и представители государственных ведомств входят в состав консультативного совета. Совет открыт для представителей меньшинств. Как правило, эта модель не работает на практике – она становится больше похожей на координационный механизм на уровне правительства, чем на реальную консультативную структуру.
<p>Координационные механизмы</p>	<p>Координационные механизмы не имеют консультативного назначения в прямом смысле слова, они объединяют представителей разных министерств с целью проведения координированной политики интеграции. Периодически (не часто) эти координационные советы представляют информацию гражданскому сектору и организациям меньшинств, проводят консультативные рабочие встречи. Это не консультативные механизмы в классическом понимании, так как представители меньшинств не могут воздействовать на принятие решений.</p>

Механизмы самоуправления меньшинств	Такие механизмы предоставляют меньшинствам возможность контролировать и принимать решения по внутренним делам своей группы. Таким образом, меньшинства могут достичь функциональной или культурной автономии на национальном, региональном и местном уровнях. В таком случае национальные советы функционируют как исполнительные органы в конкретной культурной автономии.
-------------------------------------	---

Консультативные механизмы в Грузии

На сегодняшний день в Грузии консультативные механизмы этнических меньшинств представлены в виде нескольких структур:

Совет этнических меньшинств при офисе народного защитника (омбудсмана) – является основным консультативным механизмом для этнических меньшинств страны. Он функционирует с 2005 года. В Совет входят более 80 организаций, работающих над вопросами этнических меньшинств. Совет представляет собой демократическую, автономную платформу, ее существование при народном защитнике – важная гарантия ее институциональной независимости. Основными задачами Совета являются:

1. Поощрение консультаций и диалога между этническими меньшинствами и властями;
2. Представление рекомендаций и предложений в процессе разработки политики и программ, связанных с этническими меньшинствами;
3. Своевременное реагирование на нарушение прав меньшинств и на возникновение конфликтных ситуаций;
4. Подготовка рекомендаций для народного защитника и других должностных лиц.

Совет этнических меньшинств сыграл значительную роль в разработке стратегии гражданского равенства и интеграции,

а также планов действий и в процессе их мониторинга. Также, большую роль играет Совет в выявлении вызовов, стоящих перед этническими меньшинствами. Согласно правилу, установленному законом, Совет не включен в парламентскую деятельность и в принятии решений по важным вопросам, связанным с правами человека и политикой.

Правительственная комиссия по вопросам примирения и гражданского равенства при аппарате государственного министра – в сущности, это не консультативный орган, а структура с координационным мандатом. В его состав входят представители центральных государственных ведомств и самоуправлений. Основные задачи комиссии: а) Координация и содействие государственной стратегии и плана действия по гражданскому равенству и интеграции; б) Отчет и оценка выполнения государственной стратегии и плана действия по гражданскому равенству и интеграции; в) Подготовка предложений и рекомендаций в связи с государственной стратегией и планом действия по гражданскому равенству и интеграции; рассмотрение актуальных вопросов процесса гражданской интеграции. Государственная комиссия организует различные рабочие тематические группы, которые периодически собираются по инициативе самого аппарата, т.е. они не функционируют на регулярной основе.

В январе 2019 года сформировался *Консультативный совет по вопросам примирения и гражданского равноправия при аппарате государственного министра*. В него входят представители этнических меньшинств и экспертных кругов. Мандат и функции Совета, также как и регламент

постоянной и систематической работы не определены на законодательном уровне. Члены Совета определяются личным решением министра.

Консультативные механизмы меньшинств на уровне самоуправления. В отдельных регионах, где компактно проживают меньшинства, при аппарате государственного уполномоченного созданы советы, которые совмещают функции гражданской включенности и не предназначены как консультативные механизмы меньшинства. Они не собираются регулярно, их мандат не определен. В регионах компактного расселения меньшинств не существует отдельных консультативных механизмов, которые превратились бы в платформы проведения на местах политики, ориентированной на их нужды и права, а также интеркультурного диалога.¹

Заключение

Можно сказать, что в политической системе Грузии консультативные механизмы в основном существуют в форме самоорганизации (Совет этнических меньшинств при народном защитнике) или в виде рабочих групп при конкретных ведомствах; у них нет постоянного и институционализированного диалога с высшими органами законодательной и исполнительной властей.

Эксперты и неправительственные организации, работающие над проблемами этнических меньшинств, критикуют существующее в Грузии положение и отмечают,

---

¹ Политическое участие меньшинств. Тбилиси, Центр социальной справедливости, 2021 - 1623072969.pdf

что представительной, регулярной и устойчивой платформы этнических меньшинств не существует не только на уровне парламента и правительства, но и на уровне аппарата государственного министра, который бы регулярно слушал их отчеты. Следовательно, они считают нужным более широкое использование международного опыта в этой сфере. Первостепенной задачей признается наличие определенных законодательством обязательств со стороны парламента и правительства иметь регулярные, открытые и демократические консультации с Советом этнических меньшинств при народном защитнике, когда принимаются решения по важным вопросам политики и прав человека.

Список использованных источников:

1. Данные Национальной службы статистики Грузии – http://census.ge/files/results/Census%20Release_GEO.pdf.
2. Исследование участия этнических меньшинств в политической жизни. Тбилиси, 2019 - [Analytical-Report-ISSA-GEO.pdf](#); [Analytical-Report-ISSA-GEO.pdf](#).
3. Позитивные механизмы поддержки политического участия меньшинств. Обзор международного опыта. Тбилиси, 2020 - [GEO_1622121107.pdf](#).
4. Политическое участие меньшинств. Тбилиси, Центр социальной справедливости, 2021 - [1623072969.pdf](#)
5. Право участия меньшинств и стандарты рамочной конвенции Совета Европы. Тбилиси, 2021 - [1617352162.pdf](#).
6. Этнические меньшинства в муниципальных органах Квемо Картли. Тбилиси, 2016. [Minorities-in-Kvemo-Kartli-Municipal-Administrations_-research-presentation-16092016.pdf](#)'.

ИНТРОСПЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕЛАХ АЛМАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЮГА КАЗАХСТАНА

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич

Летом 2021 г. сотрудниками Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК были проведены фокус-групповые исследования в местах компактного и смешанного проживания этносов в селах Алматинской, Жамбылской и Туркестанской областей.¹ Основной целью данного исследования стало получение ответов на вопросы: относительно социального самочувствия сельчан; наличия «обратной связи» с местной властью; соблюдения языковой политики и обучения населения государственному языку; состояния межэтнических отношений и влияния на него различных внутренних и внешних факторов, таких как: межгрупповая и межэтническая дистанцированность – закрытость, изолированность, открытость; наличие этнических стереотипов, конфликтогенность; влияние на качество жизни – языковой политики, этнокультурной и межэтнической ситуации, трудовых отношений, социальных тревог и ожиданий.

---

¹ Это исследование проводилось в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №АР09259790 «Мониторинг как метод исследования и прогнозирования динамики этносоциальных процессов в Республике Казахстан»).

Мониторинг показал, что межэтнические процессы в крупных селах Алматинской области протекают в достаточно конструктивном русле, толерантные отношения между основными этническими группами, по-прежнему сохраняются.

На вопрос: «Существуют ли в вашем населенном пункте конфликты на межэтнической почве?» были получены в основном отрицательные ответы:

Русская, бухгалтер, жительница Узынагаша, 32 года. *Нет у нас в Узунагаче нет такого, может где в отдаленных поселках нашего округа.*

Русский, инвалид-безработный, житель Узынагаша, 52 года. *Родился тут, всю жизнь здесь живу, а такого не слышал.*

Казашка, бухгалтер, жительница Узынагаша, 43 года. *Я сама не сталкивалась.*

Казах, водитель, житель Каскелена, 30 лет. *Межнациональных проблем нет. Все дружные, все друг другу в гости ходят, на всякие там мероприятия.*

Уйгур, автослесарь, житель Каскелена, 26 лет. *Я родился в Казахстане, меня все устраивает, я никогда не чувствовал и не сталкивался с какими-либо национальными проблемами. У нас на работе в автобусном парке все казахи, есть лишь два уйгура и один русский. Мне хорошо здесь. Меня никто ничем не притесняет.*

Тем не менее, по-прежнему, существует целый ряд факторов, которые способны негативно отразиться на межэтнических отношениях, взаимодействии этнических групп с властью и, в конечном счете, на стабильности казахстанского общества. К их числу в первую очередь

относятся социально-экономические, управленческо-правовые и культурно-образовательные факторы. Выводы нашего исследования также базируются на анализе социальной информации, полученной в ходе мониторинга этносоциальных процессов в южных областях Казахстана – Алматинской, Жамбылской и Туркестанской, включавшего в себя фокус-группы, формализованные интервью, экспресс-интервью, методы визуальной социологии, биографические методы, анализ СМИ и интернет-сайтов Казнет.

В ходе проведенного исследования выяснилось, что одной из основных причин проблем субъективной сферы межэтнического взаимодействия, с которыми сталкивается государство и его граждане в своей повседневной жизни, является тот факт, что культурный и идеологический плюрализм, вместе с положительными тенденциями по возрождению этнических культур в исследуемом регионе позволил развиваться и нигилистическим тенденциям отношения к устоявшимся мировоззренческим ценностям общества. Казахстанское общество в целом пока не обрело противоядия против радикальных форм отчуждения личности и самоизоляции отдельных групп общества, в том числе и этнических. Яркий пример тому – кордайские события 2020 года.

Анализ социальной информации, полученной из различных источников, позволил выделить ряд индикаторов напряженности в межэтнической сфере; большинство из них остаются актуальными на протяжении многих лет проведения мониторинга сотрудниками ИФПР КН МОН РК. Это:

- социально-экономические проблемы;
- языковой вопрос;
- проблемы адаптации этнических репатриантов и внутренних мигрантов;
- образование этнических меньшинств;
- представительство этнических меньшинств во властных структурах.

Следует признать, что в местных сообществах наблюдаются процессы партикуляризации сферы общественного сознания по этнокультурному и мировоззренческому признакам. Значительный сегмент казахстанского общества стоит на позициях казахского традиционного мировосприятия, другая часть на позициях русско-советского мировосприятия. Причем вторую позицию разделяет значительная часть казахов, и не только русскоязычных. И, наконец, третий сегмент общества ориентированный на западные, рыночные ценности – пока не такой многочисленный, но имеющий определенную тенденцию к росту, в первую очередь, из-за стремительной урбанизации населения страны.

Следует констатировать, что все этносы Казахстана в целом пользуются такими же правами, как и коренной этнос – казахи. Однако в некоторых этнических общинах на протяжении многих лет сохраняются одни и те же проблемы, вызывающие скрытое недовольство представителей этих этнических групп. Мы обратили особое внимание на субъективные ощущения трех самых многочисленных нетитульных этносов Республики Казахстан и дунган, оказавшихся в эпицентре кордайских событий.

Русские

Результаты проведенных интервью и фокус-групп показывают достаточно высокую идентичность оставшихся русских с той местностью юга Казахстана, в которой они проживают. Но это скорее не национальная, а региональная по своему содержанию идентичность. Неопределенность с идентичностью русских Казахстана диктует неопределенность их отношения к Казахстану и России, неопределенность их жизненных стратегий – «оставаться / уезжать?», «изучать государственный язык и интегрироваться в казахское окружение / не изучать язык, надеясь на продолжение политики межэтнического единства и официального двуязычия?» и т.д.

Русский, инвалид, безработный, житель Узынагаша, 52 года. *Русских в Узунагаче ниже 10 %, раньше очень много было. А казахов становится больше. Раньше в советское время, когда я был маленьким, казахов было меньше. В основном они жили в аулах. Были еще немцы. Кому делать нечего те поуезжали.*

Русская, бухгалтер, жительница Узынагаша, 32 года. *У нас здесь была семья русская крепкая, зажиточная и занимались этим... пчеловодством. Мерзликины. Хорошо жили, никто их не притеснял. Потом они все продали, тракторы и еще кое-что из техники с собой забрали. Поехали в Россию. А там местные русские им сожгли все из зависти. Дом и трактора сожгли. Зачем уехали, ради чего?!*

... С одной стороны, мы боимся, что совсем уберут русский язык с делопроизводства и со всего остального. С другой стороны, если ты знаешь казахский, ты можешь работать

где угодно. Если русский знает казахский язык, то его все сразу поддерживают и относятся с уважением.

Одна часть местных русских настроена на выезд в Россию сейчас или в ближайшее время. Другая часть русских намерена оставаться в Казахстане. Многие из них, выросшие в селах, знают казахский язык, работают в дорожной полиции, бухгалтериях акиматов, почтовых отделениях и других госучреждениях. Но у всех остаются опасения о возможности резкого изменения в перспективе нынешнего курса Елбасы и президента Токаева на сохранение межэтнического согласия.

Узбеки

По результатам исследования Центра политических исследований ИФПР КН МОН РК в 2021 г, проведенного в самом густонаселенном районе Туркестанской области Сайрамском районе, где основную часть населения (98%) составляют узбеки, главной проблемой для жителей остаются социальные факторы, проблемы образования и земли. Жители района требуют от местных властей, чтобы им выдали земли для строительства жилья, которого не хватает.

По мнению большинства опрошенных узбеков, этнических проблем у них нет, права различных этнических групп не ущемляются. Проблемы казахов и других этнических групп приблизительно одинаковы. В повседневной жизни жители Сайрамского района свободно используют родной язык. Но, по мнению респондентов, основными проблемами являются: отсутствие газет и пе-

редач на узбекском языке на местных телеканалах, трудности для узбекских выпускников школ.

Узбек, житель Сайрамского р-на, 62 года. *У нас здесь дети учатся на узбекском языке. С этого года в школах открылись по одному классу на русском и казахском языках. Это очень нужно, потому что дети, когда заканчивают школу, уезжают в города, где обучение на русском и казахском языках. Если они не знают русского и казахского языка, как они будут дальше учиться?*

Узбеки вышли по численности на третье место среди этносов РК и являются одним из наиболее интегрированных этносов страны. Несмотря на редкие инциденты не массового характера, казахстанские узбеки и казахи в целом, традиционно бесконфликтно взаимодействуют друг с другом.

Уйгуры

Тем не менее, было бы неверно видеть отношения казахов с тюркскими народами-единоверцами как стабильно дружественные и бесконфликтные. Свидетельством тому – не всегда простые отношения казахов и уйгуров, осложняющиеся памятью о межэтнических инцидентах в Чилике, Чундже и недавно в селе Пенжим Алматинской области. В социальных сетях во время обсуждения вопроса о взаимоотношениях уйгуров и казахов, часто обнаруживается негативное, стереотипное отношение казахов к уйгурам. Бытовые ссоры и драки молодежи вызывают широкий общественный резонанс и возводятся националистами обоих этносов в ранг межэтнического противостояния.

В наших исследованиях 2021 г. в Чилике, местные уйгуры отмечали, что живут с казахами мирно и бесконфликтно. Все уйгуры в совершенстве знают родной и казахский языки. Притеснений со стороны власти и местных казахов ими почти не отмечается. Но следует признать, что, тем не менее, латентные бытовые конфликты между казахами и уйгурами случаются достаточно регулярно, о чем свидетельствуют мнения респондентов:

Уйгурка, жительница Чилика, 58 лет. *Подобные конфликты зачастую встречаются в селах, где большинство населения составляют уйгуры. Туда не запускают чужаков. Они не привыкли жить мирно с казахами, как мы, например.*

Дунгане

Дунгане Жамбылской области находятся в полной неуверенности в отношении собственного будущего в Казахстане. Более преобладающими можно назвать миграционные настроения с возможной перспективой эмиграции в Кыргызстан или дальше зарубежье.

Интервьюер: *Как Вы себе представляете будущее дунган в Казахстане?*

Дунганин, пенсионер, житель с. Масанчи, Кордайский район: *Сейчас ничего не могу сказать о будущем. Аким обещает, что стабильно будет.*

Интервьюер: *Какая стабильность?*

Дунганин, пенсионер: *Нас не тронет и всё.*

Интервьюер: *Вы бы хотели бы переехать в другой город, либо другую страну?*

Дунганин, учитель, житель с. Жалпактобе, Жамбылский район: *...После февральских событий, откровен-*

но говоря, да! Уже есть в голове мысли как бы наталкивает, да, то что наверное, где-то, что-то поменять обстановку. Но, в общем нет. Потому что я патриот своей страны...

В ходе проведенных углубленных интервью наиболее рельефно высветилась проблема языковой и культурной изоляции дунган, несмотря на единую с казахами религию, которая не смогла стать интегрирующим фактором и помочь преодолеть межкультурные и языковые разногласия, и присутствующие еще с советского периода – традиционную закрытость дунган и некоторое отчуждение между двумя этносами.

Социальные проблемы

Основным фактором, вносящим дезинтеграцию и напряженность в казахстанское общество, является сложное материально-экономическое положение казахстанцев, обусловленное кризисным состоянием экономики на фоне пандемии Ковид-19. Вследствие резкого роста потребительских цен увеличивается количество бедных. Основной статьей расходов населения становится приобретение повседневных продуктов, товаров и услуг. Главный конфликтный потенциал несет сфера трудоустройства, безработица и инфляция. Так, в Туркестанской области и г. Шымкенте всех волнует дороговизна продуктов, лекарств, повышение расходов на коммунальные услуги, невозможность приобретения собственного жилья или земельных участков. Многие респонденты отмечают равнодушие властей к их проблемам, засилье коррупции и nepотизма.

Языковые и образовательные проблемы малых этносов

Отмечают остроту языковой проблемы в основном респонденты из числа этнических меньшинств, поскольку в национальных школах (узбекских, уйгурских, таджикских) преподавание ведется на национальном языке, а ЕНТ выпускникам этих школ приходится сдавать на казахском или русском языке.

Большинство опрошенных респондентов поддерживает языковую политику государства. Хотя государственный язык в полной мере еще не стал средством интеграции в казахстанское общество, но становится больше молодежи обучающейся на казахском языке на всех уровнях образования. Уйгуры и узбеки в подавляющем большинстве владеют казахским языком. Что касается русских, процент владеющих государственным языком, по-прежнему остается очень небольшим. Исключение составляют редкие русские семьи, живущие в аулах в казахской среде.

Русская, бухгалтер, жительница Узынагаша, 32 года.

У меня есть несколько друзей, которые живут в Актереке, в этих поселках подальше. Они русские, они хорошо знают казахский. Потому что там все разговаривают на казахском. Если так разобраться, например, кто приезжают в Германию, туда, где точно нет другого языка, они из безысходности начинают учить. А здесь все равно какой-то есть выход, скажем по закону двуязычие, должны нам ответить на русском языке. Я думаю, что рано или поздно все заговорят на казахском языке.

Появилась тенденция, что родители стремятся определить детей в полиязычные или русские школы. В Турке-

станской области определенный вклад в укрепление новой тенденции внесла узбекская община, которая переориентировала часть своих детей с родного языка обучения на русский. Но все же решающее влияние оказало то обстоятельство, что многие казахи стали чаще отдавать предпочтение получению образования на русском языке [1].

Образование этнических меньшинств пока что не является проблемой, которая вызывает резкий рост напряженности в казахстанском обществе. Во всех школах страны, в том числе и национальных, осуществляется полиязычное образование. Тем не менее, все больше национальных школ превращается в смешанные с обучением на казахском языке, что вызывает публично не озвучиваемые вопросы и настороженность у казахстанцев из малых этнических групп.

Уйгурка, учительница, жительница села Масак, Чиликского сельского округа, 58 лет. *В нашем селе не было и нет уйгурской школы. Все мы учились в казахской школе. На уйгурском языке мы разговариваем только в быту. Употреблять этот язык в творчестве или ином поприще мы не можем. Также мы не можем отправлять своих детей в уйгурские школы, которые есть у нас в районе, поскольку далеко и в будущем ребенку он не понадобится. Все ВУЗы и колледжи требуют знания государственного языка. Поэтому, мы детей отправляем в казахскую школу.*

Информация, полученная в результате проведения формализованных интервью и фокус-групп сотрудниками Центра политических исследований ИФПР КН МОН РК в 2021 году в южных областях Казахстана, свидетельствует о поддержке представителями этнических групп

системы поликультурного образования. В частности, такого ее важнейшего аспекта, как би- и трилингвизм преподавания учебных дисциплин в школах.

Кандасы: проблемы общественной интеграции

В ходе проведенных интервью выяснились интересные особенности восприятия сельчанами Алматинской области комплекса вопросов межэтнического взаимодействия. Одним из неожиданных аспектов исследований вопросов межгруппового взаимодействия стал выход дискуссий на проблему внутриэтнических отношений в казахской среде, а именно, между местными, коренными казахами и казахскими этническими репатриантами – кандасами¹. Как известно, процесс миграции казахских репатриантов иммигрирующих из ближнего и дальнего зарубежья в Казахстан регулируется «Законом Республики Казахстан о миграции населения» (далее – Закон) от 1997 года, дополненным в 2011 и 2021 гг. При всей общечеловеческой, гуманистической направленности Закона, сфокусированного на решении целого ряда общегосударственных задач, начиная с восстановления молодой Республикой Казахстан исторической справедливости в отношении потомков жертв голода, политических репрессий и т.д., и заканчивая решением задач по сохранению и развитию человеческого капитала и ресурсного потенциала страны, в нем невозможно было предумы-

---

¹ Президент Токаев предложил отказаться от термина «оралман», заменив его словом «қандас». *Informburo.kz*, 19 сентября 2019 – <https://informburo.kz/novosti/tokaev-predlozhit-otkazatsya-ot-termina-oralman-zameniv-ego-slovom-andas-95807.html>

треть все перипетии интеграции кандасов в казахстанское общество.

Важнейшим субъективным фактором, объясняющим противоречивое, а зачастую и негативное отношение местного населения к казахским репатриантам, является языковой и межкультурный барьер между представителями местных казахоязычных и русскоязычных старожилов, с одной стороны, и кандасами с другой. В местных казахах кандасов возмущает недостаточное соблюдение народных традиций, отсутствие религиозности и знания государственного языка, которые на их взгляд присущи им самим как носителям истинной казахскости. Взаимное непонимание, а порой и открыто высказываемая нетерпимость порождают массовые конфликтные ситуации бытового характера, рост которых должен настораживать органы власти.

Респонденты из числа коренных жителей Каскелена, Талгара, Чилика и Узынагаша описывают недавние конфликтные ситуации на бытовой межэтнической почве:

В кафе: «Таксисты – оралманы в оскорбительной форме сделали замечание моему другу детства-казаху: Сам казах, а с русским общаешься, еще и на русском языке. Друг набросился на них, мол, кто вы такие!? Понаехали! Учить меня будете, с кем дружить и на каком языке мне говорить! Завязалась потасовка, пришлось вмешаться. После этого случая надолго остался неприятный осадок в душе» (русский, электрик, житель Каскелена, 46 лет);

В общественных местах: «Пьяные молодые люди – оралманы обзывают уйгуров: «Эй, чокай!». Это головной убор. Его уйгуры не носили. Не знаю почему так обзываются? С появлением оралманов появилось такое деление. Они намутили

воду. Не могут вести себя прилично» (**казашка, пенсионерка, жительница Чилика, 76 лет**);

На базаре: Торговцы говорят: «Все тут для казахов – не для вас!» Я думаю, что все идет от приезжих, они здесь все базары захватили. Я и мои предки родились здесь и с местными казахами никогда такого не было» (**чеченец, безработный, житель Узынагаша, 21 год**);

В такси: «Таксист – казах высадил из своего такси в темноте на трассе меня с мамой за просьбу уменьшить сильную громкость казахской музыки» (**татарка, госслужащая, жительница Талгара, 20 лет**).

Как видно, назревшие проблемы проявлялись на бытовой почве, но зачастую нарушители спокойствия начинали в обычных репликах и замечаниях искать оправдание своим взглядам и поступкам, используя этнический ресурс и переводя конфликт в межэтническую плоскость.

Другим, более преобладающим, объективным фактором, вызывающим резонные опасения является то, что, по мнению большинства респондентов, причиной конфликта, как правило, является разница в жизненном уровне между местными и приезжими. И лишь затем, на этот стержневой фактор накладываются мировоззренческие, языковые и религиозные противоречия.

Русский, инвалид, безработный, житель Узынагаша, 52 года. Оралманы, по-моему, живут лучше. Я слышал, что, им государство землю и деньги выдает. Вон сосед у нас каракалпак, не успел приехать, так землю ему дали, дом отстроил, дети учатся в городе. У многих местных нет таких возможностей.

Казах, полицейский, житель Каскелена, 28 лет. В сельской местности оралманам большие уступки, а тем же

местным, которые тут родились, никакой поблажки. Есть случаи, что они порой и настраивают местных против других этнических групп.

Желание предупредить конфликтные ситуации, не ввязываться в споры с приезжими заставляет многих респондентов, по их словам, избегать общения с кандасами.

Казашка, бухгалтер госпредприятия, жительница Узынагаша, 43 года. Оралманы говорят, что они приехали учить нас настоящему языку и обычаям, потому мы тут стали обрусевшими. Даже в такси они часто говорят: почему ты разговариваешь на русском, а не на казахском?

Казашка, сотрудник юридической фирмы, жительница Узынагаша, 45 лет. Я казашка! И в совершенстве знаю оба языка – государственный и русский! На каком языке хочу на том и буду разговаривать! Оралманы мне не указ! Из-за них тут все недопонимания и конфликты возникают!

На общем эмоциональном фоне большинства отрицательных оценок взаимоотношений местных казахов и кандасов, несколько маргинальным видятся мнения некоторых респондентов, пытающихся более объективно взглянуть на взаимодействие репатриантов и местных, как на двустороннее взаимодействие, либо отсутствие проблемы вообще:

Казашка, пенсионерка, жительница Узынагаша, 72 года. У оралманов у всех есть дома и неплохо живут. Только местные живут похуже. Но мы со всеми хорошо общаемся. Нет такого, чтобы только конфликт с оралманами был. У нас соседи из Монголии, Каракалпакии, нормально живем, общаемся, помогаем при случае друг другу.

Русская, бухгалтер ИП, жительница Узынагаша, 32 года. Спросить кого-то из казахов, они наверное могут

сказать, что оралманов и мы не любим. Почему-то нам русским все равно!? Если что случится местные казахи сразу выступают: «Да, это оралманы!». Не знаю, что они такого делают? Я особо не замечала.

Следует отметить, что научный проект «Мониторинг...» не ставил перед собой специфической задачи исследования социально-культурных и других аспектов интеграции репатриантов-кандасов. Актуальность внутреннего ценностного конфликта между местными и кандасами выявилась в ходе нынешних качественных социологических исследований (фокус-групп, углубленных интервью и др.). Тема значительных трудностей интеграции кандасов (оралманов) в казахстанское общество всегда была в эпицентре внимания казахоязычных журналистов, редко попадая в поле зрения казахстанских исследователей. Время от времени, становясь предметом исследований казахстанских ученых, статьи с анализом данной проблемы носили, как правило, характер социально-экономического и демографического анализа и публиковались чаще в научных сборниках и журналах сибирских областей Российской Федерации, проявлявших к ним соседский интерес [2], [3]. Попытки исследования межкультурных, языковых и других субъективных проблем социального и социетального характера носили, как правило, спорадический характер и привлекали внимание в основном российских ученых, проявлявших особый интерес к исследованию субъективных аспектов возникновения «групповости». «То как возникшая группа осознает себя и противопоставляет себя «другим» (властям, местным казахам), а также воспринимается как «чужая»

местными сообществами и тем самым выступает важным фактором для идентификации местных себя как группы» [4, с. 210]. Зарубежные ученые, также не оставляли без внимания проблематику интеграции казахских репатриантов, делая основной упор в своих исследованиях на вопросах политики правительства РК в отношении кандасов, психологических и культурологических аспектах их социального самочувствия [5], [6], [7], [8], [9].

Казахстанские исследования на тему репатриантов, выводы которых не совпадают с правительственным дискурсом, появляются, как правило, в англоязычных научных журналах и недоступны общественному мнению «снизу», будучи достоянием лишь малого количества казахстанских исследователей, следящих за зарубежной научной литературой. «Официальная риторика казахстанского правительства и средств массовой информации отодвинула этнический аспект на задний план, не подчеркивая «казахскость» репатриантов, отдавая предпочтение нейтральному «оралману», а не «казахскому оралману». Такие наименования, как казахстанцы, говорящие по-казахски, соотечественники, казахи-эмигранты или даже казахская диаспора, редко используются при упоминании этнических казахов-репатриантов или казахских общин за рубежом» [10, с. 26].

В нашей статье мы пока не можем привести аргументированное мнение другой стороны – кандасов, у которых, без сомнения, есть свое объяснение сложившейся ситуации. Соответственно, невозможно делать далеко идущие выводы о внутри- и межэтнических отношениях, в которых одной из сторон выступают репатрианты-

кандасы. Тем не менее, возможно точно констатировать наличие достаточно серьезного мировоззренческого кризиса заключающегося в непрекращающихся, пусть и локальных, мелких, повседневных конфликтах и столкновениях взглядов, ценностей и т.д. Также можно с уверенностью утверждать, что мы не имеем объективных индикаторов и эмпирических данных о реальных процессах в этой деликатной сфере внутренних взаимоотношений с кандасами, которые как указано выше особо не приветствовались органами управления и местными администрациями, поскольку затрагивали очень чувствительные аспекты их имиджа. Тем более, невозможно делать далеко идущие выводы по данной тематике без опоры на конкретные индикаторы, анализируя их в сравнительной динамике и более проблемных контекстах.

В ходе исследований, также выяснилось, что городской сегмент казахстанского социума, имеющий явную тенденцию к росту, в первую очередь, из-за стремительной урбанизации населения страны, представляет собой особый феномен. Население таких крупных населенных пунктов как Узынагаш (более 40 тыс.чел), Каскелен (более 65 тыс.чел), Талгар (более 43 тыс.чел), являющихся районными центрами Алматинской области, по праву считает себя городскими жителями. В процессе интервью было отмечено, что жители этих малых городов отделяют себя от жителей одноименных сельских округов, которые составляют крупные сельские агломерации с данными населенными пунктами в центре. С одной стороны, существует выраженное социальное неравенство между жителями райцентров-малых городов и окружа-

ющими их аулами. С другой стороны, респонденты подчеркивают все большее проникновение в психологию местных меритократических принципов, когда трудолюбие, знание культуры и языков дает людям все больше осязаемых преимуществ по сравнению с замкнутыми общинами, отодвигая вопросы этничности на второй план.

На вопрос: «*Есть ли резкое социальное неравенство среди жителей, этническое деление при приеме на работу, ущемление в правах по этническому признаку?*», были получены следующие ответы:

Казах, водитель, житель Узынагаша, 47 лет. *Да нет...! У нас в Узынагаше такого разделения точно нет. Может где-то в отдаленных поселках нашего узынагашского округа и попадаетея такое, а у нас нет такого деления... Нет, такого, чтобы из-за нации, хуже-лучше такого нет! В общем все зависит от человека. Если работаешь, не ленишься, можно жить в достатке.*

Русская, бухгалтер, жительница Узынагаша, 32 года. *Например, русский или турок-гаишники останоят вас, так они могут на казахском или на русском говорить свободно. В милиции практически все знают два языка. Ну да! Получается по национальности отбора на профессию нет.*

Уйгурка, учительница, жительница Чилика, 57 лет. *Пыталась устроить сына на работу в МВД в городе Алматы, пожарником. Однако, нам отказали, прямым текстом говоря, что наша национальность не подходит. Хотя бы один человек в семье должен был быть казахом. Мы уйгуры, и мой муж, и я.*

Казашка, бухгалтер, жительница Узынагаша, 43 года. *Нет, такой проблемы с неравенством у нас нет. По соци-*

ально-экономическому положению у нас есть разделение, но по правам нет. Есть дальние забытые Богом села. Там люди живут за счет земли и скотоводства. Там могут быть такие проблемы. А здесь в Узынагаше, я думаю, люди живут нормально.

Заметно, что в этих малых городах формируется новая городская более толерантная и в то же время более обезличенная среда. На вопрос: «*Не делятся ли люди между собой по этническому признаку, нет ли бытовых оскорблений на этнической почве?*» были получены следующие ответы:

Уйгурка, домохозяйка, жительница Узынагаша, 56 лет. *Все смешано. Нет такого разделения.*

Русский, пенсионер, житель Талгара, 80 лет. *Бывает. Такое везде есть. В Алмате люди более культурные, чем в Талгаре.*

Русская, учительница, жительница Талгара, 31 год. *Встречала смешанные компании в школе. Дети не делятся между собой по каким-либо этнокультурным признакам. Играют и дружат и казахи с русскими, и с другими детьми. Все спокойно. Никто не жалуется. Не обзываются друг на друга по национальности.*

Городская идентичность с ее ценностями, неписаными законами и правилами активно формируется в городских пространствах малых городов Алматинской области. Этничности придается намного меньше значения, чем раньше – 10-20 лет назад, что отмечают многие респонденты, мотивируя тем, что люди за много лет «притерлись» друг к другу. Тем не менее, по мнению большинства старожилов, приезжие вносят свою лепту в процессы дезинтеграции и возведения межкультурных

границ. Эти границы более выстраиваются по линиям: «местные казахи – кандасы», «другие этносы – кандасы», а уже затем, по менее выраженным линиям взаимодействия: «казахи – другие этносы», «малые этнические группы между собой». Таким образом, вопросы формирования и проявления «казахскости», реакции на эти процессы малых этнических групп РК, формирования социумной психологии нового городского пространства в контексте проблематики «изоляции-интеграции», «притяжения-выталкивания» социальных и этнических групп казахстанского общества заслуживают самого детального дальнейшего исследования.

Выводы и рекомендации:

Респонденты проведенных интервью и фокус-групп выделили наиболее эффективные пути укрепления межэтнического согласия в стране. Главными факторами, по мнению респондентов всех этнических групп, является повышение жизненного уровня казахстанцев, укрепление и соблюдение законности, оперативно действующая обратная связь с местной администрацией, действенная система воспитания культуры межэтнического общения через СМИ и систему образования, представленность их интересов в органах управления, сохранение курса Елбасы Нурсултана Назарбаева на межэтническое единство и согласие в казахстанском обществе.

Респонденты отмечают стабильный уровень экономического и социального неравенства между кандасами и местными жителями, оказывающий существенное вли-

яние на характер межгрупповых суб- и межэтнических взаимоотношений. Бытовая неустроенность переселенцев подталкивает их к акциям протеста. В то же время местное население выражает недовольство в связи с тем, что переселенцы имеют определенные льготы, полагая, что оно имеет на них больше прав. Нерешаемые проблемы способствуют росту социальной напряженности, особенно, в южном перенаселенном регионе Казахстана.

В случае ухудшения социально-экономического положения населения внутри- и межэтнический конфликт по линиям «местные казахи – кандасы» и «кандасы – другие этносы» грозит приобрести взрывоопасные формы. Александр Динер в своей статье о казахских репатриантах, вышедшей в 2005 году и задавшей определенное направление всем специалистам изучающим миграционную проблематику и обозначившей ее основные болевые точки, отмечал: «Спад в экономике может легко поляризовать отношения не только между нетитульными народами и «оралманами», но и между казахстанскими казахами и их квазититульными родственниками» [5, с. 342]. Тем не менее, тема социального самочувствия оралманов очень редко поднимается в СМИ и то скорее на неправительственных интернет-сайтах [11]. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо создание межведомственной комиссии с широкими регулятивными полномочиями и включающую в себя представителей силовых органов, власти, гражданского общества, ученых и общественности с целью точечного предупреждения и решения набравших споры и противоречий на местном уровне, потенциально способных перерасти в гражданское противостояние;

Резко возрастает востребованность детальных научных исследований этносоциальных процессов в местах компактного проживания этнических групп, которые должны включать в себя и изучение мировоззренческих и социально-культурных проблем интеграции кандасов, которые, также как и многие этнические группы РК, предпочитают селиться компактно.

В контексте тезиса Послания Президента РК Токаева от 1.09.2021 об актуализации не ангажированных социологов, дающих объективную картину происходящего, необходимо увеличение доли качественных методов социологии (фокус-групп, глубинных интервью и т.д.) в исследовании интроспективной меж- и суб-этнической проблематики, включающих в себя мировоззренческие и языковые аспекты ценностного конфликта между «коренными» и «приезжими»;

Языковая проблема должна решаться эволюционным путем. Прежде всего, необходимо поднять уровень преподавания казахского языка в учебных заведениях всех уровней. Для этого следует обеспечить качество подготовки специалистов в вузах, осуществляющих подготовку учителей казахского языка. Необходимо ввести курс «Поликультурное образование» в педагогических вузах и на педагогических факультетах университетов как обязательный (профилирующий) предмет преподавания;

Кадровая политика по-прежнему требует внимания вследствие перекосов в сторону титульного этноса. Знание государственного языка вследствие невладения им другими этносами, как это было в 90-е годы, уже не

может служить преградой для поступления на государственную службу. Поэтому в местах компактного проживания этнических групп следует принять меры по привлечению в местные органы власти граждан некоренной национальности;

В этнополитике РК преобладают административные подходы, а на уровне официальных лиц, республиканских СМИ не принято открыто признавать, обсуждать, писать о том, что между этносами в каких-то регионах существуют проблемы. Подобные подходы становятся еще большим препятствием на пути проведения адекватной, гибкой политики и могут в дальнейшем привести к еще большей напряженности и трудностям в регулировании межэтнических отношений;

В деятельности Ассамблеи народа Казахстана (АНК) необходима методологическая и методическая перезагрузка. Ассамблея, доказавшая за годы деятельности свою эффективность, должна быть представлена в каждом многокультурном ареале и принимать самое активное участие в жизни локальных сообществ. Культурно-массовая работа должна уступить место разработке превентивных механизмов предотвращения конфликтов. Особое место в ее работе должно быть уделено работе с кандасами.

Список использованных источников:

1. Смагулов Амир. В Казахстане родители стали чаще отдавать своих детей в русские классы. Почему? Azattyq-ruhy. 19.06.2021, 21:23 – <https://rus.azattyq-ruhy.kz/society/25426-v-kazakhstane-roditeli-stali-chashche-otdavay-svoikh-detei-v-russkie-klassy-pochemu>

2. Алексеенко А.Н. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – С. 567–592.

3. Хизат Акерке. Репатрианты и городское пространство Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). – С. 61-64.

4. Поправко И.Г. Чужие среди своих: репатрианты, аутентичность и повседневные границы в Восточном Казахстане // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. – С. 206-216.

5. Alexander C. Diener Kazakhstan's Kin State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma Source: *Europe-Asia Studies*, Vol. 57, No. 2 (Mar., 2005), pp. 327-348.

6. Diener, A. One Homeland or two? The Nationalization and Transnationalization of Mongolia's Kazakhs. Redwood City: Stanford University Press, 2009.

7. Cerny A. Going where the grass is greener: China Kazaks and the Oralman immigration policy in Kazakhstan / *Pastoralism*. 2010, Vol. 1 No. 1, 218-247.

8. Finke, P., Historical Homelands and Transnational Ties: the Case of the Kazak Oralman. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2013, 138(2): 175-194.

9. Alexander, C. 'Indeterminate classifications: being 'more than kin' in Kazakhstan', in *Indeterminacy: waste, value, and the imagination*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2019, pp. 134-160.

10. Zharmukhamed Zardykhan. Ethnic Kazakh Repatriation and Kazakh Nation-Building: The Awaited Savior or the Prodigal Son? *Region*, 2016, Vol. 5, No. 1, pp. 17-34.

11. Что заставляет кандасов становиться оралманами – зов крови или нужда? *Qmonitor*, 05 Фев, 2021 - <https://qmonitor.kz/politics/800>

АВТОРЫ СБОРНИКА

Аллез Гзавье – научный сотрудник Французского Института исследований Центральной Азии (IFEAC), доктор PhD (History), (Париж, Франция)

Ананьева Светлана Викторовна – заведующая отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК, кандидат филологических наук, доцент, заместитель председателя Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана (НЭГ АНК) г. Алматы

Айтымбетов Нуркен Ысқақұлы – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор PhD, секретарь НЭГ АНК г. Алматы

Болдин Владимир Алексеевич – ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (Москва, Россия)

Вежбицки Анджей – профессор кафедры восточных исследований факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Жусипбек Галым – ассоциированный профессор Университета им. Сулеймана Демиреля, доктор PhD

Исмагамбетов Талгат Танатарович – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, кандидат политических наук, доцент

Кадыржанов Рустем Казахбаевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Карнович Олег Геннадьевич – директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор, член НЭГ АНК г. Алматы

Мацаберидзе Малхаз – профессор Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили, доктор политических наук (Тбилиси, Грузия)

Прозорова Галина Константиновна – ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук, доцент (Москва, Россия)

Сейдуманов Серик Турарович – генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, ассоциированный профессор, председатель Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Сейдуманов С.Т. Межэтническая сфера: оценка ситуации и перспективы ее развития.....	9
Аллез Гзавье Об определении границы Казахской Автономной республики в 1919-1920 г.	21
Ананьева С.В. Художественно-эстетическая культура как основа духовного единства народа Казахстана.....	40
Айтымбетов Н.Ы. Қазақстанда этносаралық өзара интеграцияға әлеуметтік-экономикалық фактордың ықпалы.....	54
Болдин В.А. Механизмы формирования наднациональных идентичностей: историко-политологический очерк.....	65
Вежбицки Анджей Критические заметки о типологии национализма Ханса Кона.....	84
Дунаев В.Ю. Фреймирование этносоциальных процессов в социодискурсе постмодерна	107
Жусипбек Галым Примордиальный этнонационализм как идеология, препятствующая соблюдению прав человека и инклюзивному развитию.....	130
Исмагамбетов Т.Т. Этнодемографические процессы и миграционная политика: на примере северных областей Казахстана.....	159

<i>Кадыржанов Р.К.</i>	
Национальный суверенитет и национальное строительство в независимом Казахстане.....	179
<i>Карпович О.Г., Прозорова Г.К.</i>	
Положение национальных меньшинств в странах Ближнего Востока и Северной Африки: пути преодоления сепаратистских тенденций.....	192
<i>Курганская В.Д.</i>	
Мультикультурное образование: состояние и перспективы развития.....	211
<i>Мацаберидзе Малхаз</i>	
Консультативные структуры этнических меньшинств: международный опыт и Грузия.....	231
<i>Шайкемелев М. С.-А.</i>	
Интроспективные аспекты субэтнического взаимодействия в селах Алматинской области и юга Казахстана.....	239
Авторы сборника.....	264

Научное издание

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Сборник научных трудов

Часть 2

Дизайн и верстка: *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 25.09.2021.
Тираж 500 экз. Формат 170x240 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,75.

Отпечатано в типографии ТОО «378»
г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1